

Питер Грин

ВЛАДЫКИ МИРА

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Царь четырех
сторон света

Annotation

В книге английского писателя и критика, профессора истории Питера Грина повествуется о военных кампаниях Александра Македонского, великого завоевателя, сумевшего создать крупнейшую монархию древности. В книге приведены интереснейшие малоизвестные факты биографии Александра Македонского, ярко воссоздана историческая эпоха. Издание богато иллюстрировано и снабжено военными картами.

Питер Грин

Александр Македонский. Царь четырех сторон света

Хронограф

(356—323 гг. до н. э.)

356 – Рождение Александра в Пелле. Точная дата неизвестна, но, как считается, между 20-м и 26 июля Филипп захватывает Потидею. Парменион побеждает пэонов и иллирийцев.

354 – Демосфен выступает против «священной войны» с Персией. Филипп теряет глаз во время Метонской кампании.

352 – Македония принимает беженцев. Филипп становится потенциальным лидером будущего «крестового похода» на Персию.

351 – Филипп ведет морскую борьбу с Афинами. Первая «филиппика» Демосфена.

348 – *Август*. Филипп захватывает Олинф. Провал попытки Эсхина объединить греков против Македонии.

346 – *Март*. Посольство афинян к Филиппу. Парменион осаждает Хал.

Апрель. Филократов мир. Второе афинское посольство продолжает миссию до июля.

Июль. Филипп занимает Фермопилы.

Август. Филипп председательствует во время Пифийских игр. Исократ публикует обращение к Филиппу.

344 – Филипп становится пожизненным фессалийским архонтом.

343 – Договор о ненападении между Филиппом и Артаксерксом. Дело Эсхина. Аристотель становится воспитателем Александра.

342 – Брат Олимпиады Александр наследует эпирский престол.

340 – Съезд союзников в Афинах. Демосфен награжден золотым венком. Александр становится регентом в Македонии. Основание им Александрополя. Кампания Филиппа против Византия.

339 – *Сентябрь*. Филипп занимает Элатею. «Панатенаик» Исократа.

338 – *Около 2 августа*. Битва при Херонее. Посольство Александра в Афины. Филипп женится на Клеопатре. Александр и Олимпиада покидают Македонию.

337 – *Весна*. Коринфский съезд провозглашает Эллинский союз.

Возвращение Александра в Пеллу.

Осень. Эллинский союз утверждает «священную войну» против Персии.

336 – *Весна*. Парменион и Аттал отправляются в Малую Азию для первоначальных военных действий.

Июнь. Воцарение Дария III.

Клеопатра рождает Филиппу сына.

Убийство Филиппа.

Александр воцаряется в Македонии.

Конец лета. Александр созывает съезд Эллинского союза и становится главнокомандующим в антиперсидском походе.

335 – *Ранняя весна.* Александр воюет во Фракии и в Иллирии.

Мятеж в Фивах.

334 – *Март – апрель.* Александр с войском вторгается в Малую Азию.

Май. Битва при Гранике.

Реформы в греческих городах в Малой Азии.

Взятие Милета.

Осень. Осада и взятие Галикарнаса войском Александра.

334—333 – Поход Александра через Ликию и Памфилию.

333 – Войско Александра направляется на север, в Гордий.

Ранняя весна. Смерть Мемнона.

Персы собирают войско в Вавилоне.

Эпизод с Гордиевым узлом.

Поход Александра на юг, к Киликийским Воротам.

Поход Дария на запад.

Сентябрь. Приход македонян в Тарс. Болезнь Александра.

Дарий пересекает Евфрат.

Сентябрь – октябрь (?). Битва при Иссе.

Поход Александра на юг, через Финикию.

Первые мирные предложения Дария.

332 – *Январь (?).* Сдача Библа и Сидона.

Начало осады Тира.

Июнь (?). Новые мирные предложения Дария.

29 июля. Падение Тира.

Сентябрь – октябрь. Взятие Газы.

14 ноября (?). Коронование Александра в качестве фараона в Мемфисе.

331 – *Ранняя весна.* Посещение Александром оракула Амона.

7—8 апреля (?). Основание Александрии.

Александр возвращается в Тир.

Июль – август. Александр подходит к Тапсаку на Евфрате.

Дарий с войском выходит из Вавилона.

18 сентября. Александр пересекает Тигр.

Отклонение последних предложений Дария.

30 сентября (или 1 октября). Битва при Гавгамелах.

Поход македонского войска на Вавилон.

Середина октября. Сдача Вавилона.

Подавление мятежа Агиса в Мегалополисе.

Начало декабря. Александр беспрепятственно входит в Сузы.

330 – *Январь (?)*. Войско Александра входит в Персеполис.

Май (?). Сожжение храма и других зданий в Персеполисе.

Начало июля. Александр идет в поход на Экбатаны.

Бегство Дария в Бактрию.

В Экбатанах происходит демобилизация греческих союзников. Там остаются Парменион и Гарпал.

Возобновление преследования Дария через Каспийские Ворота.

Вторая половина июля. Дария находят убитым у Гекатомпила.

Бесс в Бактрии провозглашает себя «великим царем».

Июль – август. Начало гирканийского похода.

Конец августа. Поход на Дрангиану (озеро Систан).

«Заговор Филоты».

Поход через Арахозию.

329 – *Март – апрель.* Александр переходит через Гиндукуш.

Апрель – май. Наступление Александра в Бактрии. Отступление Бесса.

Июнь. Александр переходит Окс. Демобилизация ветеранов и фессалийцев.

Выдача Бесса.

Поход Александра на Мараканду (Самарканд).

Восстание Спитамена. Поражение македонского отряда.

329—328 – Войско Александра на зимних квартирах в Зариаспе.

Казнь Бесса.

328 – Кампания против Спитамена.

Осень. Убийство Клита Черного.

Поражение и гибель Спитамена.

327 – *Весна.* Взятие Согдианского Утеса.

Александр женится на Роксане.

Призыв 30 000 персидских «преемников».

Конец Каллифена.

Начало лета. Александр снова переходит Гиндукуш.

Начало вторжения в Индию.

327—326 – Войско Александра достигает Нисы (Джелалабад). Дионисийское празднество.

Захват Аорна.

326 – Поход на Таксилу.

Битва с Пором при Гидаспе.

Смерть Буцефала.

Июль (?). Мятеж на Гифасисе.

Возвращение на Гидасп. Прибытие пополнений из Греции.

Начало ноября. Поход войска и флота вниз по реке.

326—325 – Кампания против брахманских городов. Александр тяжело ранен.

325 – Мятеж в Бактрии.

Александр достигает Паталы и строит порт.

Сентябрь (?). Поход Александра через Гедрозийскую пустыню.

Бегство казначея Гарпала в Грецию.

Декабрь. Начало чистки сатрапов.

Неарх с флотом достигает Гармозии. Встреча Неарха и Александра в Салме.

Прибытие Кратера из Дрангианы.

324 – *Январь.* Неарха с флотом отправляют в Сузы.

Эпизод на могиле Кира.

Александр возвращается в Персеполис.

Поход на Сузы с пребыванием там в феврале – марте.

Весна. Прибытие 30 000 персов-«преемников».

Массовые свадьбы в Сузах.

Март. Указы о возвращении изгнанников и об обожествлении царя.

Кратер назначается регентом вместо Антипатра и отправляется с войском на родину.

Александр отправляется в Экбатаны.

Кончина Гефестиона.

323 – Убийство Гарпала на Крите.

Весна. Кампания Александра против горцев и возвращение в Вавилон.

Александр исследует речной путь, путешествуя по болотам.

Кассандр, сын Антипатра, прибывает для переговоров с Александром.

29—30 мая. Болезнь Александра во время пира.

10—11 июня. Кончина Александра.

Глава 1

Филипп Македонский

История жизни Александра Великого самым тесным образом связана с историей жизни его отца, царя Филиппа, и с историей их родины, Македонии. Если не принять во внимание именно это, судьба Александра будет казаться нам кометой, быстро промелькнувшей по небу, величественной, но одинокой, неким необъяснимым чудом.

Александр, бесспорно, был гением, но даже и гений зависит от собственного окружения. Он стал самим собой в огромной мере благодаря своему отцу и своей стране, а потому с них и следует начать.

Однажды в начале сентября 356 г. до н. э. из Пеллы, новой македонской столицы, примчался гонец со срочными сообщениями для царя. Курьер прибыл в Потидею, город в Халкидике, где находилось в то время македонское войско. Он спешил: все знали, что Филипп, сын Аминты, бывший регент, ныне провозгласивший себя царем, не терпит нерадения и медлительности.

Если бы гонец не знал царя в лицо, ему трудно было бы разглядеть Филиппа в кругу военачальников. Филипп был в точно таком же пурпурном плаще и широкополой шляпе, как и большинство представителей македонской знати того времени.

Царю исполнилось двадцать семь лет; высокий мужчина с окладистой бородой, он любил вино и женщин, случалось, любил и мальчиков. Человек от природы жизнерадостный, он, прочитав донесения, привезенные курьером, обрел новые основания для веселья.

Во-первых, Парменион, самый надежный из царских полководцев, одержал решающую победу над соединенными силами иллирийцев и пэонов, могущественных племен, которые обитали на македонских болотах, примерно в тех местах, где сейчас находятся Албания и Сербия. Во-вторых, скачки на последних Олимпийских играх принесли Македонии первый приз. Наконец, самое лучшее: 20 июля его жена Миртала, больше известная как Олимпиада, родила сына Александра.

Говорят, дочитав донесения, Филипп обратился с просьбой к Фортуне принести ему небольшую неприятность, чтобы уравновесить столь великие удачи. Почему эти три события имели для Филиппа такое большое значение? Чтобы ответить на такой вопрос, надо заглянуть в прошлое Македонии с ее древними обычаями.

Географически и этнически Македония была разделена на две части – горную и равнинную, подобно тому как разделена далекая от нее Шотландия.

Нижняя Македония расположена на плодородной равнине, тянущейся к Эгейскому морю в районе нижнего течения рек Галиакмон (Вистрица) и Акси́й (Вардар) и окруженной горами со всех сторон, кроме восточной, где естественной границей служила третья река, Стримон, или Струма.

Эта область стала первым государственным центром, где с древности обосновались полулегендарные скотоводческие племена, которых интересовали прежде всего хорошие пастбища. Столицей страны, пока Филипп не перенес ее в Пеллу^[1], были Эги, живописный город-крепость на северо-западной границе.

Местность, необычайно богатую фруктовыми садами, народ называл «Садами Мидаса».

Верхняя Македония – обширная, но труднодоступная горная лесистая область, составляющая единое географическое целое с Пэонией. Там есть несколько перевалов; наиболее известен проход через ущелье Темпе. Македония в целом была естественно изолирована от большей части Эллады и, подобно Спарте,

сохранила установления, которых уже не было в других регионах (как царская власть или феодальное землевладение).

Верхняя Македония некогда разделялась на три автономных удельных государства: Элмию на юге, Орестиду и Линкестиду на западе и северо-западе. Первоначально эти области были независимыми, и в каждой правила своя амбициозная династия. Династия эпирских царей, западных соседей Македонии, претендовала на происхождение от внука Ахилла. Это обстоятельство оказало большое влияние на Александра, так как его мать Олимпиада происходила именно из этого рода.

Македонские владетели династии Аргеадов вели свою родословную от Геракла, а так как Геракл считался сыном Зевса, они именовали себя «рожденными Зевсом» (изображения Зевса и Геракла постоянно чеканились на монетах Филиппа).

По крайней мере с V в. до н. э. Аргеады считались традиционными государями Верхней Македонии. Их господство было очень похоже на господство Агамемнона над царьками Эллады. Каждый из местных царьков был полунезависимым. В отдаленных районах они не были особенно склонны сопротивляться вторжениям иллирийцев или пеонов и, весьма вероятно, порой оказывали им прямую поддержку.

Если к этому добавить бесконечные интриги при дворе самих Аргеадов, нередко кончавшиеся убийствами и узурпациями, станет ясно, почему Македония до Филиппа играла столь незначительную роль в греческой истории.

В греческих полисах относились к этому реликту догомеровской эпохи с откровенным пренебрежением. На македонян там смотрели как на полудикарей, не владеющих «нормальной» речью, приверженных к устаревшим политическим учреждениям, посредственных воинов, клятвопреступников, для которых убийства и кровосмешение стали привычным делом.

Поведение Македонии во время греко-персидских войн или Пелопоннесской войны также не способствовало тому, чтобы поставить ее в один ряд с патриотами из греческих полисов. Царь Александр I открыто сотрудничал с персами, выдал свою сестру за персидского сатрапа и состоял при армии Ксеркса в качестве своего рода агента связи, когда настойчиво советовал афинянам капитулировать, уверяя, что победить им не дано.

Его сын Пердикка II во время Пелопоннесской войны столько раз переходил с одной стороны на другую, что один современный ученый даже составил таблицу, чтобы показать, на чьей стороне этот государь находился в каждый конкретный момент, не говоря уже о его несообразном побочном сыне Архелая, который, чтобы сесть на престол, убил дядю, двоюродного брата, единокровного брата, женился на вдове своего отца и сам был убит в результате своих гомосексуальных интрижек.

История деятельности Пердикки и Архелая дает возможность судить о реальном потенциале Македонии. Удивительные метаморфозы Пердикки были связаны прежде всего с тем, что он в изобилии располагал сырьем, в котором весьма нуждались обе воюющие стороны – хорошей македонской елью, древесину которой использовали в кораблестроении. Он ограждал свою страну от серьезного вмешательства в военные действия во время Пелопоннесской войны, тем самым предотвратив опустошительную депопуляцию, которая ослабила Афины и Спарту.

Что касается Архелая, то он, благодаря своему пониманию реального положения вещей, впервые сформулировал основные проблемы, которые следовало разрешить, прежде чем Македония могла бы стать силой, способной решать дела Эллады; именно он серьезно взялся их решать.

Во-первых, следовало обезопасить страну от набегов беспокойных соседей, а для этого надо было усилить войско и объединить Верхнюю и Нижнюю Македонию. Во-вторых, следовало провести более широкую эллинизацию в целях культурной пропаганды, чтобы греческие государства начали принимать

Македонию всерьез. Архелай, как и многие тираны древности, объявил себя поборником просвещения, покровителем литературы, искусства, науки.

Однако после убийства Архелая возводимое им здание рухнуло в один день, а за этим последовало сорок лет наихудшей анархии и смуты из всех, какие доводилось переживать Македонии. Права Архелая на трон считались очень слабыми, и вассалы из отдаленных областей воспользовались этим в своих целях. Само собой, большинство македонской знати предпочитало развлечения вроде охоты и попоек занятиям музыкой или литературой. Они получали истинное удовольствие от содомии, но не хотели портить его упадочной платоновской философией.

Немаловажно, что опекуном Ореста, сына Архелая, был Эроп, владетель Линкестиды. До 396 г. до н. э. они правили совместно, потом, укрепив свои позиции, Эроп отделался от Ореста и стал править один. Через два года он скончался, и ему наследовал сын Павсаний, но вскоре он был убит законным претендентом на трон из рода Аргеадов, внуком Александра I Аминтой. В 394 г. до н. э. Аминте было уже под шестьдесят. Он пытался заявить о правах на трон лет тридцать назад, оспорив права своего дяди Пердикки. Но даже со второй попытки ему было трудно добиться цели. Линкестидская знать во главе с сыном Павсания, призвав на помощь иллирийцев, изгнала Аминту из Македонии, но уже в 392 г. до н. э. он с помощью фессалийцев вернулся – на этот раз надолго.

Под именем Аминты II он правил до 370 г. до н. э., и, хотя был уже пожилым человеком, у него родилось три законных сына. Младшим из них и был Филипп, отец Александра Великого, рожденный в 382 г. до н. э., когда Аминте было за шестьдесят. Нетрудно понять, что возникли слухи насчет сомнительности рождения всех этих наследников.

Династия Аргеадов пользовалась дурной славой пьяниц, хапуг, убийц, клятвопреступников, трусливых и бездарных деспотов, и Аминта мало что сделал, чтобы улучшить эту репутацию.

Он был совершенно беспринципным в выборе союзников и, чтобы ублажить Афины и укрепить свою шаткую власть, даже усыновил Ификрата, афинского полководца. Кроме того, при нем продолжали процветать дворцовые интриги. Царица Эвридика завела любовника по имени Птолемей и женила его на собственной дочери, очевидно, чтобы иметь предлог держать его около себя. Однако со временем Эвридика утратила бдительность, и Аминта однажды застал ее в постели с собственным зятем. Правда, как обычно, он ничего не предпринял. Царь был очень привязан к своей дочери и не хотел скандала, который мог бы ее огорчить.

Тогда любовники решили убить Аминту и провозгласить Птолемя царем. Однако они не учли, что дочь царя никогда бы не пошла на отцеубийство. Она своевременно предупредила царя о заговоре. Могла начаться новая смута, но Аминта вскоре скончался – быть может, от потрясения в преклонном возрасте (ему было не менее восьмидесяти лет).

О своих законных правах немедленно заявил старший сын царя Александр. Но хитрый Птолемей устроил так, чтобы Александр был убит во время македонского праздника народного танца, а сам женился на Эвридике и объявил себя регентом при Пердикке, брате Александра и следующем законном наследнике.

Сознавая, что создавшееся положение может привести к осложнениям за границей, Птолемей стал вести переговоры с фиванцами, чей полис тогда быстро превращался в самый могущественный в Греции. В знак верности он отправил в Фивы группу знатных заложников, среди которых был последний законный сын Аминты Филипп, в то время пятнадцатилетний юноша.

Едва ли Птолемей предвидел последствия этого. Ведь в Фивах Филипп находился вместе с Памменом, который был хорошим военачальником и к тому же близким другом разбившего непобедимую спартанскую армию при Левктрах Эпаминонда, которого, пожалуй, можно считать лучшим греческим

полководцем до Александра Великого. Своей военной карьерой Филипп, а в дальнейшем и Александр были во многом обязаны урокам крупного фиванского военачальника.

Филипп понял важность профессиональной военной подготовки, тактических учений, тесного взаимодействия конницы и пехоты, сочетания основательного штабного планирования и быстрых действий. Наблюдая за маневрами фиванского «священного отряда», Филипп настолько изучил потенциал этой элитной части, что тридцать лет спустя они с сыном наголову разбили это знаменитое воинское соединение. Сверх того, Филипп усвоил важнейший принцип: «Самый лучший способ с наименьшей затратой сил победить противника – нанести ему удар не с самой слабой, а с самой сильной стороны».

Филипп прошел полезную, хотя и необычную школу борьбы за власть. Близость к македонскому царскому двору выработала у него циничный взгляд на человеческую природу. В этом мире убийства, кровосмешение, узурпации были обычным делом, и его собственная семья не стала исключением. В Фивах же он стал очевидцем слабостей демократии: постоянная грызня между различными партиями, недостаток сильной руки, невозможность быстро принимать решения в тяжелых ситуациях, непредсказуемое поведение участников народного собрания во время голосования, сама система ежегодных выборов, которая делала почти невозможным серьезное долгосрочное планирование, непрофессионализм «ополчения граждан» (хотя в Фивах дело обстояло куда лучше, чем, скажем, в Афинах).

Впервые Филипп начал понимать, что устаревший государственный строй, монархия и власть землевладельцев, столь презираемые остальными греками, могут стать источником силы в борьбе с такими противниками. В тогдашней Македонии, несмотря на все огрехи, монархи все же были верховными правителями, воцарение каждого из них утверждалось войском, и теоретически правитель мог быть низложен военными посредством голосования. Если не считать этого и расплывчатого требования соблюдать «традиционные законы и обычаи», царская власть была абсолютной.

Македонская знать, так же как английские или французские бароны, получала землю от царей и была за это обязана служить им вместе со своими вассалами. Именно из родоплеменной знати царь отбирал своих «гетайров» («друзей»), которые играли роль и совета, и главного штаба во время войны. Из их числа выбирали личную охрану царя – восемь человек, которые сопровождали царя не только во время войны, но и во время всех общественных мероприятий.

Как и Фессалия, другое военное коневодческое государство, Македония располагала хорошей тяжелой кавалерией. Лошади в Македонии были не крупные, ростом немного выше, чем пони, но коневоды сумели вывести и более крупную породу, скрестив своих малорослых лошадей с конями, захваченными во время греко-персидских войн. Македоняне не пользовались ни седлом, ни стременами, как видно по изображениям на Сидонском саркофаге. Иначе говоря, у них в то время не было конных копьеносцев, известных в Средние века. Они располагали короткими копьями, которыми могли поражать противников во время ближнего боя. Старший брат Филиппа Александр во время своего кратковременного царствования создал также регулярную пехотную гвардию.

Это означало не просто воинскую категорию, но и определенный социальный статус. После убийства Александра пехотная гвардия сохранилась и была преобразована Филиппом в лучшее соединение тяжелой пехоты, существовавшее тогда в мире.

То была знаменитая македонская фаланга. Воины ее имели на вооружении страшные сариссы, копья длиной 13—14 футов, больше всего похожие на средневековые швейцарские пики. Так как они были примерно вдвое длиннее обычных пехотных копий, македоняне всегда имели возможность нанести первый удар при соприкосновении с противником. Воины фаланги проходили такую же серьезную военную подготовку, как впоследствии римские легионеры.

Находясь в Фивах, Филипп наблюдал за развитием событий на родине, изучая тем временем военную тактику и слушая лекции наставника-пифагорейца.

Сопrotивление правлению Птолемея было сильным, но исходило оно в основном из Линкестиды.

Никто не обращал внимания на молодого Пердикку, брата Филиппа, а это, как показало время, было ошибкой. Возможно, подобно Архелаю, Пердикка питал слабость к литературе и философии, но это был не такой человек, с которым можно было не считаться. Он подождал года три, пока его позиции укрепились (нового регента уже нельзя было назначить), а затем арестовал и казнил Птолемея в 365 г. (или, по другим сведениям, в 364 г.) до н. э.

После этого Пердикка сам стал править Македонией, а в числе первоочередных дел добился освобождения Филиппа из Фив. Когда тот вернулся, Пердикка назначил его управляющим одной из провинций, чтобы Филипп там собирал и обучал войско.

Филипп сразу начал претворять в жизнь уроки Эпаминонда, добившись от воинов дисциплины и организованности. Македоняне-пехотинцы начали теперь заниматься тактическими маневрами и принимать участие в комплексных учениях. Крестьяне и знатные люди на равных несли тяготы военных занятий, нравилось им это или нет. Медленно, но верно Филипп создавал профессиональное войско, используя основы военного дела, существовавшие в Македонии, чтобы осуществить свои нововведения.

К 359 г. до н. э. власть Пердикки настолько усилилась, что он смог заняться иллирийскими делами. Положение на западной границе к этому времени стало нетерпимым. Линкестидцы снова вышли из-под контроля центральной власти, и у Пердикки не было гарантий, что он однажды не будет свергнут в результате переворота, поддержанного иллирийцами. Он оставил Филиппа регентом при малолетнем сыне Аминте и, собрав большое войско, отправился на запад. Но через несколько дней гонец принес в Пеллу весть, что Пердикка потерпел поражение и сам погиб в битве с иллирийцами, а еще 4000 македонян навеки остались на поле боя. Филипп, наконец, достиг, фактически, полной власти. Частично умиротворив, частично подавив внутреннее сопротивление, Филипп зиму 359/358 г. до н. э. посвятил усиленной программе военного обучения. Ранней весной пришло известие о смерти пэонского царя. Пройдя с войском через северные перевалы, Филипп разгромил пэонов и заставил их признать македонское господство.

Нападение – лучший вид обороны. Филипп понимал, что у него сейчас есть шанс раз и навсегда покончить с иллирийской угрозой. Но это была труднейшая задача. Филипп отправился в поход с 600 всадниками и примерно 10 000 пехотинцев. Иллирийский царь Бардил встревожился и предложил мир, но на условиях сохранения статус-кво: он отказывался вернуть захваченные земли. Филипп отверг эти предложения. Два войска встретились на равнине у Охридского озера.

В этом случае Филипп впервые стал применять уроки тактики, полученные от Эпаминонда, как в дальнейшем их стал применять Александр. Существенных количественных различий между двумя войсками не было, все решали лучшая организованность и дисциплина. Иллирийцы, опасаясь окружения с флангов, построились в каре. Филипп сам повел в бой пехоту, построив ее так, что центр и левый фланг находились сзади, и развернув свое войско по косой линии (специфическая тактика Эпаминонда).

Как и предвидел Филипп, правый фланг иллирийцев растянулся, так как они стремились атаковать необычно построенное войско противника. Филипп дождался, пока на левом фланге число врагов сильно поредело, и повел в наступление находившуюся на правом фланге конницу, а затем – остальных воинов. Македоняне вклинились в неприятельское войско там, где ряды врагов поредели, и за конницей последовала фаланга.

Началась долгая, жестокая схватка. Наконец, сопротивление противника было сломлено. Македоняне

уничтожили 7000 иллирийцев, с лихвой отплатив за поражение и гибель Пердикки.

Так была выработана тактика, которая в дальнейшем помогла Александру одержать победы в битвах при Гранике, Иссе и Гавгамелах.

В качестве победителя Филипп мог диктовать свои условия и воспользовался этой возможностью. Бардил нехотя, под тяжестью понесенного поражения, оставил все захваченные македонские земли, и иллирийская граница стала, наконец, безопасной.

После этой победы престиж Филиппа чрезвычайно возрос. На какое-то время он стал национальным героем, но на повестке дня оставался вопрос, как долго он будет довольствоваться положением регента.

Одной из уступок, которой Филипп добился от Бардила, была рука его дочери. Опирающиеся на древние традиции сообщества, такие как македонское, фракийское или иллирийское, в отличие от греческих полисов, основывались на племенной системе родства и взаимных обязательств. Сородичи с меньшей долей вероятности могли вступить в заговор против правителя, а дочь побежденного практически оказывалась заложницей высокого ранга.

Филипп, разумеется, не мог не использовать это дипломатическое оружие. За его сравнительно короткую жизнь у него было не менее пяти жен. И все же союз с иллирийской царевной Одатой лишь временно укрепил безопасность Филиппа за рубежом и мало что дал для стабильности внутри страны. Одата скончалась, видимо от родов, весной 357 г. до н. э., оставив Филиппу дочь Кинану, а не наследника, на которого он рассчитывал.

Тогда он женился на Филе, элимитской царевне, но и она, по-видимому, умерла вскоре после свадьбы, и уже в конце лета того же года Филиппу снова пришлось искать невесту. Его третьей, наиболее известной супругой стала опять-таки иностранка, царевна из эпирского дома.

С Иллирией был достигнут временный мир, а союз с ее южным соседом и соперником давал немалые преимущества. У тамошнего правителя Арриба было две племянницы. На старшей он женился сам, но младшая, Миртала, она же Олимпиада, оставалась незамужней. Арриб на удивление быстро согласился на ее брак с Филиппом.

Осенью 357 г. до н. э. Филипп женился на эпирской царевне и впервые почувствовал, что с женой нелегко справляться. Олимпиаде было лет восемнадцать, не больше, но вскоре стало очевидно, что это особа с трудным и эксцентричным характером. В частности, она была страстно привержена к оргиастическим дионисийским обрядам, и эта ее страсть едва ли была совместима с мирной семейной жизнью. Кроме того, Олимпиада любила держать дома ручных змей.

Современные источники, признавая красоту Олимпиады, говорят в то же время о ее угрюмости, ревности, жестокости, надменности, взбалмошности. Ко всему этому следует добавить политические амбиции и бурный темперамент. Она желала быть полновластной царицей, не считаясь со знатью, и в дальнейшем вовлекла Филиппа в тяжелый кризис. Но в первое время брака его главным желанием было иметь наследника, и скоро Олимпиада забеременела.

Завоевания

До сих пор Филипп едва ли делал ошибки как стратег и дипломат, однако, строя планы экспансии, он не сразу учел, что необходим постоянный источник дохода.

Как и его сын, Филипп не был экономистом по натуре. Для обоих характерно пиратское отношение к финансам, которые означали просто достаточное количество золота и серебра в подвалах. Финансы отождествлялись с сокровищами. И отец и сын знали только два способа добывать драгоценные металлы: либо извлечь их из земли, либо ограбить того, кто слабее.

Ближайшим источником золота был Пангейский район на восток от Стримона. Весной 356 г. до н. э. Филипп захватил Кренид, ключевую цитадель региона, переименовал ее в Филиппу, отправил туда немалое число поселенцев и заставил своих рудокопов взяться за работу.

Вскоре, благодаря притоку золота в македонскую казну, годовой доход Филиппа возрос до 1000 талантов (примерно столько же в V в. до н. э. получили Афины от своей огромной морской империи).

Филипп немедля начал чеканить золотую монету в большом количестве: статеры, которые царь назвал филиппами (вероятно, в противовес персидским дарикам, получившим название по имени царя Дария), а также серебряные шекели.

Получаемые доходы в значительной мере поглощались почти уже профессиональной армией и щедрыми взятками заграничным политикам, на что Филипп никогда не скупился.

Однако вернемся к началу нашего повествования. Итак, однажды в сентябре 356 г. до н. э. Филипп Македонский читал депеши из Пеллы и просил судьбу послать ему некоторое количество неприятностей, чтобы уравновесить успехи.

Менее чем за четыре года Македония при нем из захолустного царства превратилась в одно из сильнейших государств Эллады. Опасность, угрожавшая на границах, была уничтожена. Страна получала хороший государственный доход. Родился уже законный наследник престола. Была создана и обучена новая армия, и вассалы, наконец, признали главенство Аргеадов. Олимпийская победа должна была, как надеялся Филипп, означать начало признания Македонии элинами, прежде всего афинянами.

Отношение Филиппа к афинянам всегда было до известной степени противоречивым. Он презирал их ядовитую демагогию, риторическое пустозвонство, интриги, а демократию в целом считал смешной.

«Афиняне, – заметил Филипп однажды, – ухитряются раздобывать по десять полководцев в год. А я за всю жизнь открыл одного – Пармениона». Но при этом нельзя сказать, что Филипп недооценивал своих противников. Он знал, что их дрязги нередко уживаются с искренним патриотизмом и что даже при демократии люди иногда могут действовать быстро и решительно.

У Филиппа были основания опасаться сильного афинского флота, Македония никогда не была морской державой. Вместе с тем, несмотря на презрение Филиппа к Афинам, невольное уважение у него вызывало их почти легендарное прошлое.

Теперь, наконец, Филипп был готов к той череде удивительных завоеваний, которая завершилась его преждевременной гибелью. Он послал поздравления жене по случаю рождения наследника, дрессировщику лошади и всаднику – за получение приза и Пармениону, одержавшему военную победу.

Затем Филипп с триумфом вернулся в столицу. Не составляло особого труда убедить сына Пердикки, Аминту, формально отречься от престола. Войско, пользуясь традиционной прерогативой, провозгласило Филиппа царем под одобрительные возгласы толпы народа. Его регентство завершилось, и началась новая

эпоха.

Глава 2

«Сады Мидаса»

В исторических источниках прямых свидетельств о детстве Александра сохранилось на удивление мало, да и те, что есть, имеют лишь ограниченную ценность. Судя по этим сведениям, он был не обычным нормальным ребенком, но странным «взрослым мальчиком». Рассказывают, что, когда Александру было всего семь лет, он, в отсутствие Филиппа, принимал группу персидских посланников, которые привезли от царя весть о помиловании и отъезде трех мятежников, нашедших приют у Филиппа: Менапия Египетского, сатрапа Артабаза и греческого военачальника-наемника Мемнона. После обычного обмена любезностями Александр принялся допрашивать гостей, словно настоящий контрразведчик. Он не проявлял жадного интереса к «висячим садам» или великолепию персидского двора. Его интересовали численность и моральный дух персидского войска, расстояние до Суз и качество ведущих туда дорог.

Этот анекдот был явно использован в пропагандистских целях, но похоже, что он содержит зерно истины. По словам Плутарха, на посланников эта беседа произвела немалое впечатление. Конечно, они могли и не открыть Александру то, о чем он хотел узнать. Что касается Артабаза и Мемнона, то они едва ли забыли этот случай. По прихоти судьбы один из них впоследствии стал сатрапом самого Александра на Востоке, а другой его противником в Малой Азии.

Агрессивная политика его отца не подлежит сомнению. Вот как описывает его карьеру до 349 г. до н. э. Демосфен: «Следил ли кто-нибудь из вас за успехами Филиппа, проследил ли его путь от слабости к мощи? Сначала он захватывает Амфиполис, потом Пидну, потом Потидею. После этого наступает черед Метона, после чего он совершает поход на Фессалию... а затем – на Фракию, низложив местных властителей и назначив на их место своих людей. После этого он ненадолго заболел, но сразу по выздоровлении отправился походом на Олинф. Это не считая нескольких мелких войн в Иллирии, Пэонии и с царем Аррибом».

Отношение Александра к Филиппу было сложным и противоречивым, искреннее восхищение уживалось в его душе со скрытым духом соперничества. С одной стороны, отец был для Александра почти кумиром, с другой – дух соперничества вызывал к жизни сложную смесь любви и неприязни.

Следуя по стопам отца, мальчик хотел не только ни в чем не отставать от него, но и превзойти. Мальчиком он отождествлял себя с Ахиллом, от которого будто бы происходил род его матери. С отцовской же стороны Александр мог проследить свое происхождение вплоть до Геракла. Было бы крупной ошибкой недооценивать серьезность, с которой в Древнем мире относились к подобным генеалогиям. Героические мифы были и для греков и для македонян живой реальностью, к которой периодически обращались политики и полемисты. Без таких обращений к мифологии их просто не стали бы слушать.

Из истории кое-что известно об учителях Александра, но почти невозможно узнать, чему и как они его учили. Его няню звали Ланис. Брат ее Клит, прозванный Черным, спас жизнь Александру Македонскому во время битвы при Гранике, но был убит последним много лет спустя, во время пьяной ссоры в Самарканде. Первым его наставником стал родственник Олимпиады, суровый служака Леонид, сыгравший немалую роль в физическом развитии будущего полководца. Александр вспоминал, что, по мнению Леонида, лучшим завтраком был ночной поход, а лучшим ужином – легкий завтрак.

Подобная дисциплина в детстве раздражала мальчика, но тренировки Леонида сыграли для будущего

военачальника немалую роль. Впоследствии его собственная физическая выносливость, его форсированные марши через пустыни или горы стали легендарными. Александр помнил уроки своего медведя учителя. Существует один рассказ об их взаимоотношениях, на который до сих пор не обращали надлежащего внимания. Говорят, однажды юный царевич во время жертвоприношения с царской щедростью бросил две полные горсти благовоний в огонь на жертвеннике, за что получил нагоняй от учителя. С профессиональным сарказмом наставника Леонид заметил: «Когда ты завоюешь страны, богатые пряностями, ты можешь тратить благовония, как тебе вздумается, а пока побереги их». Много лет спустя Александр Македонский захватил Газу, главный источник пряностей на Среднем Востоке. Как всегда, он отправил домой подарки матери и сестре, но на этот раз у него был подарок и для Леонида. Старику, говорят, было доставлено не менее 18 тонн пряностей, ладана и мирры в память «о надежде, которую учитель поселил в душе мальчика», с предписанием впредь не быть скупым по отношению к богам. Этот рассказ многое дает для понимания характера Александра. Каждому, кому случилось нанести ему обиду, пусть малую, рано или поздно приходилось об этом пожалеть. Он ничего не забывал и редко что прощал. Его непреклонность, пожалуй, равнялась его долготерпению. Александр мог ждать своего часа, а когда наступал подходящий момент – нанести удар.

Юного Александра учили музыке (особенно ему нравилась лира), чтению и письму. Особые наставники обучали его фехтованию, стрельбе из лука, метанию копья. Как большинство детей македонской знати, он научился ездить верхом едва ли не раньше, чем ходить.

С его искусством верховой езды связана одна из самых интересных историй, которые рассказывают об этом человеке. Когда ему было всего лет восемь или девять, фессалийский коневод Филоник по случаю Олимпийских игр, устроенных Филиппом в Диуме, привел царю чистопородного коня, предложив купить его за немалую сумму в тринадцать талантов. Конь этот был вороной, с белой звездочкой на лбу, с клеймом Филоника, и звали коня Буцефалом. Чтобы соответствовать такой стоимости, жеребец должен был достигнуть лучшего для коней возраста семи лет. Филипп с друзьями и приближенными отправился на равнину, чтобы испытать коня, с ними был и Александр. Вскоре царские конюхи нашли, что Буцефал совершенно неуправляем. Филипп рассердился и предложил Филонику забрать своего жеребца. Для Александра это было слишком.

– Какого коня они упустили! – воскликнул он. – А все потому, что у них нет искусства или мужества совладать с ним.

– Вот как, – сказал Филипп, с любопытством глядя на восьмилетнего сына. – Так ты считаешь, что лучше разбираешься в лошадях, чем старшие?

– Ну, с этим конем я бы определенно справился лучше, чем они.

– Ну, хорошо, – ответил отец. – Допустим, ты попытаешься это сделать и потерпишь неудачу. Чем ты готов заплатить за свою самонадеянность?

– Готов заплатить цену коня, – был ответ.

Люди, окружавшие царя, рассмеялись, услышав эти слова.

– Решено, – ответил Филипп.

Александр подбежал к Буцефалу, взял его под уздцы и повернул к солнцу (мальчик заметил, что жеребца смущает его подвижная тень). Александр некоторое время постоял рядом с конем, поглаживая его, чтобы успокоить, а затем сбросил плащ и вскочил на Буцефала с тем проворством, которое отличало его и в зрелые годы. Сначала седок натянул поводья, потом отпустил, и конь помчался по равнине.

Филипп и окружавшие его люди, как сообщает Плутарх, «от волнения потеряли дар речи», но

Александр вскоре прискакал обратно, к восторгу всех присутствующих. Филипп пошутил, не без гордости: «Тебе придется искать себе другое царство – Македония маловата для тебя». Но именно Демарат из Коринфа привел это дело к триумфальному окончанию, купив Буцефала и подарив его Александру. С тех пор конь и мальчик стали неразлучными. Александр верхом на Буцефале участвовал в дальнейшем в большинстве своих славных битв.

В августе 348 г. до н. э. пал осажденный Филиппом Олинф, и два его уцелевших единокровных брата были схвачены и казнены. Афиняне, занятые собственными сложными проблемами, прислали подкрепления слишком поздно. Они подняли шум об измене и коварстве, а Эсхин проклинал жестокость и властолюбие Филиппа, однако попытка Эсхина объединить греческие полисы против Македонии кончилась полным провалом. Афиняне успокоили свою совесть, принимая олинфских беженцев, и после других переговоров, в 346 г. до н. э., отправили в Пеллу посольство с миром. Македония быстро превратилась в самую могущественную державу на Балканском полуострове.

Именно в то время старейший афинский оратор Исократ сделал достоянием гласности свое «Слово к Филиппу», призывая к общеэллинскому походу против Персии под руководством македонского царя. Эта идея была не нова – нечто подобное Исократ высказывал еще в 380 г. до н. э. в «Панегирике», где призывал Афины возглавить «крестовый поход» против варварской Азии вместе с обновленной Спартой. Тогда эта затея не имела никакого успеха, но оратор не терял веры в то, что он называл «единственной войной, которая лучше мира и скорее похожа на священную миссию, чем на военный поход». Несмотря на различия между «Панегириком» и «Словом к Филиппу» (с тех пор идеализм Исократа сильно потускнел), ряд основных положений сохранился. В обоих речах подчеркивались изнеженность и трусость, будто бы свойственные персам, и их неспособность вести войну, а также то обстоятельство, что можно будет захватить большую добычу малыми силами. В обоих содержалась идея совместной борьбы против общего врага как альтернативы нескончаемым междоусобицам, раздиравшим Грецию. Однако у обращения к Филиппу, с учетом адресата, были свои особенности. Здесь не подчеркивались достоинства демократических учреждений, зато шла речь о преимуществах единодержавия. Проводилась также параллель с войной Геракла против Трои, к общему благу рода людского. Геракл же считался предком Филиппа, а Исократ так его и расценивал. Исократ провозгласил, что царь «имеет право считать всю Элладу своей родиной», это было риторической гиперболой, но Филипп, когда нужно, готов был понимать ее более буквально, чем задумал автор.

Возможно, царя все это и позабавило, но, во всяком случае, он не остался неблагодарным. Филиппу было приятно и выгодно, что такой признанный в Афинах авторитет подтверждал его происхождение от Геркулеса. Главное же – идеи Исократа имели большой практический смысл, а кое-что из его положений постепенно было действительно реализовано. Не будучи панэллинистом по сути, Филипп сразу понял, что панэллинизм может стать очень удобным прикрытием.

Царя Персии Артаксеркса III одни характеризовали как «последнего великого правителя Древнего Востока», другие – как «самого кровожадного царя из Ахеменидов» (одно не обязательно исключает другое).

Суровый режим побудил некоторых из его подданных к мятежам, а еще многих сделал изгнанниками. Некоторые из их числа связали свои надежды с молодым и могущественным македонским царем, который мог бы помочь в борьбе с Ахеменидами. Филипп же, предоставив убежище некоторым из таких людей, вовсе не старался их разубедить. Кроме того, он оказывал негласную поддержку некоторым полунезависимым царькам в Малой Азии, вроде Гермея, евнуха-вольнотпущенника, правившего Атарном, по соседству с Митиленой. Его территорию Филипп рассматривал как наиболее подходящий плацдарм для своего возможного вторжения в этот регион. Другое дело – насколько надежным мог быть

подобный союз. Гермей начал подозревать, что царь и против него что-то замышляет. К этому времени один из приближенных этого правителя должен был очень пригодиться Филиппу, находясь в Пелле, поскольку располагал конфиденциальной информацией. Это был сын придворного врача Аминты, тремя годами старше самого Филиппа, учившийся у Платона в Академии и ставший придворным философом Гермея. Однако помимо философских занятий он был тайным агентом – долговязым, лысоватым, с маленькими глазками. Может быть, чтобы компенсировать неприглядную внешность, он старался одеваться и причесываться как щеголь. Пальцы украшало множество колец. Его, пожалуй, можно было бы в этом отношении сравнить с молодым Дизраэли[2] в его хорошую пору. Звали его Аристотелем.

В 345 г. до н. э. прозорливый философ переселился из Атарна в отдаленные от него проливом Митилены. Примерно через год Аристотель получил приглашение Филиппа стать за хорошую плату учителем юного Александра. Мальчику было тринадцать лет, и ему нужен был хороший наставник. При этом Филипп осторожно присовокупил, что мальчик немного неуправляем. Аристотелю предлагалось не обычное обучение, но очень ответственное, как в личном, так и в общественном смысле, дело воспитания. Философ, не колеблясь, согласился.

Тогда Александр был юношей выше среднего роста, статным, мускулистым. Его светлые длинные волосы часто сравнивали с гривой льва. Глаза у него были разные, один голубой, другой темно-карий. Голос его в минуты волнения становился высоким и резким. Походку отличали быстрота и нервозность (тут он подражал Леониду), и ходил Александр слегка приподняв голову.

Филипп мудро рассудил, что столица с ее интригами и назойливым влиянием Олимпиады не место для молодого царевича. Высшее образование требовало сельского уединения. Поэтому Филипп предложил Аристотелю так называемое «святилище Нимф», в Мьезе, деревеньке к северу от Веррии (Береи). Это была, как считалось, часть «Садов Мидаса», ныне район Веррия – Наусса – Водена, богатый хорошими виноградниками и садами. Во времена Плутарха гостям еще показывали каменные скамейки и тенистые аллеи, где Аристотель проводил свои занятия.

Филиппу очень нравилось, что его сын усердно учится, стараясь воспринять все, что мог дать ему Аристотель. «Может быть, – говорил отец, – ты не повторишь многих моих ошибок». Тогда Александр поставил перед Филиппом вопрос о том, что он – не единственный наследник, поскольку у отца, очевидно, есть дети не только от жены. Не то чтобы царевич хотел разыграть перед отцом роль юного Гамлета; он просто выражал естественное беспокойство по поводу престолонаследия. В конце концов, у Филиппа хватало забот со своими незаконнорожденными братьями, и Александру было бы совсем ни к чему проходить через все это в свою очередь. Ответ царя на дерзкое замечание сына показывает, что Филипп понимал суть дела. Он сказал: «Что же, если у тебя будут соперники в борьбе за престол, докажи, что ты самый достойный и обязан царской властью не мне, но себе самому».

Как настоящий эллинский философ, Аристотель должен был воспринять царский статус своего ученика как нечто необычное. Тогда все политические теории, либеральные или авторитарные, были так или иначе связаны с республиканской формой правления. Однако, судя по его тактике, философ справился с этой трудностью. Аристотель нашел единственное оправдание для монархии – выдающуюся «аретэ», то есть личные достоинства монарха. Монархия морально не одобрялась[3], но за исключением случаев, когда аретэ царя или его семьи превосходила аретэ всех остальных граждан. Аристотель, будучи служащим Филиппа, не мог только прямо сказать, что дом Аргеадов вполне соответствует этой характеристике.

По персидскому вопросу Аристотель выступал бескомпромиссным этноцентристом. Он верил, что рабство – естественное учреждение, а все «варвары» (негреки) являются «рабами по природе», а потому правильным должно признать порядок, когда греки правят варварами, но не наоборот. Как и многие интеллектуалы, опирающиеся на расизм, Аристотель выводил доказательства из геополитики или

«естественного права». Известен фрагмент, где он советует Александру «быть вождем для эллинов и деспотом для варваров; к первым относиться как к родным или друзьям, а со вторыми обращаться как с животными или растениями». Здесь Аристотель исходил из эллинской культурной традиции, и нет причин считать, что Александр не разделял, вполне искренне, эти расистские взгляды. Варвары считались достойными презрения, потому что они жили «целиком во власти лишь своих чувств и ощущений». Разумеется, это учение должно было импонировать Александру, который отдавал первенство самоконтролю и самоограничению. Что касается советов Аристотеля насчет того, как надо обращаться с эллинами и варварами, то они могли легко приобрести практический смысл. Если хочешь кого-то использовать наилучшим образом, надо сделать так, чтобы он тебе помогал. К эллинам надо относиться как к равным и демонстрировать уважение к их чувству независимости, пусть иллюзорному. Что касается варваров, они понимают и уважают только жесткий авторитаризм. Какое бы значение ни придавал этому своему уроку Аристотель, Александр его хорошо усвоил и, как увидим из дальнейшего изложения, не раз применял на практике. Он усвоил и всестороннее научное любопытство учителя, а также сопутствующий этому сугубо практический склад ума. Он проявлял интерес к медицине и биологии, любимым предметам Аристотеля, читал и обсуждал поэтов, первым долгом Гомера, учился основам геометрии, астрономии и риторики, прежде всего – искусству ведения спора и умению рассматривать предмет с разных сторон (эвристика). Это искусство пришлось Александру очень по душе, и в этом смысле уроки Аристотеля имели очень весомые последствия.

Александр провел около трех лет в «Садах Мидаса», и за это время ухудшились отношения между Македонией и Грецией, в особенности с Афинами. Филипп обвинял афинян в поддержке каперства, то есть узаконенного пиратства на Дарданеллах; Демосфен опасался, что Филипп в отместку может отрезать жизненно важный для Афин зерновой путь на Босфоре. За всеми этими политическими маневрами в 342—338 гг. до н. э. стояла угроза экономического шантажа.

Демосфен, с обычной для него страстностью, поднял тревогу по этому поводу в народном собрании. Во многом по его настоянию в Греции сформировалась новая антимакедонская коалиция. Византий^[4] и Абид присоединились к афинским союзникам, и, что особенно важно, был заключен союз и с персидским царем. Артаксеркс не только открыто выступил против Македонии, но и, не жалея золота, подкупал нейтральные государства, чтобы они последовали его примеру. Филипп столкнулся, пожалуй, с самым серьезным кризисом за все время своего правления.

Он действовал с обычной быстротой и твердостью. Для пробы предложил Византию, формально остававшемуся его союзником, принять участие в совместных действиях против афинских пиратов. Получив отказ, Филипп мобилизовал свой новый флот. Так как он принял командование на себя, шестнадцатилетний Александр был отозван из Пеллы и провозглашен регентом и хранителем царской печати, а советником его был назначен опытный Антипатр.

Глава 3

На жизненном пути

Школьные дни для Александра закончились. Отныне молодой наследный принц должен был проходить гораздо более суровую школу, сопряженную с большей ответственностью, чем мог бы это представить даже Исократ. Возможно, Филипп сознательно пошел на это: и его, и Олимпиаду волновал недостаток у Александра гетеросексуальных интересов. Но в регентстве Александра не было ничего женственного. Не успел Филипп отправиться на византийскую кампанию, как началось восстание среди пограничных племен Фракии и Пэонии. Александр с экспедиционным отрядом отправился на север, разгромил мятежников, захватил их город и превратил его в македонский военный форпост. Новое поселение он назвал Александрополисом – это могло стать сигналом тревоги для Филиппа. Претензии Александра на царскую власть не ограничивались пределами регентства – рано или поздно должны были возникнуть противоречия между отцом и сыном.

Но в то время они оставались друзьями и соратниками. Филипп постоянно переписывался с юным регентом. Судя по сохранившимся отрывкам, советы царя были продиктованы не меньшей родительской заботой, чем советы лорда Честерфилда^[5]. По словам Плутарха, «он советовал ему заводить друзей среди влиятельных людей, как добрых, так и злых, а в дальнейшем пользоваться услугами добрых людей и хладнокровно использовать злых». Сообщение, что Александр пытался заручиться поддержкой некоторых македонян с помощью подкупа, вызвало раздражение отца. Поскольку Филипп был мастером своего дела, к его словам стоит прислушаться. Он спрашивал сына: «Откуда ты взял эту ложную идею, что ты сможешь обрести верных друзей среди тех, чью привязанность ты купил за деньги?»

К лету 339 г. до н. э. положение Филиппа стало критическим. Несколько лет он успешно проводил по отношению к греческим полисам политику «разделяй и властвуй», теперь же возникла реальная угроза их объединения против него. Он стремился к войне против персов под знаменем панэллинизма, чтобы Афины, Фивы и Спарта, добровольно или по принуждению, присоединились к нему; а между тем греки объединились с Артаксерксом, и, если Филипп не стал бы действовать быстро, они сами могли бы вторгнуться на его территорию.

Он действовал быстрее, чем могли ожидать его противники. Вся македонская армия уже находилась в Центральной Элладе на вполне законном основании. Однако, раз она уже была там, кто мог предсказать, куда она направится после этого? Филипп, с помощью дымовой завесы дипломатических ухищрений, постоянно старался усыпить бдительность эллинов, скрывая от них свои истинные цели. Его посольства были отправлены в Афины и Фивы, чтобы не допустить договора между этими двумя могущественными полисами.

Но и тогда Филипп не потерял надежду на мирное урегулирование, особенно с Афинами. Союз с ними был бы очень почетным. Это помогло бы привлечь на его сторону некоторые, еще не определившие свои позиции государства, но если это не удалось бы, следовало вступить в бой с афинским войском и победить его на глазах у всего мира. Так или иначе, Филиппу надо было вызвать афинян и их союзников на бой на его условиях – не на море, где у них были преимущества, но против македонских фаланг.

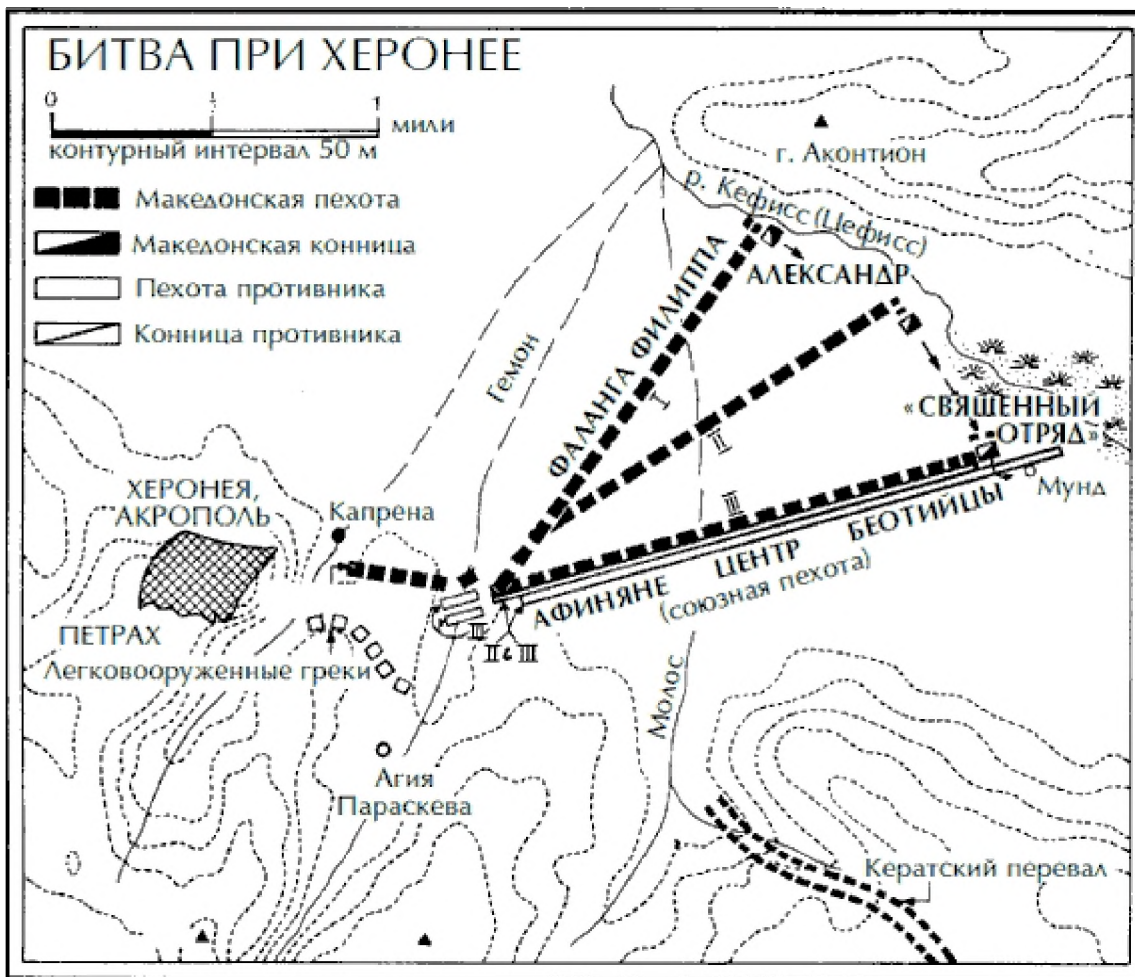
Однажды сентябрьским вечером испуганные члены афинского собрания услышали весть, что Филипп, вместо осады Амфиссы (провозглашенная им цель), занял Элатею, ключевой пункт на главном пути в Фивы и Аттику. Демосфен на этот раз предстал перед афинянами патриотом и героем дня. Силой убеждения ему тогда удалось добиться того, чего и опасался Филипп: афино-фиванского союза. Афинское войско вошло в Беотию, и новые союзники начали укреплять северо-западные пути в Центральную Грецию. 10 000 наемников послали на запад, прикрывать дорогу от возможного нападения из Амфиссы. Однако главной военной силой Афин по-прежнему оставался флот. В то время они располагали примерно 300 боеспособными кораблями. Афинские операции в Дарданеллах и во время осады Византия показали уязвимость морских сил Филиппа. Демосфен же предложил блокировать наступление македонян на суше.

Филиппа это вполне устраивало.

Теперь ему стоило только выманить греков с их оборонительных позиций и навязать им столкновение. Остальное должны были сделать сильная македонская кавалерия и обученные отряды фаланги. Филипп подослал греческим наемникам на западе ложное донесение о том, что царь будто бы уводит свое войско в связи с восстанием во Фракии. Решив, что Филипп ушел, греки утратили бдительность, а царь совершил на них неожиданное ночное нападение и разгромил их. После этого остальным греческим войскам пришлось оставить горные переходы и построить линию обороны при Херонее. Это была сильная позиция. Кавалерия с обеих сторон насчитывала около 2000 человек, а пехотинцев было у греков 35 000, а у Филиппа всего 30 000. В этих обстоятельствах Филипп предпринял еще одну, последнюю попытку вступить в переговоры. Фокион с эгейского севера рекомендовал принять условия, но непреклонный Демосфен не желал об этом и слышать. Царь, видя неудачу в дипломатии, приготовился к решающему сражению. Он захватил Навпакт (как и предполагали афиняне), оставил небольшой гарнизон в Дельфах, а основное войско повел к Херонее. Именно там 4 августа 338 г. до н. э. встретились две армии в одной из самых значительных битв в древней истории.

Битва началась на рассвете. У союзников на правом фланге стояли беотийцы во главе со знаменитым Фиванским полком, около 12 000 человек. Слева находилось 10 000 афинских поспешно собранных тяжеловооруженных пехотинцев. В центре располагались силы остальных союзников и еще 5000 наемников. Еще левее стоял заслон из легковооруженных воинов, защищавших акрополь. Кавалерия была в резерве. Филипп знал, что его единственным серьезным противником являются фиванцы. Они раньше были его фактическими союзниками, поскольку вторгались в Аттику; именно им поражение было всего опаснее. Кроме того, их войско состояло из опытных ветеранов, подготовленных к войне не хуже македонян. Филипп хорошо знал, скольким обязаны македоняне фиванцам в смысле боевой науки. Соответственно он сам взял на себя командование правым флангом. В центре он поместил подразделения фаланги. Командование тяжелой кавалерией на левом краю, напротив «священного отряда», он поручил Александру, что было огромной ответственностью для восемнадцатилетнего юноши.

Филипп, по сути, применял ту же стратегию, что и в войне с иллирийцами. Его собственный правый фланг был расположен так, чтобы обойти афинян слева, а центр и левый фланг выстроены под углом к линии фронта греков. Таким образом, когда Филипп и его гвардия вступили в бой с афинянами, остальная часть македонского войска продолжала наступать.

I фаза. Македоняне наступают, греки заняли позицию.

II фаза. Филипп отступает, при продвижении его центра и левого фланга. Афиняне, центр и беотийцы наступают на левом фланге, но «священный отряд» неподвижен.

III фаза. Наступление Александра в центре. Филипп наносит удар с фланга, со стороны Гемонской равнины.

За этим неизбежно произошел сдвиг влево у афинян, за которыми автоматически последовали и союзники, стоявшие в центре. Как и предвидел Филипп, афиняне сначала с энтузиазмом перешли в наступление. Заметив, что македонская гвардия будто бы стала отходить, афинский полководец Стратокл потерял голову и начал кричать: «Вперед! Выгоним их обратно в Македонию!» Однако «отступление» Филиппа вовсе не было бегством. Гвардейцы шли сохраняя боевой порядок, держа наготове копья-сариссы. Когда афиняне с воплями бросились в атаку, их центр оказался еще более опасно рассредоточенным, чем прежде. Произошло то, чего ждал Филипп. Македоняне отступили на берег реки Гемус (это название означает «кровавая»), а между войсками греков и Фиванским полком образовался роковой разрыв. Туда и устремился юный наследный принц во главе отборной македонской конницы, нанеся удар в самую сердцевину фиванских сил, в то время как другая кавалерийская часть напала на «священный отряд» с фланга. Вскоре фиванцы попали в окружение, Филипп же, остановив «отступление», начал контратаку с высокого берега реки. Дело, начатое кавалерией, завершила фаланга. После упорного боя силы греческих союзников дрогнули, и они обратились в бегство. Исключение составил «священный отряд». Подобно тремстам спартамцам в Фермопилах, эти триста фиванцев погибли, сражаясь на поле боя

(только 46 человек были взяты в плен). Захоронения остальных этих воинов были найдены во время позднейших раскопок. У места их захоронения до сих пор стоит, словно на страже, Херонейский лев.

Когда битва кончилась, Филипп установил «трофей» в честь победы, принес жертву богам и наградил многих своих командиров и солдат за доблесть. Теперь будущее Эллады было в руках царя, но он знал, что и после победы Афины могут доставить ему неприятности. Действительно, через день в Херонею пришли вести, что афиняне вооружают рабов и неграждан и готовятся до конца защищать свой полис. Известно, что Филиппа встревожили эти события. Афинский флот полностью сохранил боеспособность, сохранены были и порт и арсеналы Пирея. Жители Афин могли долго контролировать морские коммуникации и линии снабжения. Поэтому, несмотря на полную победу при Херонее, у царя были основания соблюдать осторожность.

Условия мира, предложенные Филиппом афинянам, неожиданно оказались благоприятными. Трупы убитых афинских воинов должны были быть доставлены для погребения в Афины, 2000 пленных отпущены без выкупа, Филипп гарантировал неприкосновенность сухопутных и морских границ Аттики. Афины сохраняли контроль над рядом островов в Эгейском море. Однако они обязывались оставить все остальные территориальные притязания, распустить Афинский морской союз и стать союзником Македонии. Руководители Афин безоговорочно приняли эти условия Филиппа. В их положении было не до споров, оставалось только надеяться на милость македонского царя. И все же афиняне могли утешаться тем, что получили гораздо лучшие условия, нежели фиванцы. Поскольку Филипп хотел удержать власть в Центральной Греции, Фиванскую державу должно было сокрушить. Поэтому он позаботился о том, чтобы ликвидировать Беотийский союз – зародыш будущей Фиванской империи. Полисам, в него входившим, была возвращена независимость – хитрый дипломатический ход. В Фивах было учреждено марионеточное правительство, а в Кадмее оставлен македонский гарнизон. Фиванских пленных, в отличие от афинян, отпустили за большой выкуп, под угрозой продажи в рабство.

Филипп умел, когда нужно, быть великодушным и не возражал против монумента «священному отряду». Сам воин, он уважал храбрых противников. Он не стал посылать гарнизоны в большинство крупных полисов (собственно, почти во все), но и без того было понятно, в чьих руках реальная власть. Греческие государства сохранили лишь тень прежней независимости.

В память своей великой победы Филипп соорудил в Олимпии круглое здание, известное как Филиппеум. Там есть статуи Филиппа, Олимпиады, Александра, Аминты и Эвридики, выполненные из золота и слоновой кости скульптором Леокаром. Какова была цель сотворения этого странного памятника? Очевидно, Филипп хотел создать священный культ, собственный и своей семьи. Подобное нередко практиковалось в эллинистический и римский периоды. Возросшая власть Филиппа порождала не меньше проблем, чем решала, и одной из них был новый статус царя. Как впоследствии Август, он хотел основать священную власть, и первым шагом в этом направлении, по-видимому, был Филиппеум.

После сооружения Филиппеума стало очевидным, что династические планы Филиппа в течение примерно двадцати лет остаются неизменными, и Александр станет его законным наследником. В этом теперь никто не сомневался.

После битвы при Херонее

Около того же времени царь Артаксеркс был убит своим великим визирем евнухом Багоасом. Персия до ноября пребывала в состоянии близком к анархии, а в столице кипели кровавые интриги. Когда равные соперники уничтожили друг друга, тот же Багоас, усвоив роль кукловода, посадил на трон младшего царского сына.

Едва ли эти события остались не замеченными Филиппом. После приведения Греции к повиновению и ослабления власти в Персии перспективы вторжения в Азию заметно улучшились. Панэллинизм превратился в знамя царя, и война замышлялась как религиозная, с целью мести персам за вторжение Ксеркса в Грецию полтора столетия назад. Оставалось серьезно подготовиться к войне и проверить, до какой степени готов участвовать в этом тот или иной греческий полис. Прежде всего Филиппа беспокоили Афины. Он отправил туда посольство сразу после перемирия, формально – сопровождать останки афинских воинов на родину. Такой жест должен был создать атмосферу доброжелательности, удобную для дипломатии. Филипп назначил послами Антипатра, Алхимаха и Александра. Это был последний случай, когда на Александра была возложена ответственность, соответствующая его рангу (вплоть до кончины Филиппа два года спустя). Визит Александра в Афины, единственный, насколько нам известно, совпал по времени с окончанием для него официального фавора.

Одна из важных задач послов состояла в том, чтобы обсудить дальнейшие планы Филиппа в частной обстановке с ведущими политиками (Фокионом, Ликургом) и проследить за их реакцией. Речь шла об установлении всеобщего мира между всеми полисами Греции, о создании Эллинского союза и подготовке, под руководством Македонии, боевой кампании всех эллинов против персов. Верный принципу «разделяй и властвуй», Филипп с каждым государством заключал отдельный договор. Только Спарта упорно отказывалась от переговоров, а Филипп не настаивал. Когда царь открыл в Коринфе съезд для заключения мира, только спартанцы не явились туда.

Делегаты собрались в начале октября. Филипп немало потрудился, чтобы успокоить их бдительность и погасить подозрения. Для начала он огласил первоначальный вариант манифеста с изложением своих предложений, который и лег в основу дискуссий, но был в основном принят. В главном дело сводилось к следующему: греческие государства заключали между собой мир и союз и создавали федерацию – Эллинский союз, который принимал совместные решения посредством Совета, где каждый полис был представлен согласно величине и военной мощи государства. Постоянный совет пяти председателей (проэдров) должен был заседать в Коринфе, а большой Совет – собираться на регулярные заседания во время общеэллинских фестивалей в Олимпии, Дельфах, Немее и Истме.

В то же время Эллинский союз должен был заключить особый союзный договор с Македонией (хотя сама она не считалась его членом). При этом союз сохранял силу и при преемниках Филиппа. Царь считался вождем (гегемоном) общесоюзных сил (пост, сочетавший военную и гражданскую власть для обеспечения общеэллинской безопасности). Формально считалось, что Совет принимает решения, которые вождь должен проводить в жизнь. Если эллины вели с кем-то войну, они имели право обращаться в Македонию за помощью, и наоборот, если Филипп нуждался в военной помощи, он мог располагать военными частями союза. Он становился не только вождем, но и стратегом-автократором – верховным главнокомандующим всеми силами Македонии и союза на весь период военных действий.

Как бы искусно ни маскировал Филипп свое единовластие с помощью мнимо федеративного устройства, было очевидно, кто располагал реальной властью. Фактически, царю принадлежала не исполнительная, но неограниченная власть, и он мог теперь определять курс общеэллинской внешней

политики, что хорошо понимала большая часть греческих лидеров. Для них новоявленный гегемон оставался полуварварским деспотом, который навязал им свою волю по праву завоевателя. В дальнейшем и Александр получил тяжкое наследство неприязни и враждебности. Эллины подчинились потому, что после Херонеи у них не было выбора, но они постарались бы сбросить македонское ярмо при первом удобном случае.

Подготовив таким образом мирную конференцию, царь вернулся в Пеллу. Филипп всегда стремился избежать династических распрей, между тем сам же он в этот момент вызвал раскол внутри дома, царствовавшего в Македонии, на два непримиримых лагеря и растревожил осиное гнездо интриг знати; все это привело к удалению наследника, прежде пользовавшегося любовью царя, как раз тогда, когда таланты Александра могли особенно пригодиться. Непредсказуемый, как всегда, Филипп решил жениться на Клеопатре, девушке из аристократического рода. Александр же был его сыном-первенцем и признанным наследником. Внезапно Филипп удалил от себя Олимпиаду по подозрению в супружеской измене и стал поощрять слухи о том, что Александр не является его законным сыном. Таким образом, новая брачная авантюра царя приняла довольно неприятный оборот.

Как и следовало ожидать, свадьба проходила напряженно. Когда Александр занял почетное место за столом, он сказал отцу: «Когда моя мать снова выйдет замуж, я приглашу тебя на ее свадьбу». Эта реплика едва ли могла улучшить обстановку. Как обычно, за трапезой было выпито много вина. В довершение всего встал со своего места Аттал, дядя жениха, и предложил тост за то, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился «законный наследник престола». Наконец тайное стало явным, причем таким образом, что никто, и особенно Александр, не мог это проигнорировать.

Александр в гневе вскочил и крикнул: «Ты что же, называешь меня незаконным сыном?!» – и швырнул кубок в лицо Атталу. Завязалась ссора. Филипп, выпивший больше этих двоих, бросился с мечом не на Аттала (который все же оскорбил его сына и наследника), а на Александра. Однако опьянение Филиппа, в сочетании с его хромотой (он был ранен в ногу во Фракии), привело к тому, что Филипп споткнулся о стул и рухнул на пол.

– Вот, почтенные гости, – сказал Александр с ледяным презрением, – человек, который хотел совершить поход из Европы в Азию, а сам не может перейти с ложа на ложе.

После этого он удалился, а к следующему утру они с матерью пересекли границу. Вряд ли приходится сомневаться, что наследник и его мать активно интриговали против Филиппа, чтобы доставить македонскому царю неприятности от всех племен, обитавших в краю западных болот.

Поведение Филиппа, кажется, трудно объяснить рационально. Некоторые древние авторитеты, понимая это, пытались объяснить все тем, что царь потерял голову от любви к Клеопатре. Однако известно, что Филипп никогда не путал брак со случайными любовными связями. Даже если Клеопатра, как потом столетия спустя фаворитка Генриха III Анна Болейн, ставила вопрос по принципу «свадьба – или ничего», у Филиппа все же не было разумных оснований оскорблять Олимпи аду, а тем более Александра, которого он почти двадцать лет готовил к роли собственного преемника. Только одна причина могла бы заставить царя поступить подобным образом: убеждение, хотя бы и необоснованное, что Александр и Олимпиада составили заговор против него самого. Может быть, он не мог решиться на поход против персидского царя, оставив Македонию в руках возможного узурпатора. Он также не мог доверить элитную кавалерию человеку, в чьей верности сомневался. Александром и Олимпиадой следовало пожертвовать. Это понятно, но современному читателю важно, насколько обоснованными были подозрения царя, и здесь мы можем сделать только один вывод: это не доказано. Однако ясно, как такого рода подозрения могли возникнуть. С самого начала Олимпиада поощряла Александра считать себя царем по собственному праву, а не в качестве преемника Филиппа. Это и было в конечном счете причиной ссор между отцом и сыном,

подогреваемых ревнивым темпераментом царицы, которая неизменно принимала сторону Александра.

Естественное соперничество между Александром и его отцом обострилось в связи с битвой при Херонее. Были основания утверждать, что победу Филиппу принес Александр, но Филипп склонен был отрицать это обстоятельство. Олимпиада с детства наставляла сына, что царская власть дарована ему судьбой; Аристотель учил его, что царская власть оправдывается только выдающейся доблестью, то есть аретэ, а посредством законной войны возмездия против персов подобная аретэ, очевидно, могла быть достигнута.

Однако между Александром и предназначенной ему судьбоносной царской властью стояло такое препятствие, как его отец. Филиппу было сорок шесть лет, он сам был полон энергии и не менее честолюбив, чем его сын, однако при этом гораздо более опытен. Именно Филипп начал готовить священный всеэллинский поход против Персии. Именно он, а не Александр получил бы бессмертную славу в случае победы. Александра же, скорее всего, ждало лишь отражение славы отца. Ясно, что у Александра были веские причины желать устранения отца. Однако всей правды мы никогда не узнаем. Если исходить из принципа «кому это выгодно», у Александра были причины стремиться к перевороту до начала войны. С другой стороны, влиятельные люди при дворе, тот же Аттал, а может быть, и Парменион, терпеть не могли высокомерного царевича и его властную мать и готовы были раздуть ссору из ничего, лишь бы их устранить.

Поздней осенью 338 г. до н. э. звезда Александра вроде бы закатилась. Пока Александр и Олимпиада занимались интригами в изгнании, их враги на родине укрепили свои позиции. Полным ходом шла подготовка к войне, а вскоре стало известно, что новая жена Филиппа, Клеопатра, беременна. Казалось, дальнейший ход дела ясен, и мало кто мог предполагать происшедший неожиданный поворот событий.

Гегемон союза

Съезд для заключения мира работал в Коринфе зимой 338—337 гг. до н. э. Весной делегаты наконец подписали «вечный мир» и создали Эллинский союз согласно плану Филиппа. На первом же пленарном заседании они проголосовали за союз «с Филиппом и его потомками» и единодушно избрали Филиппа гегемоном, что автоматически превращало его в председателя союзного Совета. В этом качестве он провозгласил, что Эллинский союз объявляет войну Персии в отместку за святотатственные преступления, совершенные Ксерксом против греческих храмов и других святынь. И это предложение не встретило возражений; впрочем, от делегатов мало что и зависело. Едва ли они могли противиться и назначению Филиппа верховным главнокомандующим «с неограниченной властью» на время этого военного похода. Кроме того, был принят действительно нужный указ о том, что каждый грек, который будет служить персидскому царю, отныне расценивается как предатель. До 15 000 греческих наемников, не говоря о многочисленных врачах, механиках, художниках, дипломатах, получали жалованье от персов.

Филипп воротился из Коринфа довольный собой, тем более что появились слухи, будто в Египте снова начался мятеж. Все, что доставляло тревоги царю Персии, радовало Филиппа. Одно омрачало его радость: в середине лета Клеопатра родила ребенка, и это оказался не мальчик-наследник, но девочка. Царь был настоящим реалистом и сразу сделал для себя выводы. Нельзя оставлять Македонию без признанного наследника, тем более нельзя отправляться в Азию, когда опасный претендент на власть создавал беспокойную ситуацию в Иллирии, а отвергнутая жена царя что-то затевала, находясь при дворе своего брата в Эпире.

Оставалось одно: вернуть и восстановить в правах Александра.

С помощью искусных дипломатических ухищрений это, казалось бы, невозможное дело было сделано. Филипп должен был показать, что Александр остается его избранным наследником, но при этом не допустить, чтобы он снова попал под влияние матери. Поэтому царь решил оставить Олимпиаду в Эпире. Правда, прежние доверительные отношения между отцом и сыном не восстановились. К тому же Филипп постарался добиться, чтобы Клеопатра забеременела снова. Едва ли Александр мог рассчитывать на наследование.

«Освобождение греческих городов»

Ранней весной 336 г. до н. э. войско из 10 000 человек, в том числе тысяча конников, вторглось в Малую Азию. Его задачей была охрана Дарданелл, создание запасов и, по цинично-остроумному выражению Филиппа, освобождение греческих городов. Командовали войском Парменион, его зять Аттал и Аминта, сын Антиоха. Сначала поход Пармениона проходил очень успешно. Хиос и Эритрея перешли на его сторону. Когда Парменион подошел к Эфесу, жители города восстали, свергли проперсидского тирана и приветствовали македонян. Они также воздвигли в храме Артемиды рядом со статуей богини статую Филиппа. Трудно сказать, было ли это сделано по их собственной инициативе или по желанию Филиппа, но этот шаг весьма соответствовал его идее культа правителя. К тому же царь действительно хотел добиться божественного одобрения своих предприятий. Поэтому он отправил посольство в Дельфы (где его почитали как благодетеля), чтобы с обескураживающей прямоотой задать вопрос пифии, победит ли он персидского царя.

Однако он получил, как обычно, довольно двусмысленный ответ, гласивший: «Жертвенный бык украшен. Все исполнено. Жрец готов принести жертву». Филипп понял это в том смысле, что персидский царь будет принесен в жертву, и очень обрадовался тому, что Азия попадет в руки македонян.

Июньские события 336 г. до н. э. выглядели обнадеживающе для македонского царя. Пришли утешительные новости из Персии, что очередная вспышка придворных интриг снова увенчалась переворотом и закончилась цареубийством. Ответственным за это снова был великий визирь Багоас. На этот раз убийство привело к тому, что не осталось прямых наследников из династии Ахеменидов. Казалось, Персию снова ожидают междоусобица и анархия, отсутствие сильного правительства и воли к сопротивлению. Однако эти надежды не вполне оправдались. Багоас возвел на престол Кодомана, представителя боковой ветви династии, а тот, воцарившись под именем Дария III, начал с того, что отравил Багоаса тем же ядом, который тот применял против других. Такое начало на время прекратило всякие дворцовые интриги. Дарий III был не таким противником, которого можно недооценивать.

Между тем в Эгах, древней столице Македонии, готовилась свадьба сестры Александра Клеопатры с ее дядей, эпирским царем. Филипп хотел устроить по этому случаю пышное празднество, свидетельствующее о величии царской власти, хотел произвести впечатление на эллинов, показать, что он не просто военный деспот, но учтивый и щедрый государственный муж. Он планировал устроить множество пиров, игр, музыкальных фестивалей и «щедрых жертвоприношений». В разгар этих приготовлений молодая царица родила сына. Словно для того, чтобы подчеркнуть будущий статус новорожденного, царь назвал его Караном, в честь мифического основоположника династии Аргеадов.

Изоляция Александра при дворе стала почти полной. Среди окружения царя только Антипатр мог стать потенциальным союзником Александра. Однако вместе с родней жениха из Эпира прибывал один союзник, который в глазах Александра стоил остальных. Филипп не мог помешать приезду Олимпиады в качестве госты из Эпира. Александру, Антипатру и бывшей царице было о чем поговорить при новой встрече.

На второй день празднования намечались игры. С раннего утра все места в театре были заняты. Зрители увидели торжественную и величественную процессию. За статуями двенадцати богов следовала статуя самого Филиппа «в божественном облике» – таким образом, статуи составляли «несчастливое» число тринадцать. Гости-эллины начали понимать, что эта пропаганда – не простая лесть. Наконец появился сам Филипп между двух Александров – сыном и новым зятем. Он велел придворным телохранителям идти на расстояния, так как хотел показать, что его «хранит добрая воля всех эллинов, и он

не нуждается в защите копьеносцев».

Когда царь дошел до входа на арену, молодой телохранитель извлек из-под плаща короткий клинок, бросился вперед, нанес Филиппу удар в грудь и убил его на месте. Затем убийца побежал к городским воротам, где его ждали лошади. На считанные мгновения все замерло, пораженные случившимся, потом группа молодых македонских аристократов бросилась в погоню за убийцей. Он споткнулся о корень виноградника и упал. В этот момент преследователи настигли его и пронзили копьями.

Убийцей Филиппа был один из его телохранителей, Павсаний из Ореста. За год или два до того Филипп, привлеченный необыкновенной красотой юноши, сделал его своим любовником. Когда царь поменял свою гомосексуальную привязанность, Павсаний устроил грандиозную сцену ревности новому фавориту, называя его гермафродитом и другими позорными прозваниями. Юноша доказал свою мужественность тем, что ценой собственной жизни спас жизнь Филиппа в битве с иллирийцами. Как оказалось, он был к тому же другом Аттала, на племяннице которого был женат Филипп. Аттал решил отыграться на Павсании. Он пригласил его на ужин, напоил до бесчувствия, после чего хозяин и гости надругались над несчастным юношей. Когда Павсаний пришел в себя, он отправился к царю с жалобой на Аттала. Филипп попал в трудное положение. Он не хотел давать ход делу, придумывая извинения и оправдания, и в конце концов замаял этот случай, решив, что все скоро забудется. Но он ошибся.

Эта история о противоестественных связях и мести едва ли удовлетворительно объясняет мотивы убийства Филиппа. Так считали и древние исследователи. Понятно, что у убийцы были основания не любить Филиппа, но его подлинным врагом был Аттал, которого, к счастью для него, не было в это время в стране. Филипп всего лишь не совершил правосудия. Сомнительно, чтобы Павсаний убил Филиппа только по личным мотивам и не имел сообщников. Плутарх говорит, что «более всего обвиняли Олимпиаду», которая своими речами подогривала гнев юноши и будто бы подстрекала его на преступление. Надо сказать, что ее дальнейшее поведение показывает, что она могла ждать смерти мужа и при этом открыто торжествовала по поводу случившегося. Возможно, Олимпиада хотела отвести подозрения от самого Александра, которому совершенное Павсанием было выгоднее, чем кому бы то ни было. Труп убийцы был распят, и той же ночью Олимпиада возложила на его голову золотую корону. Через несколько дней она сняла тело, сожгла над прахом Филиппа и захоронила рядом. Ежегодно в годовщину убийства она совершала там обряд возлияния. Как и сын, Олимпиада не прощала оскорблений и в своем мщении проявила жестокость, достойную самых мрачных страниц Ветхого Завета.

Сам Александр, конечно, тоже навлек на себя подозрения: все понимали, что новорожденный сын Клеопатры представлял серьезную угрозу для него как для наследника. Говорят, Павсаний, не добившись правосудия от Филиппа, рассказал Александру о своем оскорблении, а тот ответил загадочной цитатой из Еврипида: «родич невесты, жених и невеста», что могло быть истолковано как призыв к убийству Аттала, Филиппа и Клеопатры. Далее, молодые аристократы, которые преследовали и убили Павсания, были близкими друзьями Александра. Та же Олимпиада могла приблизить к себе оскорбленного юношу и даже обещать ему награду и почести, если бы он, вместе с тремя орестийскими аристократами, участвовал в цареубийстве. Будто бы даже были приготовлены лошади для всех четверых. Павсанию только не сообщили о подлинной роли остальных заговорщиков. Они должны были не убивать Филиппа, а заставить замолчать самого Павсания, который чересчур много знал и после исполнения своей роли был не нужен.

Однако косвенные свидетельства не могут считаться вескими доказательствами, хотя люди порой основывают свои суждения и на более шатких доводах. Мотивы преступления были достаточными, а стечение обстоятельств – очень благоприятным. Разумеется, едва Александр утвердился на престоле, все рассуждения о его возможной вине быстро сошли на нет. Большинство предпочитало молчать о том, что знало или подозревало, и попытаться найти свое место при новом режиме. «Король умер – да здравствует

король!»

Глава 4

Ключи царства

После того как тело Филиппа было убрано и порядок в какой-то мере восстановлен, Антипатр представил Александра македонской армии, которая сразу провозгласила его царем. Было, конечно, еще по крайней мере два кандидата на трон – зять Филиппа Аминта и маленький сын Клеопатры Каран. Но они в то время не представляли реальной угрозы. Аминта не был узурпатором, а посадить на трон ребенка означало получить новое регентство, чего никто не хотел. А если бы Александр начал с династических «чисток», это произвело бы наихудшее впечатление и на родине, и за границей. Поэтому Александр пока оставил в покое и Аминту и Карана.

Он обратился к народу Македонии и заверил его, что «изменилось лишь имя царя, управление же страной будет осуществляться не менее успешно, чем под властью отца». Затем он объявил об освобождении граждан от всех повинностей, кроме военной службы. Иными словами, речь шла об упразднении прямых налогов – жест, рассчитанный на поддержку народа. Чтобы укрепить свои позиции, Александр вернул из изгнания своих друзей и назначил их на ключевые государственные должности.

Новость об убийстве Филиппа вызвала возбуждение не только в греческих полисах, но и в среде соседей, например во Фракии. Некоторые города, как, например, Аргос и Спарта, увидели в этом идеальную возможность для возвращения утраченной независимости. Гарнизоны Филиппа были удалены из Амбракии и Фив. Фиванцы и аркадцы отказались признать верховенство Александра. Но более всего (несмотря на формальные заверения в сохранении верности) оживились враги Македонии в Афинах. Весть о гибели Филиппа вызвала там взрыв почти истерического возбуждения. Противники Филиппа принесли благодарственную жертву богам. Лучшим средством борьбы против нового царя Македонии для афинян был бы союз с аристократической группой, которая поддерживала Клеопатру.

Деятели афинского народного собрания, под влиянием речей Демосфена, дали ему разрешение на частные связи с Парменионом и Атталом в Азии. Тот начал писать им, убеждая объявить войну Александру, которого оратор легкомысленно называл «юнцом» и «олухом». Но на деле Александр оказался лучшим политическим бойцом, чем Демосфен и его сторонники. Он сразу понял, что его потенциальными врагами могут быть прежде всего командующие азиатской экспедицией, особенно его непримиримый враг Аттал. Поэтому он сразу отправил надежного друга Гекатея в штаб к Пармениону – формально для связи, а на деле с секретным приказом «доставить, если возможно, Аттала живым, а если нет, убить его как можно скорее». Советники Александра во главе с Антипатром призывали его к осторожности, к тому, чтобы предоставить греческие полисы самим себе и постараться успокоить варваров с помощью дипломатии и уступок. На это он отвечал, что, если он проявит хоть малейшую слабость, то враги нападут на него сразу все. Александр сказал, что хочет решить дело, проявив «мужество и решительность».

Во главе отборных частей молодой царь отправился из столицы на юг, через Метонку и Пидну, в Фессалию. Когда его войско вошло в долину Темпе, между Олимпом и Оссой, оказалось, что переход занят фессалийскими войсками. Фессалийцы велели Александру остановиться и стали думать, пропустить ли его. Александр с подозрительной вежливостью согласился и тут же приказал своим военным инженерам вырубать ступеньки на крутом склоне горы Осса. Прежде чем фессалийцы сообразили, что происходит, Александр со своими людьми перешел через горы и спустился в долину, обойдя их с тыла. В этих обстоятельствах они вступили в переговоры. Царь говорил с ними очень любезно и дружелюбно. «С помощью ласковых слов и щедрых обещаний» (надежный прием отца) он уговорил фессалийцев избрать

его пожизненным архонтом Фессалийского союза, каковым прежде был Филипп. Они также передали под его руководство большое кавалерийское соединение.

Александр не тратил времени зря. Прежде чем в Греции узнали о его удачном маневре, он уже достиг Фермопил. Там, опираясь на старинные привилегии отца, он собрал совет Амфиктионии, который присвоил Александру статус гегемона союза. Подобно Ватикану, Амфиктиония не располагала сильным войском, но имела значительный религиозный и нравственный авторитет.

Понятно, что следующей заботой Александра были Фивы. Дружественность этого самого могущественного в Средней Греции города была весьма важна для царя, а между тем фиванцы оказывали Македонии упорное сопротивление. Однажды утром проснувшиеся фиванские граждане с удивлением обнаружили, что вблизи Кадмеи стоит готовая к бою македонская армия. Ультиматум Александра был прост: он требовал провозглашения себя гегемоном союза. В случае удовлетворения требования не будет ставиться вопрос об изгнании войск его отца, хотя их, разумеется, возвратят на место.

Иначе... Фиванцы посмотрели на мрачных македонских ветеранов и капитулировали без лишних споров.

После этого в Афинах, которые находились всего в сорока милях от Фив, началась паника. Готовясь к осаде, афиняне, жившие вне города, переносили свое имущество в город и чинили городские стены. Когда Александр предложил им тот же ультиматум, что и Фиванцам, они приняли его условия. На север из Афин было отправлено посольство с извинениями за то, что подобающий статус македонского царя был признан не сразу.

Получив известия о том, что войско Александра подобно вихрю пронеслось по Греции, и о капитуляции Афин, Аттал оставил мысли о близком перевороте и стал думать, как спасти свое положение. Он отослал Александру все письма Демосфена вместе с заверениями в собственной преданности. Пожалуй, он старался напрасно. Были люди, которые в тот ранний период стали перебежчиками, но Аттал, публично оскорбивший Александра, поставив под сомнение законность его рождения, не мог рассчитывать на снисхождение. Непонимание этого было его роковой ошибкой, к тому же Гекатей, выполняя наказ Александра, уже приватно столкнулся с Парменионом, который решил перейти на сторону победителя. Судьба Аттала была решена. Парменион, фактически, мог взять на себя ликвидацию организованной оппозиции Александру в Македонии. Если бы этот полководец объединил своих сторонников вокруг нового царя, никто не осмелился бы бросить ему вызов. У Александра было мало времени, и он согласился на условия Пармениона, что в дальнейшем доставило ему немало хлопот. Когда его войско наконец вошло в Азию, почти все командные должности были заняты сыновьями, братьями или ставленниками Пармениона. Шесть лет пришлось Александру бороться с засилием этого клана. В обмен на множество уступок Парменион должен был пожертвовать Атталом. В этом смысле Александр был непреклонен. Через несколько дней Аттала устранили без всякого шума.

Всего за два месяца Александр достиг большего, чем казалось возможным. Не ведя активных боевых действий, он добился признания Фессалии, Амфиктионии, Фив и Афин. Убийство Аттала и переход на сторону царя Пармениона обезопасили Александра от возможных переворотов со стороны македонской знати. Наступило время для нового этапа. Он собрал Совет Эллинского союза в Коринфе. Туда были приглашены также и представители тех стран, которые до сих пор отказывались признать его владычество. Полученные ответы вполне устроили царя: напуганные греки присылали посольства в Коринф, кое-как пытаясь соблюсти достоинство.

Итак, Совет союза собрался в должном составе и избрал Александра гегемоном вместо отца. Договор и на этот раз относился как к Александру, так и к его потомкам. Греческие государства снова объявлялись «свободными и независимыми». Александр также был избран верховным главнокомандующим войсками,

которые должны были отправиться в Персию. Новый главнокомандующий быстро доказал грекам, что это не пустая формальность. Он тут же представил для утверждения план «обязательств договаривающихся сторон в случае совместной кампании», регулировавший все, от воинского вооружения до снабжения войск продовольствием.

После окончания съезда многие философы и государственные мужи явились к Александру с поздравлениями. Из известных людей не было только Диогена Киника. Слегка раздосадованный и подвижимый любопытством, Александр, говорят, отправился в пригород, где Диоген жил в большом пифосе, чтобы навестить его лично. Философ, в одной набедренной повязке, грелся на солнце. Отвлеченный от своих медитаций шумными разговорами и смехом свиты Александра, он посмотрел на царя в упор, но промолчал. Впервые в жизни Александр был немного смущен. Он вежливо приветствовал философа, но тот продолжал молчать. Наконец Александр спросил Диогена, есть ли у того какое-то желание, которое царь может исполнить. Последовал знаменитый ответ: «Да. Отойди, ты загораживаешь мне солнце». На этом разговор закончился. По дороге в Коринф спутники пытались обратить все в шутку и стали высмеивать Диогена, но Александр оборвал их, бросив загадочную реплику: «Если бы я не был Александром, то желал бы стать Диогеном».

Получив полную власть от союза, Александр с войском отправился в Македонию, зайдя по пути в Дельфы, чтобы посоветоваться с оракулом. После настойчивых вопросов царя жрица сказала, что он непобедим. Зимой 336/335 г. до н. э. Александр проводил интенсивные военные учения со своим войском в горной местности, готовя его к военным действиям, которые должны были начаться, когда растает снег в горах.

Кампания эта преследовала тройную цель. Во-первых, надо было укрепить границы Македонии, чтобы дать возможность Антипатру, которого Александр собирался сделать регентом, решать проблемы с ненадежными греческими союзниками, если бы это потребовалось. Во-вторых, фракийцы и иллирийцы должны были убедиться, что новый царь не менее серьезный противник, чем был его отец. В-третьих, кампания должна была послужить своего рода генеральной репетицией перед большой войной с Персией. Александр отправил военную флотилию из Византии на Дунай, где корабли должны были ожидать его войско в условленном месте (вероятно, у современного Рущука, к югу от Бухареста). Затем он и сам вышел с войском из Амфиполиса, направившись через Неаполь, вдоль реки Нест, через Родопские горы, в основанный отцом Филиппом (ныне Пловдив). До сих пор путь Александра лежал через дружественные земли, но тут он столкнулся с первыми затруднениями. Чтобы попасть на Дунай, надо было пересечь Балканские горы, вероятно по Шипкинскому перевалу. Фракийские племена, независимые от Македонии, решили закрыть для Александра этот проход. Александра из других опытных командиров выделяло поразительное умение предвидеть тактику противника. Так было и на этот раз. Фракийцы собирались, как только Александр со своими людьми окажется в узком ущелье, скатить повозки вниз по склону, чтобы они вызвали замешательство среди македонян; воспользовавшись этим, фракийцы напали бы врасплох, не опасаясь стройной фаланги и копий-сарисс. Главная опасность маневра состояла во внезапности, но, поскольку Александр предвидел нечто подобное, это преимущество было потеряно. Согласно Арриану (а этот источник отличается реалистической точностью), когда повозки, как и ожидалось, покатались вниз, у македонян не было никаких потерь. Воины частично расступились, а остальные залегли, прикрыв головы щитами, так что никто не пострадал. После первой неудачи фракийцев исход битвы был предрешен; лучники Александра стали обстреливать противника с горы над правым крылом фаланги, а сам он, во главе гвардии, пошел в атаку, и вслед за этим пехотные части, целые и невредимые после фракийского маневра, ринулись на штурм перевала. Фракийцы дрогнули и побежали, потеряв 1500 человек убитыми. Путь на Дунай был открыт.

Александр и его войско спустились в долину Дуная, практически не встречая сопротивления. Когда

они стали лагерем на берегах Лигина (а возможно, Янтра), до Дуная оставалось всего три дня пути. Переправа через Дунай была очень трудной из-за сопротивления местных племен, трибаллов и гетов. Но все же непреклонность и талант Александра, способного на блестящие импровизации, обеспечили македонскому войску переход через Дунай и возвращение обратно. С Дуная македоняне, вернувшись на Шипкинский перевал, потом повернули на запад, на дорогу, которая сейчас связывает Ленскиград и Софию, и пришли в край трибаллов, где правил старый друг Александра Лангар. Последний сам, во главе своих лучших военных частей, проводил Александра обратно до Дуная. Его люди действовали не как самостоятельное подразделение, а вместе с македонской гвардией (это самый ранний пример организованного Александром взаимодействия разных видов войск, которое применялось им более полно в Азии и Индии).

В это время пришли тревожные вести. Старый враг Александра, Клит, царь иллирийский, отцу которого Филипп в свое время нанес тяжелое поражение в битве при Охриде, решил выступить против Александра, чья Дунайская экспедиция показалась ему удобным случаем поквитаться. К тому же он заключил союз с Глаукием, вождем таулантйцев, считающихся предками нынешних албанцев. Еще одно иллирийское племя обязалось атаковать македонян во время их похода. Над западной границей Македонии нависла серьезная опасность.

Глаукий со своими людьми еще не соединился с Клитом, и Александр хотел достичь крепости Клита, Пелия, раньше, чем это случится. Это удалось царю, и люди Клита, после разведки боем, удалились обратно в крепость. Александр пошел на осаду крепости, хотя времени для ее организации было мало. Однако у него были минимальные шансы взять эту крепость, считавшуюся почти неприступной. С трех сторон она была окружена лесистыми горами, а маленькая долина между крепостью и рекой могла легко превратиться в ловушку. Для македонян почти так оно и вышло – они были отрезаны от остальных сил. Но Александр придумал блестящий ход, один из самых искусных в истории военного дела. На другое утро он построил в долине свое войско и начал учебные маневры, так, чтобы их видел противник. Фаланга была построена правильными рядами по 120 человек, и по 200 всадников находились на каждом фланге. По приказу Александра учебные маневры проходили в полном молчании. Варвары никогда не видели ничего подобного и со своих позиций наблюдали за этим ритуалом со смешанным чувством страха и любопытства. Мало-помалу группы воинов стали приближаться к месту учений. Александр следил за ними, выжидая удобного момента. Наконец он дал условный сигнал. Кавалерия на левом фланге пошла в атаку, а все пехотинцы в фаланге начали бить копьями о щиты, и из тысяч глоток вырвался ужасающий боевой клич македонян: «Алалала!»

После этого внезапного взрыва шума, особенно после мертвой тишины, у соплеменников Глаукия сдали нервы. В панике они побежали в крепость. Только когда противник опомнился, до него дошло, что македоняне вырвались из тщательно подготовленной ловушки. Враги сумели перейти в контрнаступление. Александр с конниками и легкими пехотинцами успели занять оставленный неприятелем холм у брода и сдерживали натиск, пока не были переправлены на другой берег македонские осадные машины. Лучники заняли оборонительную позицию у реки. Пока не закончилась переправа, град стрел и камней, выпущенных из катапульт, не давал людям Клита вмешаться. И снова Александр провел сложную и рискованную операцию без потерь.

От Лангара, который должен был разбить иллирийцев, собиравшихся напасть на македонян в пути, вестей пока не было, но Александр понимал, что он, может быть, лишен связи с Македонией. Он проявил удивительную изобретательность: отвел войско на несколько миль, рассудив, что варвары сочтут, будто македоняне ушли совсем. Александр дал противнику три дня, чтобы укрепиться в этой уверенности, а потом послал людей на разведку. Они сообщили то, чего он и ожидал. Лагерь врага практически не охранялся. Самоуверенность и отсутствие дисциплины всегда были на руку любому опытному

военачальнику, и Александр хорошо изучил это во время прежних кампаний.

Александр сразу вернулся во главе авангарда, а остальной войску велел следовать за ним. Затем он под покровом ночи послал вперед своих лучников и соплеменников Лангара. За этим последовала обычная резня, во время которой многие воины противника были убиты сонными. Других перебили при попытке к бегству. Начались страшная паника и хаос. Клит в отчаянии поджег крепость и вместе с Глаукием бежал в дальнее убежище в горах. С иллирийской угрозой было покончено.

Ложный слух

Было бы просто удивительно, если бы греки не попытались извлечь выгоду из отсутствия Александра в эти критические месяцы. Вопрос был в том, как доставить ему побольше неприятностей с минимальным риском. Демосфен нашел, как ему казалось, удачное решение: он распространил в народном собрании слух, что Александр и все его воины уничтожены варварами. Для большей убедительности Демосфен представил и «гонца», перевязанного и в крови, который клялся, что «был ранен» в том же сражении, когда на его глазах погиб Александр. Легко себе представить впечатление от подобного известия. Если кто из граждан высказывал сомнения, оратор вынуждал его замолчать с помощью патриотической риторики. В греческих городах начались волнения. В Фивах мятежникам удалось произвести переворот. Даже если бы там просто произошло восстание, без помощи извне, и это было бы достаточно скверно для Александра, но успех мятежников в значительной мере был обеспечен золотом и оружием, поставленным Демосфеном, при прямом содействии афинских властей.

И все-таки, прежде чем послать на помощь свои войска, афиняне решили посмотреть, как будут развиваться военные действия. Несмотря на это, было совершенно очевидно, на чьей они стороне, так же как и спартанцы и другие жители Пелопоннеса. Вся Греция была готова к восстанию. Сверх того, ложные сведения о гибели Александра достигли и Македонии. В Пелле начались интриги различных соперничающих групп. Но хуже всего для Александра было то обстоятельство, что в дело вступило персидское правительство. Царь Персии наконец оставил политику невмешательства и начал посылать золото в Грецию, поддерживая всех, кого ему было выгодно поддерживать. Для Александра ничего не могло быть опаснее возможности греко-персидской коалиции. Узнав о происходящем, он прежде всего позаботился о том, чтобы развеять ложные слухи.

Первым делом он отправил курьера в Пеллу с вестью о своем возвращении; кроме того, гонцу вручено было и частное письмо к Олимпиаде, единственному человеку, на которого Александр мог положиться до конца. Он просил ее о немедленном уничтожении Аминты и сына Клеопатры, Карана. Александр знал, что Олимпиада выполнит его требование.

После этого Александр снял лагерь и быстрым маршем, непривычным даже для ветеранов Филиппа, через Касторию и Гревену отправился с войском в Фессалию. Через неделю они благополучно достигли Пелинны. Отсюда Александр направился в Ламию, прошел через Фермопилы прежде, чем весть о его возвращении достигла юга Греции, и меньше чем за две недели оказался у Онхеста в Беотии, в двадцати милях от Фив.

Вожди мятежа, узнавшие о том, что македонское войско прошло Фермопилы, когда оно находилось уже в дневном переходе от Фив, никак не могли взять в толк, что их противник – Александр. Они считали, что Александра уже нет в живых, а войском командует, очевидно, Антипатр. Но когда через сутки македонское войско стало лагерем у Фив, все сомнения исчезли: Александр жив и правит по-прежнему. Оставалось решить вопрос – вести переговоры или сражаться.

У фиванцев было уместное дипломатическое объяснение, оправдывающее их поведение. Если бы Александр действительно погиб (как они думали), тогда договор о союзе потерял бы силу (поскольку он не оставил никаких распоряжений), а провозглашение ими независимости было бы законным. Фиванцы могли бы проявить добрую волю, подтвердив свою верность Александру, и эта история была бы забыта, а обе стороны сохранили бы лицо.

Однако фиванцы проявили неожиданное упорство. Вместо того чтобы, как им предлагалось, начать переговоры, они совершили вылазку, во время которой погибло несколько македонских воинов. На другой

день царь обошел город с юга и занял позицию у Ворот Электры, по дороге на Афины.

При первом появлении Александра правительство Фив приняло решение, единогласно одобренное народным собранием: сражаться за свою независимость. Но когда собрание созвали повторно, многие высказались за то, чтобы начать переговоры. Однако зачинщики мятежа, особенно вернувшиеся изгнанники, были против компромиссов. Они не собирались сдаваться без борьбы, если вообще собирались сдаваться.

Александр принял для себя решение. По словам Диодора, он решил «разрушить город до основания», чтобы устроить всех, кто готов был восстать против него. Но прежде чем начать военные действия, он, чтобы посеять раздор в Фивах, сделал последнее заявление. Все желающие могли перейти на его сторону, чтобы «жить в мире внутри Эллинского союза». В случае выдачи двух главных зачинщиков восстания остальные получали помилование.

Ответ фиванцев на дипломатическое красноречие и притворную вежливость Александра был нарочито вызывающим, и это решило их судьбу. С самой высокой башни в Фивах герольд объявил, что они согласятся на переговоры, если македоняне прежде выдадут Антипатра и Филота. После этого он провозгласил, что все, кто хочет, могут прийти и присоединиться к великому царю Персии и Фивам в борьбе за освобождение Греции от тирана. Подобными заявлениями, да еще с упоминанием возможного союза с Персией, Фиванцы хотели смутить Александра.

Он пришел в ярость и поклялся, что будет до конца преследовать фиванцев и покарает их страшной карой. И как обычно, сдержал слово. Осадные машины пробили бреши в палисадах. Фиванцы отчаянно бились вне стен города и стали теснить македонян, даже когда царь пустил в ход свои резервы. Но в решающий момент Александр заметил, что стражи оставили боковые ворота, и послал отряд во главе с Пердиккой внутрь крепости, чтобы иметь дело с осажденным гарнизоном. Пердикка выполнил задачу, несмотря на то что сам был тяжело ранен.

Как только фиванцы узнали, что враг проник за городские стены, они пали духом. После контратаки Александра они обратились в бегство. За этим последовали уличные бои, превратившиеся в резню. Части фиванской конницы удалось спастись бегством, но большинство защитников Фив погибло в боях, не прося и, само собой, не получая пощады. Женщин и стариков бесцеремонно вытаскивали из убежищ и учинили насилие и расправу.

На следующее утро Александр восстановил порядок. Он издал приказ, запрещающий дальнейшие убийства фиванских граждан. Они могли быть проданы в рабство, а македонская казна очень нуждалась в деньгах. Обе стороны похоронили павших. Затем Александр собрал особое заседание Совета союза, по крайней мере, тех делегатов, кого быстро можно было найти, чтобы решить судьбу города.

Совет решил «разрушить город, продать в рабство пленных, объявить вне закона фиванских изгнанников во всей Греции, не разрешать никому из греков предоставлять убежище фиванцам». Легендарный город Фивы, город Эдипа и Тезея, теперь, по воле марионеточного собрания, должны были стереть с лица земли. Затем представители греческих государств начали наперебой просить прощения за свои «ошибки». Афинское народное собрание решило направить к Александру десять посланцев, известных промакедонскими симпатиями, чтобы заверить его, что «афинский народ рад его счастливому возвращению из Фракии и Иллирии и полностью одобряет наказание города Фивы за мятеж».

Возможно, это позабавило царя, но не произвело на него особого впечатления. Он достаточно любезно принял послов, однако они принесли назад в Афины письменное требование выдать десять афинских военачальников и политиков, которые «противодействовали его интересам». Самыми известными из них были Ликург, Харидем и Демосфен. Никто не сомневался в их судьбе в случае выдачи. В

народном собрании начались жаркие споры, и наконец Демад, говоря получивший пять талантов от Демосфена и товарищей по несчастью, отважился возглавить новое посольство в Пеллу с просьбой не настаивать на выдаче.

Гнев Александра уже остыл, к нему вернулась рассудительность стратега. Он ясно дал понять Демаду, что считает Афины виновными не меньше Фив. Кроме того, предоставление убежища фиванским беженцам само по себе было грубым нарушением постановления о союзе. Затем царь великодушно заявил, что готов это забыть и простить. Александр уничтожил весь «черный список», за исключением имени узаконенного пирата Харидема (о котором не стал бы жалеть даже Демосфен), да и в этом случае потребовал только изгнания. Как и отец, Александр не был склонен устраивать долгую и небезопасную осаду. Его уступки были вполне реальными.

Если Александр рассчитывал произвести впечатление своим актом милости, то он заблуждался. Расправа с Фивами оказалась худшей психологической ошибкой за всю его карьеру. Пощади он город, ему могла бы быть обеспечена искренняя поддержка греков. Но теперь, опомнившись от первого страха, греки возненавидели Александра. В дальнейшем они сотрудничали с ним с циничной угодливостью, но не простили его.

Глава 5

Главнокомандующий

Покончив таким образом с волнениями в Греции, Александр быстро отправился на север, в Пеллу. Прежде всего он вызвал из Малой Азии Пармениона: как наиболее опытный военачальник Филиппа, тот должен был стать помощником Александра. Царь, будь его воля, предпочел бы другого человека, но у него тогда не было выбора. После этого Александр собрал Совет, чтобы решить наболевший вопрос о походе в Персию. Следовало определить сроки кампании и вид стратегии. Антипатр и Парменион советовали царю не торопиться. Помня о мрачных эпизодах борьбы за престол, они, не без резона, настаивали на том, что Александру перед походом надо жениться, чтобы иметь наследника. Царь отверг их советы, что впоследствии, после его смерти, привело к кровопролитию и политическому хаосу.

Впрочем, у царя были известные основания, чтобы спешить. Филипп задолжал своей армии, и после его убийства оставался долг в 500 талантов. Даже дохода в 1000 талантов от Пангейских рудников хватало лишь на треть для содержания македонской армии.

Александр, сверх того, отменил прямые налоги, что, очевидно, укрепило его популярность в стране, но значительно ухудшило ее финансовое положение. Царь был склонен считать, что лучше всего пополнить пустую казну за счет других, и в этом смысле возлагал надежды на сказочные богатства персидских царей.

Сомневаться в выбранном пути не приходилось, и на следующий, 334 г. до н. э. было намечено вторжение в Персию при неохотном согласии Совета.

Интересно ознакомиться с перечнем экспедиционных сил Александра. Кроме тех примерно 11 000 человек, которые уже действовали в районе Дарданелл, македонская армия включала в себя 30 000 пехотинцев и примерно 3300 всадников. Время от времени мобилизовывались дополнительные резервы, а большое количество сельскохозяйственных рабочих должно было обеспечивать продовольствие для военных нужд.

Из этих 30 тысяч 5 или 6 тысяч оставались как гарнизоны в занятых городах, а остальные находились в распоряжении Александра. До половины этого количества, под командованием Антипатра, было оставлено на родине, вместе с почти половиной кавалерии. Это само по себе говорит о том, как Александр относился к ситуации на Балканах и в Греции, а также – как относились в Греции к Александру.

Войско царя в Азии насчитывало 43 000 пехотинцев, в том числе 7000 от Эллинского союза. Из 6000 конников союзники поставили всего 600. Союз отвечал за флот, общей численностью 160 кораблей (Афины, имея более 300 кораблей, предоставили всего 20. Это и еще 200 конников составили весь их вклад в войско Александра). Несмотря на запрещение Эллинского союза, значительное число греков воевало на стороне персидского царя.

В целом структура экспедиционной армии Александра выглядела так.

ПЕХОТА		КАВАЛЕРИЯ	
Македонцев (фаланга и гвардия)	12 000	Македонцев	1800
Союзников	7000	Фессалийцев	1800
Трибаллов, одрисов и воинов других племен	7000	Фракийцев и иллирийцев	900

ПЕХОТА		КАВАЛЕРИЯ	
Легковооруженных лучников и агрианов	1000	Союзников	600
Наемников	5000	Первая экспедиция	1000
Первая экспедиция	11 000		
Всего	43 000	Всего	6100

Общее количество — 49 100

Следует отметить особый статус фессалийской конницы. Филипп, а потом Александр были пожизненно избраны архонтами Фессалии. Фессалийцы этнически были ближе македонянам, чем другие греки, их страна так же управлялась земельной аристократией, как и Македония, их кавалерия была так же вооружена и организована, как македонская. При этом фессалийская кавалерия всегда располагалась на левом фланге, то есть находилась под прямым командованием Пармениона. Этот факт интересен в свете глухой борьбы, которая постоянно шла между Парменионом и Александром за контроль над армией. Но позиции Пармениона были достаточно сильными. Александр понимал его ценность как полководца, к тому же Парменион обеспечил возможность наследования престола, и за эту услугу приходилось платить дорого.

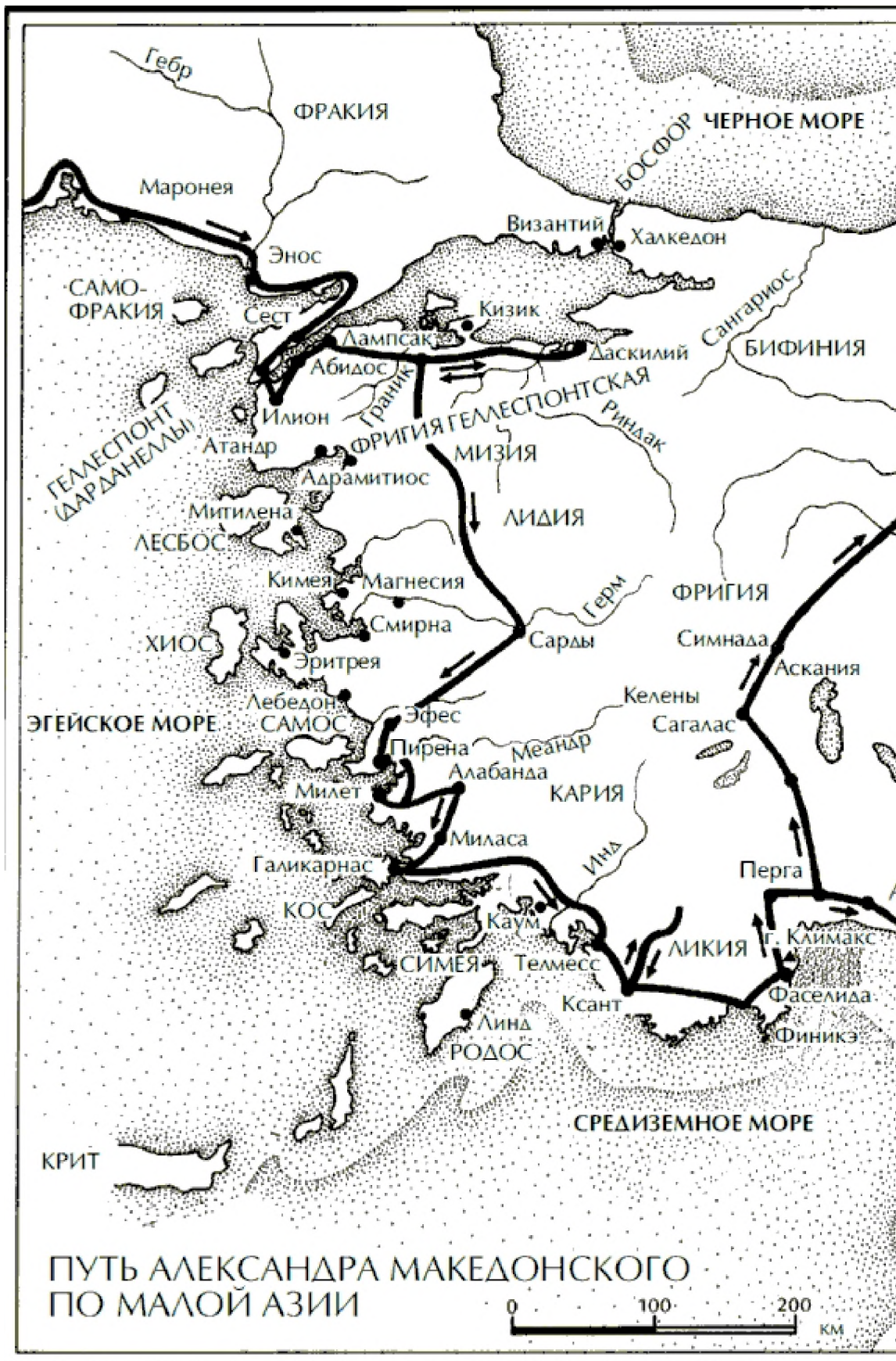
Помимо полевых сил, во вторжении в Персию принимали участие многие специалисты, включая инженеров, механиков и топографов. Эвмен Кардийский возглавил штаб и секретариат. Необычной стороной военной экспедиции (здесь явно сказалось влияние Аристотеля) было участие в ней большого числа ученых – архитекторов, географов, ботаников, астрономов, математиков и зоологов. На обретенных ими знаниях не один век в дальнейшем основывались представления европейцев о Востоке.

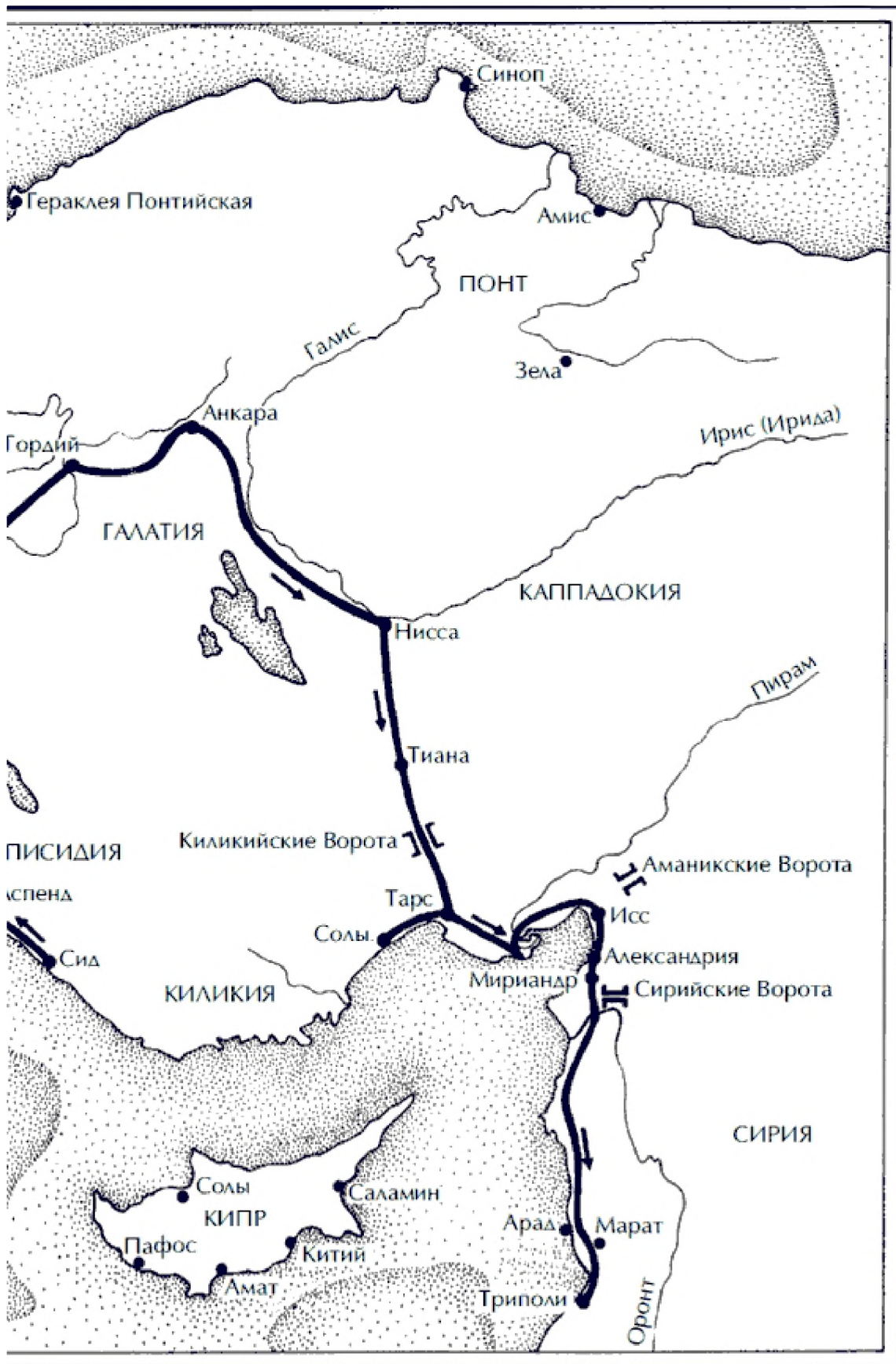
Александр был также первым известным полководцем древности, собравшим группу пропагандистов.

Ахилла обессмертил Гомер, потомок же Ахилла желал, чтобы и его достижения воспели. Эвмен вел дневники экспедиции, а Каллисфена^[6], племянника Аристотеля, Александр назначил ее официальным историографом. Александр оставил за собой право просмотреть первоначальную рукопись Каллисфена и время от времени вносил поправки, но это не значит, что он буквально диктовал все записанное. Задача Каллисфена состояла не в тенденциозном освещении фактов, а в оценках, лежащих в русле определенной концепции. Впрочем, он был не одинок. Как только стало известно, что Александр платит хорошие деньги за отображение своих деяний, немалое число третьестепенных историков, поэтов и теоретиков пожелали участвовать в предприятии. Их число приумножилось после того, как все новые успехи Александра увеличили и количество материала для их работы, и их награды.

Начало кампании

Ранней весной 334 г. до н. э. Александр Македонский наконец отправился из Пеллы к Дарданеллам во главе экспедиционной армии, чтобы вторгнуться на территорию Персии. Сбылась мечта всей его жизни. Он был одновременно Ахиллом, снова отправлявшимся в Троию, и верховным главнокомандующим греков, который должен был отомстить за вторжение Ксеркса в Элладу. Он даже пересек пролив в том же месте. Большой удачей Александра оказалось то, что переправа прошла практически без противодействия персов. Его слабостью оставался флот, ибо флот Дария в Финикии был почти в три раза сильнее. Массированная атака персидского флота могла бы прервать вторжение в самом начале. Но такой атаки, как и вообще противодействия на море, не состоялось. Организованная стратегия не являлась сильной стороной персидского командования.

Александр с отрядом в шесть тысяч человек отправился в Элею и, согласно традиции, совершил жертвоприношение в честь Протесилая, первого греческого воина, ступившего на берег Трои. Он

помолился о более счастливом жребии, что и понятно, так как Протесилай был вскоре убит, и воззвал к богам с просьбой о победе в войне возмездия. После этого он со своим отрядом пересек пролив на шестидесяти кораблях, посланных Парменионом из Сестоса. Во время переправы, на полпути, Александр принес жертву Посейдону и совершил возлияние золотым кубком, как некогда Ксеркс.

После прибытия в Ахейскую гавань (вероятно, Ротэй) царь воздал должные почести Афине, Гераклу и Зевсу и помолился о том, чтобы эти земли по доброй воле признали его царем. Затем он отправился в Илион, где царя встретила депутация местных греков и вручила ему золотые венки в знак почтения, после чего Александр совершил жертвоприношения Аяксу и Ахиллу. Он также, говорят, попросил прощения перед алтарем Зевса, где, согласно легенде, его предок Неоптолем некогда убил Приама. Во время осмотра местных достопримечательностей его спросили, не желает ли он увидеть лиру Париса. Александр отказался, ответив, что Парис играл на ней только для того, чтобы покорять сердца женщин; однако, добавил царь, он бы с удовольствием увидел лиру Ахилла, воспевшего деяния храбрых мужей.

Из Илиона Александр отправился снова на север и присоединился к своему войску в Арисбе, близ Абидоса. Оттуда войско двинулось на Даскилий, где находилась резиденция фригийского сатрапа. Первое поселение на пути, Перкот, контролировалось македонянами, но следующий город, Лампсак, был подвластен наемнику Мемнону. Говорят, что философ Анаксимен, выступивший в качестве посла, уговорил Александра обойти город, возможно за крупную взятку (денежные затруднения царя были широко известны).

У Александра хватило бы запасов только на месяц (не считая того, что он мог бы раздобыть на месте), а потому он хотел поскорее вовлечь персов в сражение, чтобы разбить их. Между тем персы, не сумевшие помешать переправе через Дарданеллы, хорошо понимали угрожающую им опасность. Арист, фригийский сатрап, обратился за помощью к другим правителям Малой Азии – Арсамону и Спитридату. Они втроем устроили лагерь в Зелее (Сары-Кая), к востоку от реки Граник, и собрали своих военачальников на совет. Наиболее продуманный план выдвинул Мемнон. Он предлагал тактику выжженной земли – опустошение ближайших районов, уничтожение посевов. Это должно было, по его словам, заставить македонское войско двигаться дальше в поисках продовольствия. Между тем персы, собрав большой флот и армию, могли бы тем временем начать войну с самой Македонией, пока армия Александра оставалась разделенной. Это был очень разумный совет, но беда в том, что исходил он от грека и не пришелся по душе его персидским коллегам. Мемнон не проявил достаточного такта: он убеждал их, что в любом случае следует избегать большого сражения, так как македонская пехота значительно превосходит персидскую. Персы были уязвлены и отвергли план Мемнона, решив сражаться. Александр не мог желать лучшего.

Однако за персами оставалось одно преимущество: выбор наиболее подходящего, как им казалось, места и времени битвы. Они решили, что если Александра вынудить атаковать их сильную позицию в невыгодных для него условиях, когда его кавалерия не может атаковать, а фаланга – держать строй, то тем самым, очевидно, будет положен конец вторжению.

ПЕРСИДСКИЕ САТРАПИИ

км 0 400 800

Собрав все доступные им подкрепления, сатрапы из своего лагеря направились к реке Граник, которую Александру предстояло пересечь по пути в Даскилий. Они заняли позицию на восточном берегу,

наиболее удобную с точки зрения их стратегии. В целом силы Ариста насчитывали около 30 000 человек, а войско Александра – 43 000. При этом персидская кавалерия имела до 16 000 конников, а конница Александра – всего 6000. Поэтому сатрапы в любом случае должны были не подставлять свою более слабую пехоту под удар, а могли добиться победы, умело используя кавалерию и греческих наемников.

Когда македоняне достигли Граника и увидели диспозицию, их командиры были удивлены и растеряны. Эти ветераны сразу поняли, что они в опасной ловушке. Парменион принялся убеждать царя, доказывая, что персов не удастся выманить с их укрепленных позиций, преимущество которых они и сами понимали. Река слишком глубока и быстра, ее придется переходить колонной, и во время этой трудной переправы они окажутся очень уязвимыми. Неудача первого приступа определит дальнейший ход сражения.

Царь нехотя согласился. Однако битва все же состоялась и началась с почти невероятной прямой атаки с переходом через реку. Под покровом темноты, не загасив лагерные костры, чтобы обмануть персов, македонское войско шло вдоль реки, пока не был найден подходящий брод. Там войско на несколько часов стало лагерем. Переправа началась на рассвете. Только в это время разведчики персов подняли тревогу. Несколько конных отрядов спешно направились к броду, надеясь застать людей Александра врасплох, но было поздно. Большая часть их уже переправилась, а при македонской дисциплине нетрудно было противостоять подобному нападению. Фаланга построилась, чтобы прикрыть тех, кто еще не переправился; Александр во главе своей конницы начал контратаку. Персы сочли за благо отступить. Александр собрал остальную часть войска и построил его для битвы. Равнина, на которой они находились, была очень удобной для действий кавалерии.

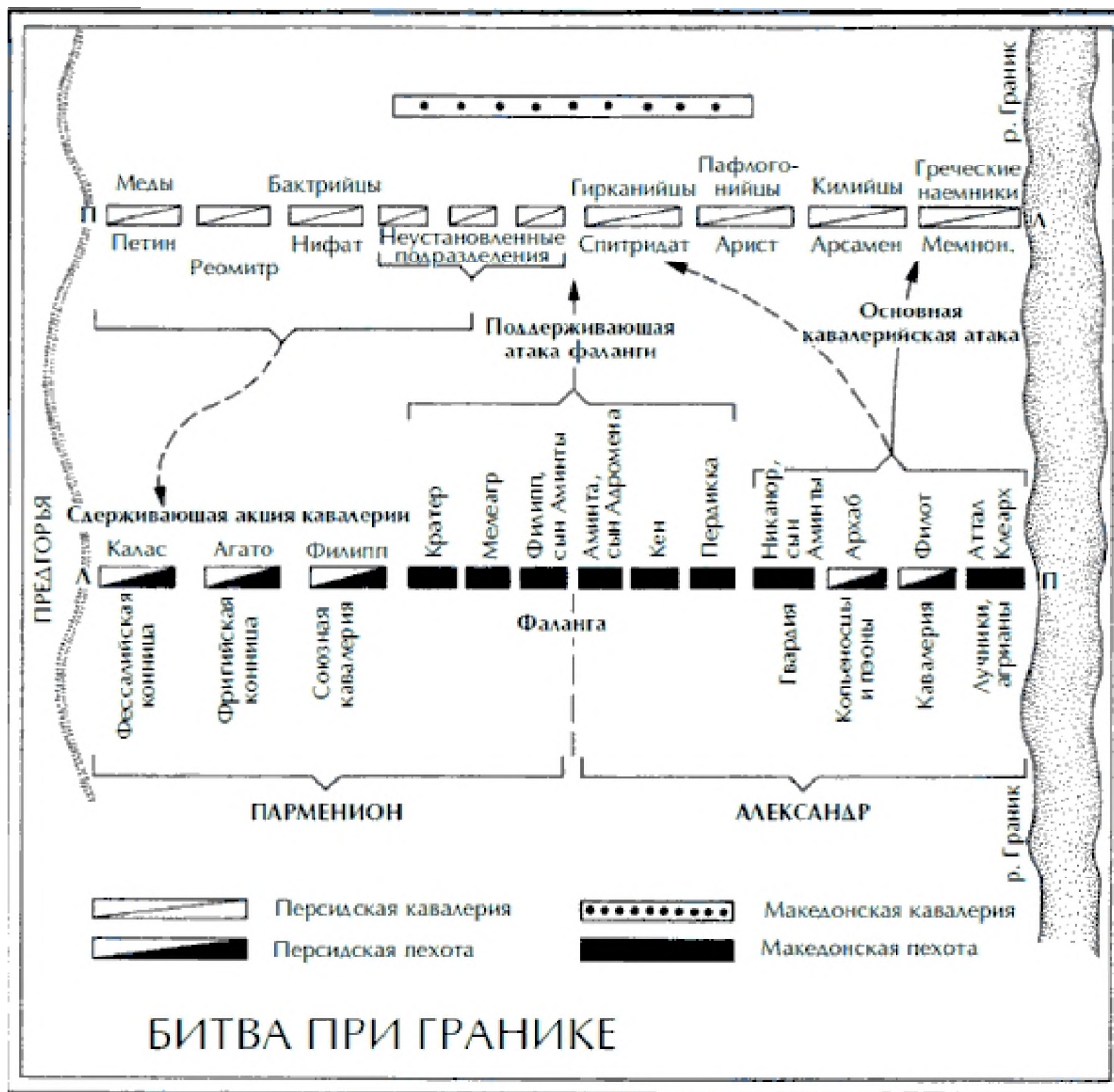
Арист и его приближенные выстроили свою кавалерию в одну линию, широким фронтом, а пехоту поставили в резерв. После этого они начали продвигаться вперед, к позициям.

Если они хотели убить самого царя, то узнать Александра им было бы нетрудно. На нем были великолепные доспехи из храма Афины в Илионе, щит его украшен был не хуже, чем щит Ахилла, а самого царя окружали оруженосцы и штабные командиры.

Заметив, что Александр, очевидно, готовится к нападению с правого фланга, персы перевели туда из центра несколько лучших частей. Именно на это и рассчитывал царь. По его приказу затрубили трубы, и равнину огласил боевой клич македонян. Александр повел в бой кавалерию, построенную клином. Он сделал вид, что хочет нанести удар по левому флангу противника, где его ждали Мемнон и Арсаман, но внезапно изменил направление удара и направил конницу на ослабленный центр персов. Между тем Парменион на левом фланге сдерживал атаки персидской кавалерии.

Началось сражение, достойное описания Гомера. Митридат, зять персидского царя, контратаковал во главе конной гвардии, стремясь нанести удар по центру македонского войска. Во время первой атаки у Александра сломалось копье, и Демарат из Коринфа дал ему свое. Повернув коня, царь поскакал прямо к Митридату. Говорят, кто-то из персов метнул в Александра копье с такой силой, что оно пробило щит и вонзилось в латы. Александр вытащил его, пришпорил коня и собственным копьем поразил Митридата в грудь. При этом, как пишет Диодор, «бойцы в рядах обоих войск испустили клич восторга при виде такого свершения».

Однако броня выдержала удар, от копья царя откололся кончик, а Митридат, пошатнувшийся, но готовый к бою, обнажил меч, намереваясь начать поединок. Александр, не растерявшись, бросил сломанное копьё в лицо противнику, и тот упал на землю.

Занятый противником, Александр не обратил внимания на новую опасность. Знатный перс Розакес подскакал к нему сбоку, с саблей наголо, и нанес удар такой силы, что рассек крылатый шлем Александра и нанес ему легкую рану в голову. Несмотря на это, царь успел все же разделаться и с новым противником, но брат Розакеса Спитридат напал на Александра сзади с обнаженным мечом, готовясь нанести новый удар. В это время Клиф Черный, брат кормилицы Александра, мощным ударом отсек Спитридату руку. Едва он успел это сделать, как Александр упал на землю, а яростная битва продолжалась.

Воспользовавшись тем, что в центре ряды врагов поредели, македонская фаланга пошла в наступление. Александру каким-то образом снова удалось сесть верхом, и его гетайры собрались вокруг него. Персидские воины в центре дрогнули, оставив без поддержки тех, кто находился на флангах. После того как на левом фланге Парменион со своей фессалийской конницей пошел в атаку, персы обратились в бегство. Не считая наемников, пехота почти не оказывала сопротивления. Мемнон же со своими людьми в боевом порядке отступил на один из холмов. К Александру послали гонца с просьбой о пощаде, но царь не был склонен даровать ее. Пока фаланга продолжала наступление, кавалерия царя окружила наемников со всех сторон, чтобы никто не прорвался. Самому Мемнону, правда, удалось каким-то образом спастись.

Битва при Гранике закончилась славной победой македонского главнокомандующего. Его личное поведение было героическим, и редко когда венок за мужество, врученный ему «по общему решению», доставался более достойному кандидату. Потери персов составили примерно 2500 человек, и только около тысячи из них были коренными персами. В пехоте самого Александра потери составили не более 30 человек, а в кавалерии – не более 120. Птолемей и Аристокл утверждали, что всего 60, из них 25 гвардейцев. Впоследствии Александр установил в честь этих 25 статуи в Македонии – единственный в этом роде случай. Примечательно, что в эту группу он включил и свою статую.

2000 оставшихся в живых наемников Мемнона заковали в цепи и отправили в качестве рабов в Македонию. Сам Александр объяснял это тем, что они оскорбили эллинов, сражаясь на стороне восточных варваров против греков. Иначе говоря, это был жест главнокомандующего Эллинским союзом.

Но мы не знаем, насколько пропагандистские мотивы были важными для царя. Аристокл считает, что Александр руководствовался скорее гневом, чем разумом, и это справедливо. Снова, под прикрытием решений союза, Александр показал, что будет со всеми греками, которые выступят против него.

После этих событий Дарий вынужден был принять македонскую угрозу всерьез. Александр, казалось обреченный на поражение, одержал поразительную победу. Теперь у его ног лежала вся Малая Азия.

Глава 6

Дорога на Исс

Как только стало известно, что остатки персидского войска (и среди них Мемнон) отступают к Милету, Александр начал преследование. Он отправился в поход не вдоль побережья, а через Мизию, имея конечной целью Сарды, столицу Лидийской сатрапии, город большой стратегической важности, поскольку он стоял на пути в Сузы.

Когда Александр с войском был уже в нескольких милях от Сард, Митрин, персидский правитель города, с группой именитых граждан вышел встречать царя. Митрин предложил сдать Сарды вместе с сокровищницей. Победа македонян при Гранике окупилась для них в буквальном смысле слова.

Из Сард Александр направился в Эфес, другой ключевой пункт, соединяющий Персию и Запад. При известии о его приближении тамошний гарнизон бежал вместе с македонским перебежчиком Аминтой, сыном Антиоха. Очевидно, вести об обращении Александра с наемниками достигли этих мест.

В Эфесе произошла перемена в политике Александра по отношению к грекам. В самой Греции царь обычно поддерживал олигархов. В Эфесе же олигархи правили от имени Дария, а демократы приветствовали Пармениона как освободителя. Соответственно, было создано марионеточное демократическое правительство. Демократы устроили чистку своих политических оппонентов, продолжавшуюся, пока им не помешал царь, решивший, что кровопролитие пора прекратить. Это, как говорят, снискало ему большую популярность. Когда Александр еще находился в Эфесе, туда прибыли послы из Магнесии и Тралл, с предложениями о сдаче. Распространился слух, что македонский царь симпатизирует демократам, и это возымело свое действие.

Возможно, теперь Александр нашел решение вопроса, как ему разумнее поступать с захваченными землями. Два крупных военных соединения под началом Пармениона и Алкимаха были отправлены принимать капитуляции городов Ионии, Лидии, Эолиды. Оба военачальника получили подробные инструкции от царя. Олигархические хунты следовало низлагать, а вместо них учреждать «демократические» правительства; местные законы и обычаи уважать. Города освобождались от дани персам.

Все это выглядит весьма великодушным, но по сути одни марионеточные правители были заменены другими. Кроме того, несмотря на захват сардской казны (большая часть ее, вероятно, пошла на уплату долгов), Александру все же не хватало наличных денег. Совсем отменить дань он в то время не мог себе позволить, но мог назвать ее как-то иначе. Царь требовал, чтобы «освобожденные» греческие города присоединялись к Эллинскому союзу. Раз так, то по договору они были обязаны платить «взносы» на ведение общеэллинской войны. Можно не сомневаться, что теперь они должны были платить не меньше, чем выплачивали персам в виде дани.

Парменион также получил указания укрепить оборону ионийского побережья на случай нападения персидского флота. Эти предосторожности, как выяснилось, вовсе не были излишними.

Стало известно, что из Карики к Милету отплыли флотилии царя Персии. Незадолго до того командир милетского гарнизона, считая свое положение безнадежным, прислал Александру письмо с предложением о капитуляции. Но теперь он вдруг передумал. Царю следовало действовать быстро. Флот союза сразу отплыл из Эфеса. Если бы ему удалось достичь Милета раньше персов, город и гавань были бы защищены. Пармениона и Алкимаха срочно отозвали. Но Александр, похоже, выступил в поход с наличным войском

(около 15 000 человек оставались на гарнизонной службе), не дождавшись возвращения своего помощника.

Никанор, командующий греческим флотом, поставил свои корабли на якорь за три дня до прихода персов; у него было 160 кораблей, а у персов – 400, но оборонительную позицию на острове Ладэ он занял отличную. Сам Александр также достиг Милета вовремя и усилил оборону острова хорошим гарнизоном.

Персы вынуждены были оставить свои корабли у Микале, на уязвимой позиции. К тому же они были отрезаны от путей снабжения продовольствием и пресной водой, так как Александр поставил заслон в устье Меандра, чтобы воспрепятствовать высадке персидских интендантских частей. Он уже овладел внешним городом и готовился к штурму акрополя.

Правитель Милета отправил к Александру парламентаря с предложением свободного пользования портом и свободного входа в город как для македонян, так и для персов, если царь снимет осаду. Царь отверг эти предложения, и началась осада города. Флот союза блокировал вход в гавань, чтобы защитники Милета не могли получить помощь от персов, а македонские осадные машины начали крушить городские стены. Когда образовались пробоины, македоняне ворвались в город. Часть гарнизона, в том числе 300 наемников, бежали на один из островков, остальные сдались.

Александр, следуя новой политике, милостиво обошелся с гражданами Милета, хотя всех иностранцев, попавших в его руки, продали в рабство. Греческих наемников он предложил пощадить, как говорят, «тронутый их мужеством и стойкостью», при условии, что они перейдут к нему на службу. Некоторое время персидский флот еще находился в районе Милета, ожидая возможности спровоцировать столкновение, но произошло лишь несколько мелких стычек. Наконец, поскольку персы по-прежнему были отрезаны от всех береговых источников снабжения, они сами почувствовали себя в осаде. Кончилось тем, что персидские корабли отплыли в Галикарнас, где персы создали новую линию обороны. Угроза с их стороны оставалась. В этих обстоятельствах Александр принял решение расформировать флот и бросить все силы на военную кампанию на суше. Афинское морское подразделение и еще несколько кораблей он сохранил для транспортного обслуживания, как и флотилию на Дарданеллах. Основной же части контингента союзного флота было выплачено жалованье, и моряков отправили на родину.

Александр сознательно шел на огромный риск. Флот Дария вполне мог совершать рейды на Грецию, мог перерезать коммуникации македонян, причинить им немало неприятностей на Эгейском море. Имея 400 финикийских кораблей, персы вполне могли инспирировать в Греции мятеж, оказав ему поддержку, и тогда шансы Александра в борьбе против Дария свелись бы к минимуму. Но Александр так мало доверял греческим союзникам (и не без оснований), что готов был скорее пойти на риск поражения, чем довериться греческому флоту. Кроме того, он (опять же не без оснований) рассчитывал на то, что полисы Эллады в принципе не способны на согласованные действия, хотя бы и по защите своей свободы.

После Милета

После взятия Милета остатки персидских военных сил отошли в Галикарнас, хорошо укрепленный город с первоклассной гаванью, способный выдержать длительную осаду. Персидский царь назначил Мемнона смотрителем Нижней Азии и начальником флота. Галикарнас стоял прямо на пути армии Александра.

Македоняне подошли с северо-востока, став лагерем в полумиле от Миласийских ворот. Осмотрев городские укрепления, Александр пришел к неутешительным для себя выводам. Со стороны суши город был обнесен мощными стенами с башнями на равных расстояниях и окружен ровом шириной сорок пять футов и глубиной двадцать футов. Было там также не менее трех самостоятельных укрепленных цитаделей, способных долго держаться и после падения города. Одна стояла на старом акрополе как северо-западный бастион, две другие, крепость Саламик и укрепление на островке Арконес, защищали вход в гавань. Теперь здесь находился и флот персидского царя.

Так как Александр обезлюдил собственный флот, он не мог установить блокаду с моря, а следовательно, Галикарнас едва ли можно было взять измором. Осадные машины еще не были доставлены. Пока не прибыли транспортные суда, пытавшиеся ускользнуть от финикийского флота, штурм не мог быть успешным. Наконец кораблям удалось пристать к пустынному участку побережья. После этого началась настоящая осада.

Наемники Мемнона были хорошо подготовлены и имели возможность обстреливать противника с крепостных стен. Несколько попыток штурма после жестокой борьбы были отбиты. Ночью, пока строители пытались заделать пробоины в стенах, Мемнон послал на вылазку отряд, имевший целью сжечь машины и осадные башни Александра. В результате ожесточенной схватки персам пришлось отступить, но около 300 македонян были тяжело ранены.

Александр перенес осадный состав на северную сторону города. Македонянам удалось сокрушить крепостной вал и две башни. Они предприняли новую попытку штурма, но неудачную, так как натолкнулись на внутреннюю заградительную стену. На следующий день Александр даже обратился к Мемнону с предложением о перемирии, чтобы получить тела погибших. Мемнон и другие военачальники, Оронтобат и два афинянина, Эфиальт и Трасибул, собрались на совет. Эфиальт заявил, что для спасения Галикарнаса необходимо самим предпринять наступление. Вместе они выработали, казалось, удачный план.

Они отобрали 2000 наемников, разделив их на два отряда. Первый, с факелами и ведрами со смолой, отпра вился на вылазку из-за заградительной стены с целью поджечь осадную технику Александра. Как и предвидел Мемнон, царь бросил туда пехоту, чтобы покончить с этой угрозой. Тогда второй отряд наемников, выйдя из главных ворот, напал на македонян с другой стороны. Мемнон ввел в дело собственную осадную машину – деревянную башню высотой около 150 футов, на каждой платформе которой стояли метательные машины и метальщики дротиков. Эфиальт, отличавшийся огромной силой, повел своих людей в наступление, а сверху на македонян полетели снаряды. Мемнон бросил в сражение персидский резерв. Начался неравный бой. Положение спасли резервные отряды ветеранов. Они вступили в битву, сомкнув щиты, выставив копья, несокрушимым боевым строем. Людям Эфиальта, уже считавшим себя победителями, неожиданно пришлось столкнуться с новым противником. Они дрогнули; македоняне пошли в контратаку, причем им удалось убить самого Эфиальта. За самое короткое время персы были разбиты и стали спешно отступать к городу. Около внутренней стены началось яростное сражение, на мосту через ров скопилось столько людей, что мост рухнул.

Защитники города не выдержали. Мемнон и Оронтобат решили уходить. Лучшую часть уцелевших войск они оставили в укреплениях, охраняющих гавань; остальные были эвакуированы на остров Кос. Перед этим они подожгли арсеналы, большую деревянную осадную башню и оборонительные башни, сооруженные на стенах. Из-за сильного осеннего ветра огонь распространялся быстро. Александр видел это, но не мог ничего поделать, как и помешать эвакуации. Флота у него практически не было, а крепости у входа в гавань находились в руках персов. Македонянам оставалось стоять и смотреть на горящий город, пока Мемнон погружал на корабли людей, припасы, оборудование.

Разделение армии

Всех воинов-молодоженов царь теперь отослал домой на зимний отпуск, что еще увеличило его популярность. Клеандру и Кену, которые их сопровождали, Александр дал указания собрать свежие подкрепления в Македонии и Греции.

Экспедиционная армия была разделена на два контингента. Один, под командованием Пармениона, отправили назад, в Сарды, для ведения военных действий против племен Центральной Анатолии. Сам царь отправился на восток, в Ликию и Памфилию, для установления контроля над побережьем и нейтрализации флота противника. Выполнив эту задачу, он должен был пройти через Писидию и весной следующего года соединиться с войсками Пармениона в Гордии. В это же время должны были вернуться и получившие отпуск.

Александр сначала отправился на юго-восток, в Телмесс, а затем на север, к одному из ксантийских горных перевалов. Там, среди горных снегов, окруженный недружественными племенами, он застрял со своими людьми, далекий от цели – дороги, соединявшей побережье с Фригией, местом встречи с Парменионом. Тем временем к Александру явились послы из Фаселиды и других местных городов, с «золотой короной и предложениями дружбы», а также с полезной информацией о местных дорогах и опасностях.

Обдумав положение, Александр решил пока не прокладывать путь дальше. Он вернулся на побережье, а в Ксанте произошел инцидент, убедивший царя, что он рисковал не зря. Горячий подземный источник поблизости от города вынес на поверхность бронзовую табличку с древними символами. Гадатели сочли, что это знамение свыше. Аристандр, царский прорицатель, истолковал таинственную надпись так: «Настанет день, когда элины положат конец Персидскому царству». Это толкование вдохновило Александра, который снова двинулся в путь, теперь на восток, в Финикэ, а оттуда – в Фаселиду.

Дорога между Фаселидой и Сидом шла через горы от Кемер-Кая, по узким ущельям, и выходила на памфилийскую равнину к югу от Бельдиби. Александр, помня о своем опыте с горой Осса, велел фракийским разведчикам вырубать ступеньки в горах и расширять проходы в ущельях. Большая часть войска пробиралась по этой дороге, а сам Александр с небольшим отрядом отправился в путь вдоль морского побережья. Этот путь можно было проделать только при сильном северном ветре, между тем здесь бушевали южные ветры, что мешало македонянам добиться цели. Александр все же решил попытаться счастья. Согласно Каллисфену и другим источникам, в нужный момент подул северный ветер, и царь с отрядом смогли совершить поход без особых трудностей.

Перевалив через гору Климакс, войско оказалось в красивой и плодородной Памфилийской долине, лежавшей между горами и морем, длиной около шестидесяти и шириной около восемнадцати миль. Отсюда путь Александра лежал на восток, вдоль побережья. От Сида до Киликии простиралась дикая, незаселенная область, без портов и нормальных дорог. Здесь никаких военных действий практически не требовалось. После небольшой стычки с разбойниками экспедиция достигла Перги, которая сразу сдалась. Отсюда Александр отправился в Аспенд. Неподалеку от города его встретила депутация граждан, желавших сдать город, однако просивших избавить их от присутствия гарнизона. Александр, наслышанный о ресурсах этого города и испытывая недостаток в боевых конях, как и в деньгах, согласился не ставить гарнизон в Аспенде, но за высокую плату. Жители должны были передать ему всех лошадей, которых они выращивали для Дария на своих знаменитых конных заводах, а также внести пятьдесят талантов для выплаты воинам.

Узнав о таких условиях, большинство граждан отвергло соглашение, заключенное от их имени. Когда

специальный отряд Александра явился за лошадьми и контрибуцией, жители заперли ворота и эвакуировали людей из пригорода, находившегося под горой, на берегу реки. Они заперлись в крепости, надеясь, вопреки здравому смыслу, что царь, занятый другими делами, не явится, чтобы рассчитаться с ними. Но они ошиблись. Александру слишком были нужны и лошади и деньги. Вскоре войско Александра встало лагерем в пустом нижнем пригороде. У граждан Аспенда сдали нервы, и они послали парламентаря с просьбой о сдаче на прежних условиях. Но теперь Александр считал это недостаточным. Денежная контрибуция была удвоена, а кроме того, городу следовало выплачивать ежегодный налог – не Эллинскому союзу, но непосредственно Македонии. Город также должен был управляться наместником, а это всегда означало и размещение гарнизона. Знатные граждане должны были стать заложниками.

История с Аспендом показывает, какие цели преследовал Александр в Малой Азии. Поскольку с ним сотрудничали по доброй воле, он мог представлять свою экспедицию как священный общеэллинский поход. Но малейшее неповиновение царь сурово пресекал. Поведение Александра в дальнейшем породило мрачную шутку: «Становись моим братом, или пеняй на себя».

На север

Из Аспенда македонское войско направилось на север через Писидию. Последний раз сопротивление Александру было оказано в Сагаласе. Здесь ему пришлось сражаться в очень сложных условиях: штурмовать крепость в горах без поддержки конницы (склон был очень крутым). Но македонская выучка и дисциплина сделали свое дело. После упорной борьбы Сагалас был взят. Вскоре войско Александра оказалось на плато. Обогнув озеро Бурдур, он через пять дней вышел к Келенам у истоков Меандра и Марсия.

Келены, находясь на перекрестке главных дорог, были важным стратегическим пунктом. Отсюда вела и дорога на север, в Гордий. Ксеркс по царскому пути проходил через Келены на запад, в Сарды. Александр не мог продвигаться дальше, не захватив этот город, важнейший коммуникационный узел на пути, связывавшем Средний Восток с Ионией. Город вскоре пал, хотя акрополь продержался несколько дольше.

Отсюда, оставив в Келенах гарнизон под командованием Антиоха, Александр отправился дальше и достиг Гордия в начале марта 333 г. до н. э. Здесь его войско снова соединилось с войском Пармениона, а также с теми людьми, которые ранее отправились в зимний отпуск. С ними пришло и долгожданное пополнение – 3000 македонских пехотинцев, 500 конников, 150 элидских добровольцев. Но вернувшиеся командиры сообщили, что в целом ситуация в Греции заметно ухудшилась, и оправдались худшие опасения царя. И снова виновником оказался самый опасный противник – Мемнон.

После падения Галикарнаса Дарий, наконец, разрешил Мемнону применить тактику, которую тот предлагал с самого начала, – перенести военные действия в Грецию. В его распоряжении находился персидский флот, к тому же он получил от персидского царя средства, необходимые для оплаты профессионального военного контингента. Пока Мемнон совершал рейды на восточные острова Эгейского моря, его агенты в самой Греции раздавали персидское золото потенциальным сторонникам, обещая, что Мемнон скоро появится в Эвбее с большой армией и флотом.

Александру предстояло принять серьезное решение. Продолжение военных действий на Востоке было чревато потерей Дарданелл, да и в Греции мог в любое время вспыхнуть мятеж. А возвращение назад могло сделать напрасными все усилия царя по завоеванию Персии.

Как раз в то время, когда молодой царь решал эту задачу, произошел знаменитый эпизод с Гордиевым узлом. Как многие люди, столкнувшись, казалось, с неразрешимой задачей, Александр был склонен довериться судьбе. Сейчас, как никогда, необходимо было знамение свыше.

В Гордии, в храме Зевса, он нашел то, что искал. Там, в акрополе, находилась древняя телега, будто бы переданная сыну Гордия, Мидасу, когда тот наследовал от отца престол Фригии. Ее дышло было привязано к ярму с помощью запутанного узла вроде тех, что моряки называют «головой турка». Оракул некогда предсказал, что тот, кто распутает узел, станет владыкой Азии. Александр не мог не попытаться счастья. Долго пробовал он распутать сложный Гордиев узел, но безуспешно. Между тем неудача его означала бы самое скверное предзнаменование. Надо было срочно найти выход. Аристокл сообщает, будто Александр вытащил колышек, находившийся между ярмом и дышлом, что и помогло ему найти свободные концы, но это похоже на пропаганду постфактум. По утверждению Квинта Курция и Плутарха, царь, воскликнув: «Не все ли равно, как я с ним управлюсь!», обнажил меч и разрубил узел.

В тот вечер сверкнула молния и ударил гром, что Александр и его толкователи расценили как одобрение поступка царя Зевсом (хотя это можно было понять и как проявление божественного гнева). Александр принял решение продолжать кампанию. Он назначил Амфотера начальником флота на Дарданеллах, а Гегелоха – командующим наземными силами, базировавшимися в Абидосе. Царь дал им

500 талантов на организацию нового флота греческих союзников и еще 600 послал Антипатру для оплаты гарнизонов на родине. После этого Александр с войском двинулся в Анкару. Там царь получил благоприятное известие: вскоре после осады Митилены Мемнон заболел и умер. Уход из жизни этого единственного первоклассного полководца в армии Дария был большой удачей для Александра. Теперь все планы врага по вторжению в Грецию могли рухнуть.

Наследники Мемнона

После того как не стало Мемнона, командование персидскими войсками перешло к знатным персам: Фарнабазу, его зятю и Аутофрадату. Последний продолжал кампанию на Эгейском море, а Фарнабаз с большим наемным войском отправился по морю в Ликию, чтобы заставить Александра вернуться на побережье. Но эта многообещающая инициатива была пресечена самим Дарием, который не хуже Александра понимал, что стратегия Мемнона без него самого имеет мало шансов на успех. Персидский царь собрал тайный совет, чтобы решить вопрос – стоит ли вторгаться в Европу или лучше нанести прямой удар по македонскому войску?

Советники-персы склонялись к тому, что сам Дарий должен бы вынудить Александра принять бой, но против этого выступил, правда без достаточного такта, афинский наемник Харидем. Он обоснованно считал, что со стороны Дария было бы безумием делать ставкой в этой игре свой трон, что царю лучше оставаться в Сузах, а с Александром пусть воюет профессиональный полководец. Харидем дал понять, что имеет в виду самого себя. Это вызвало резкое недовольство других советников. Они прозрачно намекнули, что афинянин добивается этого только для того, чтобы легче было предать их македонянам. Харидем вышел из себя: его, как наемника, такие обвинения особенно задевали. Совет перешел в свару. Некоторые замечания насчет персидских трусости и невежества так разгневали Дария, хорошо понимавшего по-гречески, что он приказал тут же казнить Харидема. Когда грека уводили, он прокричал, что Дарий за эту несправедливую казнь заплатит троном и царством.

Когда гнев царя остыл, Дарий очень сожалел, что казнил лучшего из своих военачальников, понимая, что подходящей замены ему не найти. В результате плану вторжения в Европу предпочли прямое столкновение с войском Александра. Фарнабаз, правда, был преемником Мемнона, но чисто формальным, так как все его наемники были отозваны, поскольку Дарий нуждался в срочном укреплении своей пехоты. Фарнабазу оставалось только соединиться с Аутофрадатом. Объединив усилия, они отправили десять кораблей в рейд на Киклады, а с остальными силами удалось захватить Тенедос на севере. Македонянам все еще не удалось собрать настоящий флот, так что персы не встретили серьезного сопротивления.

Пока Дарий ждал подкреплений из Вавилона, Александр быстро направился на Каппадокийское нагорье под палящим августовским солнцем. Ему и его людям предстояло перевалить Таврский горный хребет. Идти они могли только по глубокому извилистому ущелью. Случилось так, что персидский правитель Киликии Арсам значительно облегчил македонянам задачу. Если бы он сосредоточил все свои силы у выхода на равнину, Александру оставалось бы только отступить. Однако, пытаясь подражать тактике Мемнона и избегая прямого столкновения, Арсам оставил у выхода лишь небольшой отряд, а основные силы направил на опустошение Киликийской равнины. Все македонское войско прошло по ущелью и вышло на равнину. Сам Александр впоследствии говорил, что больше никогда ему так не везло.

Александру сообщили, что Арсам собирается оставить Тарс. В соответствии с избранной стратегией сатрап решил вывезти из города казну, а город сжечь. Александр сразу послал вперед Пармениона с конницей и легковооруженными воинами. Узнав об этом, Арсам поспешно ушел из Тарса, оставив в неприкосновенности и здания и казну, чтобы соединиться с войском Дария, вышедшего из Вавилона.

Александр вошел в Тарс 3 сентября 333 г. до н. э., страшно усталый и разгоряченный после похода. По городу протекала река Кидн, чистая, быстрая, с ледяной водой. Царь разделся, решив искупаться. В воде у него начались судороги. Телохранители бросились в воду и вытащили Александра в полубессознательном состоянии. До своего купания Александр, видимо, получил какую-то легочную инфекцию, которая быстро перешла в острую пневмонию. Несколько дней он лежал в горячке. Врачи оценивали его состояние как

безнадежное и воздержались от дальнейшего лечения, опасаясь обвинений в небрежении или, еще хуже, в убийстве.

Только один из них взялся лечить царя – Филипп из Акарнании, его личный врач, знавший Александра долгие годы. Филипп сказал, что есть некоторые быстродействующие лекарства, но их использование сопряжено с риском. Александр, думавший больше всего о наступлении Дария, не стал возражать. Лечение Филиппа оказалось успешным, хотя действительно нелегким. Поначалу Александр потерял голос, ему стало трудно дышать, а затем он впал в бессознательное состояние. Филипп делал ему массаж и лечил припарками. Сильная конституция Александра помогла ему перенести кризис, а снадобья сделали все остальное. Через три дня он уже был здоров и снова появился перед встревоженным войском.

Царь отправил Пармениона с греческой пехотой и фракийской и фессалийской конницей следить за продвижением Дария, а сам остался еще на две недели в Тарсе до полного выздоровления. Но Александр никогда не был праздным. Впервые он завладел монетным двором и начал чеканить собственную монету. До перехода через Тавр он еще мог выступать как «освободитель» греков. Теперь же Александр превратился в завоевателя. Если он желал, чтобы сирийцы и финикийцы признали его владычество, то должен был построить систему власти, подобную той, что была у царя персов.

Между тем от Пармениона пришли добрые известия. Это значило, что настало время продемонстрировать формальный ритуал покорения Киликии. Александр сначала посетил Анхиал к западу от Тарса, потом соседний город Сола, а затем вернулся в Тарс. Филот с кавалерией был послан вперед и достиг реки Перам. Вскоре туда подошел и сам Александр с гвардией и пехотой. Видимо, он был озабочен тем, чтобы завоевать поддержку близлежащих киликийских городов, но это не слишком задержало его продвижение. Через два дня Александр уже был в Кастабале, где его встретил с последними новостями Парменион.

Дарий стоял лагерем на равнине у Сохи, к востоку от Сирийских Ворот. Парменион уговаривал Александра повести войско в Исс и подождать там Дария. В узкой долине между морем и горами было меньше риска, что противник обойдет македонское войско с флангов; к тому же – о чем не сообщает наш источник, хотя это важно, – из Исса Александру было легче проследить, по какой дороге пойдет Дарий с войском. Но Александр, видимо, решил, что Дарий может пройти только через Сирийские Ворота, и не стал, как известно, ждать его в Иссе. С большей частью войска он отправился на юг, в Мириандр, стал лагерем у выхода на равнину и ждал там противника, который так и не появился.

Очевидно, на это и рассчитывал Дарий. Пока Александр стоял в Мириандре, задержавшись из-за сильной грозы (странная причина, если учесть, что впоследствии македонское войско прошло много миль по индийской земле во время сезона дождей), Дарий стремительно направился на север к Аманикским Воротам (нынешний перевал Богче), не встречая сопротивления, а оттуда – на Исс. Там персы захватили большую часть раненых и больных из армии Александра. Им отрубили руки, прижгли раны, показали персидский лагерь и отправили к Александру, чтобы они рассказали обо всем увиденном. Из Исса Дарий с войском двинулся к реке Пинар и занял оборонительную позицию на ее северном берегу. Теперь он оказался в тылу у войска Александра, лишив его таким образом коммуникаций. Александр неожиданно оказался в ловушке. Оставалось принять бой в невыгодных условиях.

Между тем македонские воины за два дня прошли около 70 миль, а когда они стали лагерем, начался ливень. Люди были очень утомлены и недовольны. Однако непобедимый оптимизм и ораторское искусство Александра оказались заразительными. Когда он закончил речь ссылкой на Ксенофонта и его Десять тысяч^[7], то войско воспрянуло духом.

На рассвете македонская армия направилась к Иссу; пройдя около 212 миль, Александр с войском достиг реки Пинар. Там он построил людей таким образом, чтобы левый фланг находился близко к морю, а

правый – к предгорьям. Большую часть кавалерии он расположил на правом фланге под своим командованием, а Парменион должен был взаимодействовать с греческими союзниками.

Основным слабым местом персов, как обычно, была пехота. Азиатских вассалов Дария нечего было и сравнивать с македонской фалангой, и он предусмотрительно расположил их в резерве. В центре расположилась отборная личная гвардия царя, около 2000 человек, а сам Дарий, как того требовал обычай, находился позади гвардейцев, в большой изукрашенной колеснице.

По обе стороны от гвардейцев царя находились греческие наемники, до 30 000, хотя эти данные источников обычно считаются преувеличенными. На флангах располагалась легковооруженная пехота, обычно состоявшая из персидских юношей, проходивших военную службу.

Пока Дарий выстраивал свою армию, наступил полдень. Постепенно продвигаясь вперед, македоняне подошли уже совсем близко. Они шли не спеша, с остановками для проверки вооружения и наблюдения за врагом. В это время персидский конный авангард получил сигнал вернуться за реку и присоединиться к основным силам. Замысел Дария стал ясен. Александр должен был быстро перестроить свое войско. Вместо того чтобы, как ожидалось, сосредоточить кавалерию против правого фланга Александра, персидский царь явно готовил нападение против Пармениона.

Александр тут же перевел фессалийцев на левый фланг, чтобы усилить его, причем они должны были переместиться позади фаланги, незаметно для врага. Узнав, что часть персов заняла выгодную позицию на одном из горных отрогов, оказавшись практически позади правого крыла македонян, Александр им в противовес направил отряд легковооруженных воинов. Опасаясь обхода с флангов, он послал вперед конные патрули и усилил правый фланг двумя отрядами. Персы на горном отроге, видимо, не собирались драться. Быстрый рейд македонян вынудил их отступить. Александр оставил три конные сотни для наблюдения за ними, отозвав остальных, которыми ранее укрепил правый фланг.

Македоняне:

1 – агриань; 2 – лучники; 3 – конная гвардия (гетайры); 4 – пэонская легкая конница; 5 – копейщики; 6 – щитоносцы; 7 – фаланга, Кен; 8 – фаланга, Пердикка; 9 – фаланга, Кратер; 10 – фаланга, Мелеагр; 11 – фаланга, Птолемей; 12 – фаланга, Аминта; 13 – критские лучники; 14 – фракийские метатели копий (дротиков); 15 – фессалийская конница; 16 – конница союзников; 17 – группа агриан; 18 – отряд легкой конницы; 19 – греческие наемники.

Персы:

а – кавалерия Набарзана; б – легкая пехота; в – лучники; г – греческие наемники; д – личная гвардия Дария; е – азиатские вассалы; ж – резерв.

Македонцы продолжали медленно продвигаться вперед. Почти на расстоянии досягаемости вражеской стрелы Александр остановил войско, ожидая нападения персов. Этого не произошло. Дарий занимал выгодные оборонительные позиции и не хотел их покидать. Дальнейшее промедление не имело смысла. Александр снова медленно повел армию вперед. Когда лучники уже могли поражать цель, поднялась туча стрел, «так, что они сталкивались в воздухе». Тогда, под звуки труб, Александр со своей гвардией пошел в атаку, пересек реку и рассеял персидских лучников. Это была на удивление удачная атака: на правом фланге успех был достигнут в первые минуты.

В центре дело обстояло не так хорошо. Сама по себе переправа оказалась для фаланги делом чрезвычайно трудным. Некоторое время ни одна из сторон не могла продвинуться. Потом, вследствие быстрого наступления Александра, на правом фланге образовался опасный разрыв. Греки на персидской службе не могли упустить такого случая. Построив свои силы клином, они атаковали македонян. Завязалась яростная схватка, в которой погибли Птолемей, сын Селевка, и еще около 120 македонян.

Между тем Александр, обойдя персов слева, ударил со своей конницей в тыл наемникам и царской личной гвардии. Теперь он и его люди хотели любой ценой пленить или убить Дария. Царь олицетворял собой центр возможного военного сопротивления в будущем. Если бы его не стало, дело персов оказалось бы почти безнадежным.

Увидев колесницу Дария, Александр со своими людьми бросился вперед, чтобы захватить ее. Брат Дария Оксатр, начальник придворной конницы, ринулся на защиту. Начался жестокий бой. Сам Александр был ранен в ногу (как утверждают, самим персидским царем). В этот момент возникла опасность, что лошади колесницы Дария понесут ее прямо на вражеских воинов. Дарий, забыв в этих обстоятельствах о церемониале, сам ухватился за поводья. Однако кто-то тут же нашел для него легкую колесницу. Царь, спасаясь от прямой опасности, пересел в нее и бежал с поля боя.

Центр и левый фланг Александра находились в это время в большой опасности, и ему оставалось лишь отсрочить преследование. Он построил свой правый фланг клином и атаковал наемников с фланга, заставив их отступить за реку с большими потерями. Когда кавалеристы Набарзана увидели разгром своего центра и узнали о бегстве царя, они повернули коней и последовали за ним. Отступление вскоре превратилось в бегство.

Как только опасность для фаланги и фессалийцев миновала, Александр со своими гвардейцами решил продолжить преследование персидского царя. Но Дарий уже оторвался примерно на полмили; к тому же дорога, которую он выбрал, была заполнена дезорганизованными остатками персидской армии. Преследователи углубились на территорию противника миль на двадцать пять, и, лишь когда стемнело,

Александр со своими людьми повернул назад. Дарий во время бегства вскоре оставил колесницу, пересев на коня, и вместе с колесницей бросил свои царские регалии, по которым его можно было узнать. Все они, вместе с его щитом и луком, достались Александру.

Он вернулся в свой лагерь около полуночи и только приступил к ужину, как услышал плач и причитания в одном из соседних шатров. Александр послал туда человека выяснить, что происходит. Оказалось, что один из евнухов Дария, увидев его колесницу и регалии, решил, что царь погиб, и теперь мать, жена и дети царя оплакивали своего повелителя. Александр поспешил их разуверить и утешить. Он также сообщил, что воюет с Дарием не из личной вражды, а «ради независимости Азии» и что их титулы, статус и положенное содержание родственников царя будут сохранены.

Победа при Иссе была великой, но не решающей. Александр избавился от опасности, получил долгожданную добычу, и его слава возросла. Но 10 000 греческих наемников отошли в боевом порядке, восточные провинции Персии не были затронуты войной, а главное – пока Дарий оставался у власти, войну нельзя было считать законченной.

Глава 7

К бессмертной славе

Дарий между тем продолжал свое бегство в полной темноте, по плохим горным дорогам, сопровождаемый лишь несколькими приближенными военачальниками, стараясь как можно больше оторваться от преследователей до рассвета. Утром он и его люди соединились с другими группами беглецов, в числе которых было тысячи четыре греческих наемников. С этими остатками армии Дарий повернул на восток, не останавливаясь, пока не пересек Евфрат и не достиг Вавилона.

Великий царь персов был очень напуган и ожидал, что Александр не сегодня завтра появится у ворот Вавилона, а остатки персидской армии были небоеспособны. Царь решил пойти дипломатическим путем. Беглый владыка Азии составил письмо к Александру с предложениями мира на очень выгодных условиях. Царю и в голову не пришло, что противник может их отвергнуть. Дарий еще не знал пределов честолюбия Александра.

Македоняне же впервые узнали, что собой представляет восточная роскошь. В лагере Дария им досталось столько добычи, сколько и во сне не снилось. Сам Александр мог презирать роскошь, но к его командирам и воинам это не относилось. Он же сказал им, что их небывалый воинский труд должен увенчаться властью над Азией.

Эта программа была весьма обширной. Тех, кто думал, что все сведется к погоне за Дарием, новому дележу награбленного и триумфальному возвращению домой, ожидало разочарование. Александр тщательно продумывал будущую стратегию.

Сокрушить мощь Персии можно было только вызвав Дария на новую битву, такую, для которой царю пришлось бы сосредоточить все силы, так что его поражение было бы окончательным. Поэтому Александр не спешил и решил заняться другими делами. Гордыня персидского царя должна была в свое время подтолкнуть того на новое столкновение. За это время он успеет оправиться после поражения и пополнить свои силы. Александра это вполне устраивало. Он тем временем без особых помех мог бы осуществить старый план – закрепиться на Финикийском побережье.

Уже через несколько дней после битвы при Иссе македонская армия направилась в Сирию. Марат сдался без борьбы; туда и прибыли послы персидского царя с его мирными предложениями. Царь предлагал Александру большой выкуп за возвращение жены, матери и детей, а в случае согласия подписать договор о дружбе и союзе с Персией Дарий уступал македонскому царю «все земли Азии к западу от реки Галис».

Письмо это поставило Александра в щекотливое положение. Дарий теперь предлагал ему все, что в свое время хотел бы получить Филипп. Однако амбиции Александра далеко превосходили эту скромную цель. Его теперь могло удовлетворить лишь низложение Дария и собственное воцарение в качестве владыки Азии и преемника династии Ахеменидов. Вот почему эти предложения Дария не могли быть приняты. Александр написал ответ, который начинался словами: «Царь Александр – Дарию». Но наиболее интересным был конец послания: «В будущем все твои послания ко мне да будут адресованы владыке Азии. Не пиши мне как равному. Все, чем ты владеешь, теперь мое, так что, если тебе что-то понадобится, извести меня в надлежащих выражениях, иначе я буду рассматривать тебя как преступника. Если ты хочешь бороться за свой трон, сражайся, а не беги прочь. Где бы ты ни укрылся, будь уверен, что я найду тебя». Посланец, отправленный с этим уничижительным письмом, получил жесткие указания не обсуждать

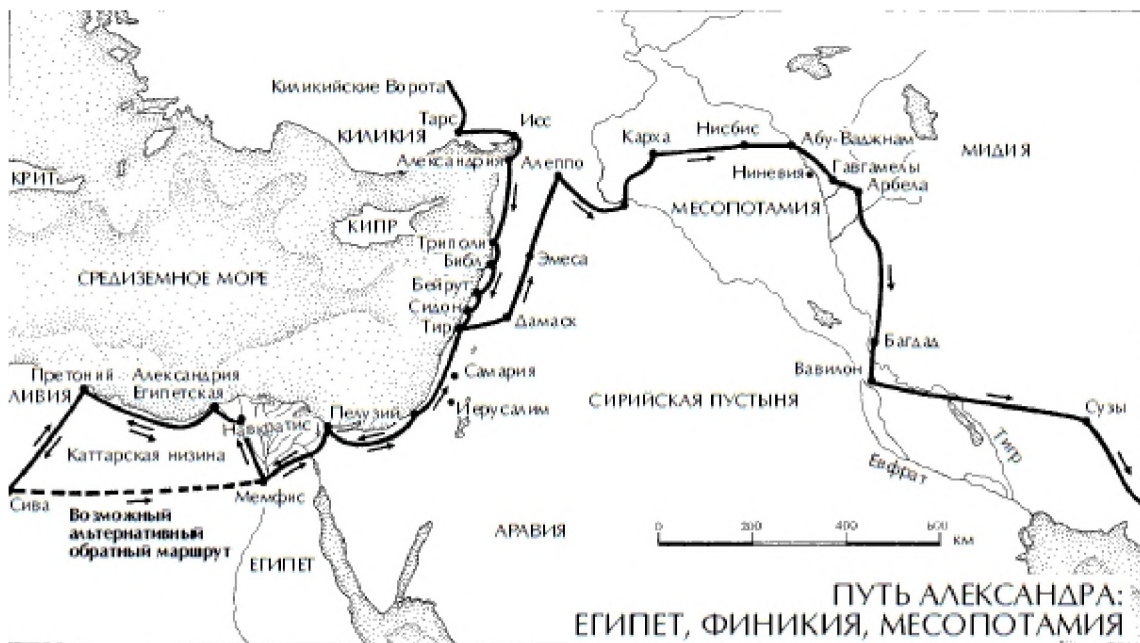

никаких вопросов, которые могут возникнуть.

Последняя угроза Александра была, скорее всего, нереальной, однако она могла вызвать Дария на дальнейшие военные акции, что, по замыслу Александра, способствовало бы падению противника. Но уже и то, что Дарий был готов отдать Малую Азию, показывало, какой удар нанесло ему поражение при Иссе, и создавало хороший залог для будущих переговоров.

Получив ответ Александра, Дарий тут же начал планировать новую кампанию. В восточных провинциях он располагал огромными людскими ресурсами, и ему нужно было только время, чтобы их мобилизовать. Кроме того, царь решил вернуться к старому плану Мемнона – попыткам перенести военные действия в Европу. Если, рассуждал он, отрезать армию Александра от Греции, овладеть Дарданеллами, добиться, чтобы греки подняли всеобщий мятеж против Антипатра, то македонянам не удержать своих позиций. Тогда удастся принудить Александра вывести войска и без нового большого сражения. Вот почему царь отдал приказ о возобновлении подрывных действий против македонян в Греции, на Эгейском море и в Малой Азии.

Как мы видели, коммуникационные пути Александра шли через Келены, и Дарий надеялся с помощью горских племен перерезать эти пути. А потеряв связь с Европой, Александр станет более сговорчивым. Но тут Дарий ошибался. Александр уже в Гордии принял решение, и Греция и Македония теперь были для него вовсе не так важны. А победа при Иссе только укрепила царя в его намерениях.

Поход на Тир

Парменион без затруднений доставил из Дамаска казну и вещи царя персов. В январе 332 г. до н. э. Александр продолжил свой поход. Библ сдался почти сразу. Македонское войско направилось вдоль морского побережья к крупному торговому центру Сидону. Жители этого города приветствовали Александра, как говорит Арриан, из ненависти к персам, однако, очевидно, решающую роль сыграло долготлетнее торговое соперничество с соседним Тиром.

Из Сидона войско Александра направилось к Тиру, наиболее богатому и могущественному портовому городу между Киликией и Египтом. Он располагался на скалистом острове в полумиле от берега под защитой мощных крепостных стен до 150 футов высотой. Когда войско дошло до города, навстречу Александру вышла группа послов, включая царского сына, с короной и заверениями в верности. Но гостеприимство это было обманчивым – они вовсе не собирались сдавать Тир Александру, но хотели сохранить его в качестве базы персидского финикийского флота.

Они хотели избежать неприятностей с помощью дипломатической любезности, но к компромиссу не были готовы. Если Александр окажется упрямым, пусть начинает осаду города. Они и раньше не раз переживали осады, а у македонян даже нет своего флота. Чем дольше они задержат Александра, тем больше будет времени у Дария на подготовку нового войска. Александр быстро понял, что за «готовностью к союзу» нет намерения подчиниться его власти. Он вежливо поблагодарил послов и заметил, что ему, как потомку Геракла, было бы очень приятно принести в городском храме жертву их богу Мелкарту.

Жители Тира знали, что это божество обычно отождествляется с Гераклом, и понимали, что Александр готов обратить это обстоятельство себе на руку, воспользовавшись к тому же празднествами в честь Мелкарта, которые посещало множество гостей. Чтобы не допустить Александра в город-крепость, послы сказали ему, что на материке, в старом Тире, есть храм ничуть не хуже. Не желает ли он совершить жертвоприношение там? Александр пришел в ярость и прогнал послов, осыпав их угрозами и бранью.

Вернувшись в Тир, послы посоветовали своим правителям дважды подумать, прежде чем выступать против такого опасного противника. Но те слишком полагались на свою естественную и рукотворную защиту. Пролив, отделявший город от суши, был около двадцати футов глубиной, а укрепления с отвесными стенами, возвышавшимися над морем, могли, как они считали, противостоять любым осадным машинам, тем более что у македонян не было флота. Тирцы решили противостоять македонянам, тем более что их карфагенские гости обещали им военную помощь. Александру предстояла, кажется, самая длительная и трудоемкая операция за всю его военную карьеру.

Начал он с разрушения старого Тира, чтобы построить дамбу. Особый отряд послали за бревнами со склонов Антиливана. К работам были привлечены не только воины Александра, но и все трудоспособные мужчины из окрестных городов и сел, как сообщают источники, «многие десятки тысяч человек».

Сначала тирцы не приняли эту затею всерьез, но быстрые успехи работ заставили их отнестись к ней по-другому. Эвакуировав часть женщин и детей, они стали строить новые метательные машины для обороны города и предприняли попытку разрушить дамбу Александра. Около восьмидесяти судов с лучниками и легкими катапультами подплыли с обеих сторон к строившейся дамбе и открыли перекрестный огонь по тем, кто там работал. Люди Александра понесли немалые потери.

В качестве контрмеры царь велел соорудить заслоны из кожи и парусины и установить две деревянные башни у конца дамбы. Однако, когда она достигла самой глубокой части пролива, работа застопорилась. Тонны камней сыпали в море без особого результата. Дерево же не удавалось подвозить в срок из-за нападений разбойников-бедуинов. К тому же тирцы воспользовались этим для проведения

успешного для них десанта.

Они загрузили старое грузовое судно дровами, политыми смолой, а к мачтам привязали котлы с горючим, вероятно нефтью. Едва подул попутный ветер, они с помощью двух быстроходных судов отбуксировали этот транспорт к дамбе. В последний момент оба буксира разошлись в стороны, а люди, находившиеся на судне, отошли к бортам и стали швырять в середину горящие факелы и прыгать за борт. Горящую баржу ветром понесло прямо к деревянным башням на насыпи, и башни загорелись. В это же время к дамбе подошли два буксира и стали обстреливать македонян, пытавшихся спастись из горящих башен.

В это время догорели веревки, закреплявшие котлы, и из котлов полилось пылающее горючее. Результат, вероятно, был подобен локальному взрыву на нефтеперегонном заводе. Обе башни запылали как факелы. К дамбе со всех сторон подплыли мелкие суда, следовавшие за буксирами. Высадившиеся десантники убивали рабочих, строивших дамбу, разрушали заграждения и поджигали осадные машины, которые уцелели при первом возгорании. Атака была проведена очень быстро; затем нападавшие удалились, оставив обгоревшие трупы и пылающую древесину.

После этой опустошительной вылазки Александр пришел к выводу, что без флота дело не обойдется. Найти корабли было не так трудно, как может показаться. Правители Библа и Арада (Арвада) после того, как их города были заняты македонянами, вывели корабли из состава персидского флота и отплыли в Сидон. Десять судов прибыли с Родоса (прежде это был персидский оплот), еще десять из Ликии и три – из Сол. Вместе с сидонской флотилией у Александра оказалось 103 корабля. Дня через два прибыли правители Кипра с флотом не менее чем в 120 кораблей. Переход в таких масштабах на сторону Александра означал, что персидский флот очень скоро перестанет быть реальной силой.

У Александра были основания радоваться: всего за две недели он овладел флотом вдвое более могущественным, чем тирский. Да и ситуация в Греции и Ионии, кажется, наконец улучшилась. Он сразу вызвал новых механиков, кипрских и финикийских, и они стали строить осадную технику для перевозки на баржах и других транспортных судах. Тем временем сам Александр с экспедицией отправился в Ливанские горы, чтобы разделаться с разбойниками из местных племен, угрожавшими поставкам древесины для его войска.

К концу этого периода флот уже был готов к боевым действиям. При виде огромной македонской армады тирская флотилия повернула в свой порт. Флот Александра на полной скорости стал двигаться ко входу в Северную гавань, чтобы достичь ее раньше тирской флотилии. Начались гонки. На тирских кораблях находилась лучшая часть войска тирцев, и если бы македонянам удалось войти в гавань раньше противника, то у них был бы шанс быстро взять город. Тирцам удалось сделать это немного раньше головных кораблей флота Александра. Три тирских корабля, оставленные прикрывать отступление, были потоплены, но тем временем вход в гавань был блокирован тирцами. Тот же прием повторился в Египетской гавани на юго-востоке острова.

После этих неудачных попыток Александр поставил флот на якорь у дамбы. На следующее утро он отправил кипрскую и финикийскую флотилии блокировать входы в обе гавани. Таким образом весь тирский флот был заблокирован, и Александр стал хозяином на море. Теперь, под защитой флота, он мог свободно заняться строительством дамбы. Но кажется, Нептун был на стороне Тира. С северо-запада налетела буря, которая помешала дальнейшему строительству и нанесла урон уже построенному. Однако Александр продолжал борьбу. Множество стволов огромных ливанских кедров были пригнаны по воде к дамбе со стороны, откуда дул ветер, и приняли на себя основные удары волн. Когда шторм утих, дамбу укрепили стволами этих деревьев. Урон вскоре был восполнен, и люди Александра, после упорных трудов, наконец довели дамбу до расстояния полета стрелы от крепости.

На конце дамбы были размещены метальщики, лучники и легкие катапульты, и начался массированный обстрел неприятельских укреплений. Одновременно началась атака с моря. Инженеры Александра построили много стенобитных машин, которые были укреплены на больших платформах, каждая из них поддерживалась двумя баржами. На таких же плавучих платформах установлены были тяжелые катапульты, защищенные от ударов с воздуха. Эти суда, сопровождаемые обычными кораблями, окружили остров со всех сторон, образовав правильный круг. Начался ожесточенный штурм крепости.

Тирцы оборонялись как могли. Они сооружали заслоны из кожи и других материалов, чтобы уменьшить ударную силу каменных ядер, строили деревянные башни на крепостных стенах, помещая внутри них лучников, стрелявших горящими стрелами по неприятельским судам, старались как можно быстрее заделать бреши, пробитые стенобитными машинами, а поскольку это не удавалось, соорудить внутренние защитные стены. Укрепления напротив дамбы держались по-прежнему, и Александр решил предпринять ночную атаку с моря. Но снова Тир спасла непогода. Поднялась буря, и огромные волны разрушили часть плавучих платформ македонян. Александру пришлось отменить операцию.

Тирцы получили передышку и воспользовались ею, чтобы затопить у стен большое количество крупных камней, что имело целью держать на расстоянии плавучие стенобитные машины противника. И все же они понимали, что насыпь Александра, очевидно, очень скоро достигнет острова. Поэтому тирцы создавали много приспособлений для ближнего боя на случай штурма, таких как балки, которые можно было метать с помощью ворота, особые крючья, с помощью которых можно было бы вытаскивать осаждающих из осадных башен, устройства, извергающие расплавленный металл, сети, чтобы опутывать людей, которые будут карабкаться по лестницам-мостам, и так далее. Их спешка во многом объяснялась скверными новостями, принесенными посольством из Карфагена. Карфагеняне, находившиеся в крепости, разумеется, посылали домой все более безрадостные донесения о положении Тира. Их правители явно не хотели бы втягивать Карфаген в долгую и дорогостоящую войну. Они вдруг вспомнили, что у них и на родине хватает трудностей, а потому они хотя и очень сожалеют, но не могут прислать подкрепления в Тир.

Александр тем временем предпринимал попытки очистить море от камней, затопленных тирцами под стенами крепости. Для такой работы требовались стабильно стоящие на якоре суда с хорошими грузоподъемными устройствами. Между тем тирские ныряльщики перерезали канаты, и македонянам пришлось заменить канаты якорными цепями. После этого работа по расчистке пошла успешно. По ее окончании снова можно было подвести осадные суда под крепостные стены. Примерно в то же время, после трудов, которыми мог бы гордиться сам Геракл, дамба, наконец, достигла Тира. Александр выполнил обещание соединить Тир с материком. Теперь он предпринял новую попытку штурма, с применением высоких осадных башен.

Тирцы, ждавшие этого момента, снова оказали ожесточенное сопротивление. Среди средств обороны было одно очень простое, но страшное для врагов, действие которого можно уподобить действию напалма. В больших котлах накаляли докрасна песок и мелкие камешки, которые потом обрушивали на штурмующих воинов. Македоняне вынуждены были отступить. Шесть месяцев Александр пытался овладеть Тиром, но пока безуспешно. Между тем Дарий день за днем собирал и обучал новую армию. Неся большие потери, Александр продолжал начатое дело потому, что уже перешел рубеж, после которого возвращение назад было невозможно. Отказ от того, что он начал, обошелся бы дороже продолжения усилий.

28 июля Александр перевел свои основные силы на юго-восточную сторону Тира. Благодаря усиленным бомбардировкам с помощью метательных машин удалось сокрушить часть стены и сделать гораздо менее прочной остальную ее часть. Александр тотчас приказал навести осадные мосты и начать штурм. Он был отбит тирцами посредством усиленного прицельного обстрела македонян; однако царь уже

знал наверняка, что нашел уязвимое место противника.

Александр дал двухдневный отдых своим людям перед последним штурмом. Море опять начало волноваться, но на третью ночь ветер улегся. На рассвете Александр приказал снова начать сокрушительную бомбардировку стены. Когда была разрушена ее значительная часть, он отвел от острова свои трудноуправляемые баржи с катапультами и подвел два специальных штурмовых судна с воинами, готовыми к атаке. В то же время кипрская и финикийская флотилии начали атаку на обе гавани, и тучи македонских кораблей с лучниками и боеприпасами окружили остров. Осадные суда заняли нужную позицию, и множество македонских воинов по специальным лестницам бросились штурмовать стены. Завязалась рукопашная. В это время раздались радостные крики с моря. Кипрская и финикийская флотилии ворвались в гавани. Тирские воины, находившиеся на стенах, боясь нападения с тыла, стали отступать к центру города, сооружая баррикады на узких улочках.

Когда последнее организованное сопротивление было сломлено, в город ворвались ветераны Александра, взбешенные долгой тяжелой битвой за город, одержимые жестокостью, и устроили кровавую охоту за людьми. Некоторые жители запирались в домах, совершая самоубийства. Александр приказал не щадить никого, кроме тех, кто находил убежище в храмах, и его приказы выполнялись с жестоким удовольствием. Во время этой оргии насилия погибло около 7000 жителей, и жертв было бы еще больше, если бы не сидонцы, которые вошли в город вместе с воинами Александра. Несмотря на вековое соперничество Тира и Сидона, они ужаснулись увиденному и сумели вывести в безопасные места до 15 000 тирцев.

Тирский царь Азимилик вместе со знатью и карфагенскими послами укрылись в храме Мелкарта, и Александр пощадил их. Остальные жители, около 30 000 человек, были проданы в рабство. Около двух тысяч воинов было распято. После этого Александр вошел в храм и совершил, наконец, свое жертвоприношение. Эта была наиболее кровавая жертва из полученных Мелкартом.

Дамбу же, сооруженную Александром, после окончания сражений постепенно засыпало песком прибрежных дюн, и благодаря этому Тир оказался еще прочнее связан с материком. С каждым столетием полуостров расширялся. Основа этого удивительного сооружения сохранилась и теперь, покрытая асфальтом и бетоном, как осязтимое и вечное наследие, оставленное потомству его создателем.

Между тем царь Дарий мало что успел сделать для собирания новой армии, предпочтя сделать ставку на кампанию на Эгейском море и в Малой Азии. Там были задействованы его основные военные силы. Но к лету 332 г. до н. э., как раз перед тем, как Александр взял Тир, он вынужден был признать, что усилия, затраченные на эту кампанию, себя не оправдали. Он снова решил обратиться к Александру, предложив ему еще более выгодные условия перемирия. Территориальные уступки оставались прежними, но выкуп, который Дарий предлагал за свою семью, удвоился, достигнув двадцати тысяч талантов, а кроме того, царь предлагал ему руку одной из своих дочерей, Статиры. В письме царь также дал понять Александру, что персидская империя весьма обширна, и рано или поздно небольшой македонской армии придется вступить в область степей, где она станет куда более уязвимой.

Александр, прочно обосновавшийся в Тире, отверг эти новые предложения. Он ответил персидским послам, что Дарий предлагает ему в жены женщину, на которой он, Александр, и так может жениться, когда пожелает, и приданое, которое он уже и так получил. Ему не имело смысла идти в заморский поход, чтобы получить всего лишь Лидию или Киликию. Александр повторил, что, если Дарий хочет удержать власть, он должен сражаться за нее, так как македоняне найдут его в любом убежище. Получив этот ответ, Дарий оставил попытки дипломатического урегулирования и начал вплотную готовиться к новой войне.

Газа

Александр продолжил поход на юг. После известия о падении Тира все города на побережье на пути в Египет заявили о капитуляции, кроме Газы. Это была крепость на краю пустыни, окруженная дюнами. До сих пор ее удалось взять штурмом только персидскому царю Камбизу около двух столетий назад. Александру удалось то же самое, правда, после трудного боя, во время которого сам он был ранен.

После этого царь послал в Пеллу Аминту, сына Андромена, с десятью кораблями за пополнением. На месте можно было найти и добровольцев, и наемников, но основу македонской армии всегда составляла фаланга, а в ней эффективно служить могли только македоняне.

Из Газы Александр направился в дельту Нила, пройдя 130 миль до Пелузия менее чем за неделю. Как и прежде, он послал вперед флот, и его военные моряки приветствовали Александра по прибытии, вместе со множеством египтян, для которых он действительно был освободителем.

Персидское правление было тягостным игом для египтян с 525 г. до н. э., когда Египет был завоеван безумным Камбизом. Персы тем более жестоко обращались с этой провинцией, что они (как позднее римляне) рассматривали ее просто как большую даровую житницу.

Поэтому обстановка здесь была благоприятной для Александра. Ему стоило просто с пониманием отнестись к религиозным чувствам местных жителей, а еще лучше – поучаствовать в каком-нибудь ритуале, символизировавшем передачу власти, и он уже мог рассчитывать на восторженную поддержку населения. В действительности царь получил больше того, на что рассчитывал. То, что было задумано как дипломатический и политический ход, на деле обернулось важным духовным опытом. Не будет преувеличением утверждать, что время пребывания Александра в Египте (октябрь 332-го – апрель 331 г. до н. э.) в психологическом отношении явилось для него поворотным пунктом.

Из Пелузия македонское войско и флот направились вверх по Нилу, в Мемфис. Персидский гарнизон не оказал сопротивления, а сатрап Мазакес встретил Александра, преподнеся ему «800 талантов и все царские регалии». Благодаря этой услуге перс занял административный пост при новом режиме.

Но в Мемфисе Александра ждал новый приятный сюрприз. Персидские цари, свергшие местную династию, по праву завоевателей автоматически считались фараонами Египта. Александр же, победивший Дария, для египетских жрецов превратился в их законного правителя. Поэтому 14 ноября 332 г. до н. э. молодой царь Македонии был торжественно провозглашен фараоном Египта. Нетрудно представить себе, какое впечатление это произвело на самого Александра. Здесь наконец получила должное подтверждение вера Олимпиады в его божественное происхождение.

Слишком большой успех небезопасен – власть порождает особый вид одиночества. Есть основания утверждать, что после битвы при Иссе Александр стал терять контакт со своими македонскими соратниками, а после приобретения подобной сверхчеловеческой харизмы этот процесс, очевидно, еще усилился. Его собственные свершения уже могли соперничать со свершениями Геракла. И тут, среди древнего великолепия египетской культуры, которая, очевидно, вызывала у эллинов своего рода благоговейный трепет, Александр узнает, что он поистине бог и сын бога. Греческая традиция явно различает эти два понятия, египетская же – нет. Для Александра все это имело важные последствия.

В качестве фараона он решил подчеркнуть контраст между собственным правлением и правлением персидского предшественника. В январе 331 г. до н. э., перед уходом из Мемфиса, Александр велел восстановить два храма, карнакский и луксорский (оба, по всей вероятности, были разрушены Камбизом).

Затем он отплыл вниз по Нилу, имея своей целью Навкратис, международный греческий порт,

представлявший потенциальную ценность как центр торговли. Уничтожив Тир, царь хотел бы перевести основной путь выгодной восточномедиземноморской торговли из Финикии в Египет. Навкратис, возможно из-за своего изолированного расположения, не произвел должного впечатления на Александра. Достигнув побережья, он нашел лучшее место между Мареотидским озером и морем, напротив острова Фарос.

Гавань была довольно глубокой и хорошо защищенной. Подходы с суши могли быть легко заблокированы в случае вторжения врага. Преобладание прохладных ветров создавало благоприятный климат даже в разгар лета. После осмотра этого места Александру приснился вещий сон, в котором некий мудрец декламировал Гомера, намекая на Фарос. Македонский фараон Египта решил основать здесь город – Александрию Египетскую, наиболее известное из основанных им поселений своего имени.

В это самое время Александр выразил желание попросить совета у оракула Зевса-Амона в оазисе Сива. Если учесть, что оазис находился примерно в 300 милях и отделяла его от дельты Нила раскаленная Ливийская пустыня, у царя должны были быть достаточно серьезные причины для такого путешествия. Александр не стал бы тратить около полутора месяцев на пустой каприз. Известно также, что он обращался к оракулам и прежде – накануне значительных событий (так было в Дельфах и в Гордии). И снова он надеялся заглянуть в будущее.

Александр достиг оазиса Сива в конце февраля. Когда он, получив ответ оракула, вышел к своим приближенным, жаждавшим узнать, что он услышал, он ответил только, что «узнал то, чего желало его сердце». В письме к матери, написанном вскоре, Александр заверил ее, что узнал некую тайну, которую поведаст ей одной по возвращении. Так как при жизни он больше не побывал в Македонии, то унес эту тайну в могилу. Однако думается, что не стоит пренебрегать в этом случае традиционными ответами. Так как уже было известно о статусе Александра как сына бога, оракулы стремились подтвердить это. Если Амон и не прямо обещал македонскому царю власть над Персидской империей, то, по крайней мере, ему было сказано, каким богам следует принести жертвы, когда он станет владыкой Азии. Очевидно, была одобрена идея основания Александрии на выбранном месте. Ясно одно: услышанное в оазисе Амона Александр воспринял как откровение, и это повлияло на его дальнейшую судьбу.

Ко времени своего возвращения Александр уже выработал план строительства нового города. Он должен был находиться на перешейке, в форме, символически соответствующей виду македонского воинского плаща. Архитектор Деинохар уговаривал Александра принять «решетчатую» систему, с большим центральным проспектом, идущим с востока на запад, пересекаемым под прямым углом многочисленными улицами. Но у царя были и свои идеи относительно расположения внешних укреплений, центрального рынка, а также различных храмов, включая святилища египетских божеств Исиды и Сераписа. Официальная закладка города состоялась 7 апреля. После закладки первых камней Александр оставил строительную площадку и снова отплыл в Мемфис.

Там, среди многих ожидавших его послов, были и послы из Милета, сообщившие замечательные новости, касавшиеся местного оракула Аполлона. Оракул в Дидимском святилище ни разу не пророчествовал со времени Греко-персидских войн. Высох даже священный ручей. Однако после прихода Александра, как утверждали послы, произошло чудо: ручей снова потек, а оракул стал пророчествовать. Так как милетяне хотели загладить свою вину за поддержку персидского сатрапа во время эгейской кампании, царь, вероятно, воспринял все это не без скепсиса. Однако в пропагандистских целях все это было очень полезно. Сообщение же оракула, привезенное послами, не могло не быть приятным. Аполлон подтверждал происхождение Александра от Зевса, предсказывал великие победы в будущем и не видел опасности в мятежных намерениях спартанского царя Агиса.

С этого времени Александр начал более мягко относиться к послам из Эллады. Успехи, как и то, что он узнал в оазисе Амона, сделали его более снисходительным. Но трудно представить себе, чтобы Александру

была безразлична возможность мятежей в Греции. Все, что могло предотвратить там всеобщую смуту, следовало использовать.

Новая политика

Пребывание в Египте закончилось к середине апреля. Передав дела египетской администрации, которая в значительной мере и теперь состояла из египтян, Александр отбыл в Тир, где его ожидал флот, а также афинские, хиосские и родосские послы. Афиняне обратились с повторной просьбой (в первый раз они получили отказ) отпустить своих соотечественников, захваченных при Гранике. На этот раз царь ответил согласием. Хиосцы и родосцы жаловались на действия македонских гарнизонов. Проведя дознание, Александр удовлетворил их жалобы.

Новая политика умиротворения была политически прозорливой, но она также во многом диктовалась тревожной ситуацией в самой Греции. Зимой спартанский царь Агис с братом Агесилаем захватили большую часть Крита. Перед тем как покинуть Египет, Александр послал часть флота во главе с Амфотером, чтобы «освободить» остров и очистить море от пиратов (под последними имелись в виду и спартанские военные корабли). Однако в Тире Александр узнал, что Агис начал открытый мятеж. Собрав большое наемное войско, он призвал другие греческие полисы присоединиться к нему. Однако значительное число их проявило нерешительность или даже враждебность.

Александр действовал исходя из этой ситуации. Около сотни кипрских и финикийских кораблей были отправлены на Крит, чтобы соединиться с кораблями Амфотера. Этот флот, войдя в пелопоннесские воды, должен был, насколько возможно, выполнить задачу объединения всех антиспартанских сил. Ходили также слухи о мятеже во Фракии. Но Александр не имел времени и других резервов, чтобы сейчас заниматься Грецией. Теперь это стало делом Антипатра.

В начале лета 331 г. до н. э. Александр со своей армией отправился на северо-восток через Сирию и к 10 июля достиг Тапсака (Фапсака) на Евфрате.

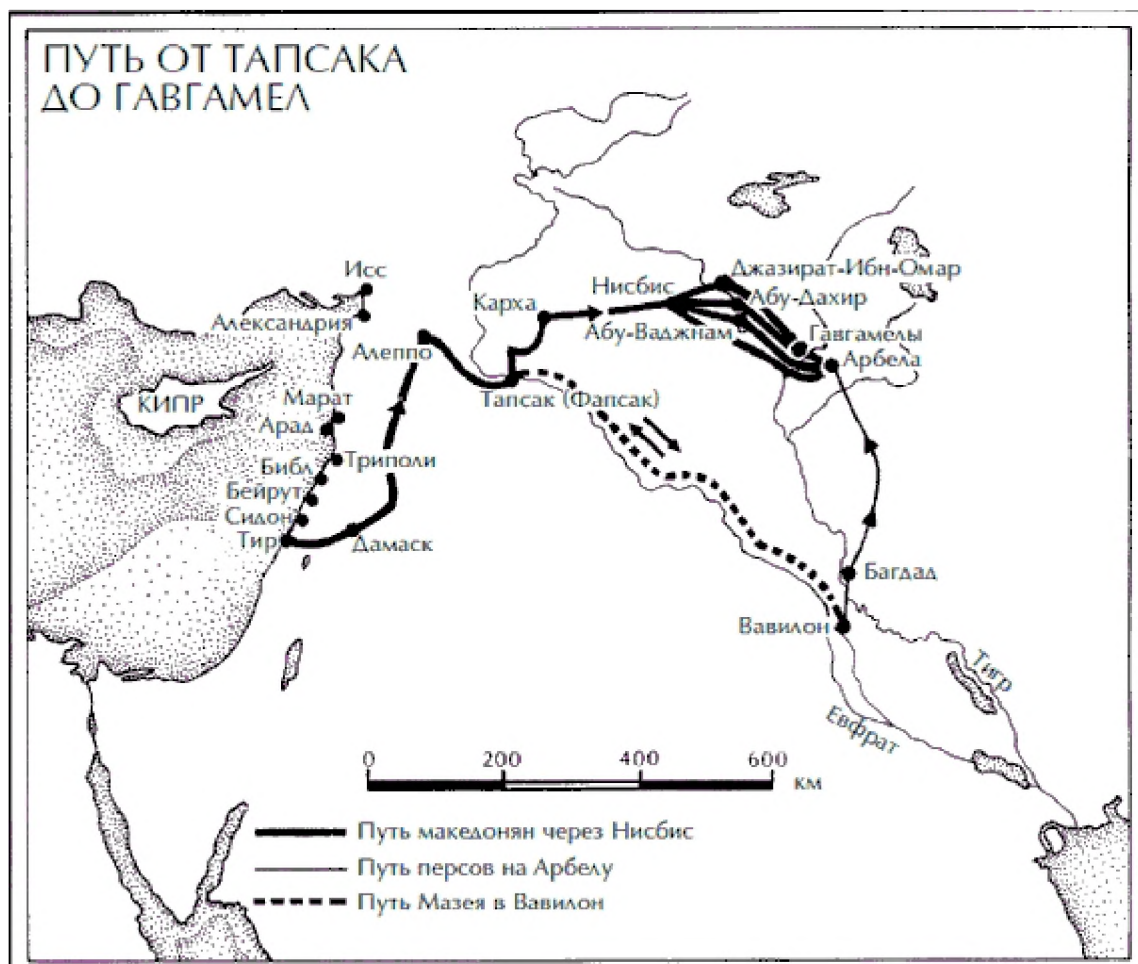
Дарий хорошо понимал, что следующей целью Александра должен быть Вавилон. Этот великий город на нижнем Евфрате был экономическим центром империи и стратегической базой для защиты Суз, Персеполиса и восточных провинций. Персидский царь не сомневался, каким будет путь противника. Александр старается действовать быстро, экономя время, а потому он должен выбрать путь вдоль берега Евфрата, как некогда поступил и Кир во время рокового сражения при Кунаксе.

Есть все основания полагать, что Дарий изучал опыт той битвы и надеялся повторить его. Равнина возле Кунаксы, в 60 милях к северо-западу от Вавилона, прекрасное место для кавалерийских маневров, а у персидского царя теперь было в распоряжении 34 000 человек конницы. Между тем, по его расчетам, люди Александра достигнут этой равнины, будучи сильно утомленными после похода во время летней жары. Если к этому добавить тактику выжженной земли персидского военачальника Мазея, то македоняне, по плану Дария, могли стать легкой добычей для свежих, хорошо вооруженных военных сил Персии, имевших также численное превосходство.

Но Александр, почти наизусть знавший «Анабасис»^[8], был не тем человеком, которого можно заманить в подобную ловушку. К тому же узкая долина Евфрата едва ли могла бы прокормить его войско, даже и без операций Мазея. Поэтому, соорудив два понтонных моста через Евфрат, македонское войско, вопреки ожиданиям персов, направилось на северо-восток. Мазей в ужасе узнал об этом, после чего проскакал 440 миль до Вавилона, чтобы принести Дарию эту неприятную весть.

Дарию пришлось срочно менять тактику, и он решил задержать Александра при переходе через Тигр. Это было рискованно, ведь никто не знал точно, какой именно брод выберет противник. Ближайший к Вавилону брод в Мосуле находился примерно на одинаковом расстоянии от Вавилона и от Тапсака (соответственно 356 и 371 миль), но, идя с севера (как Александр), это расстояние можно было покрыть

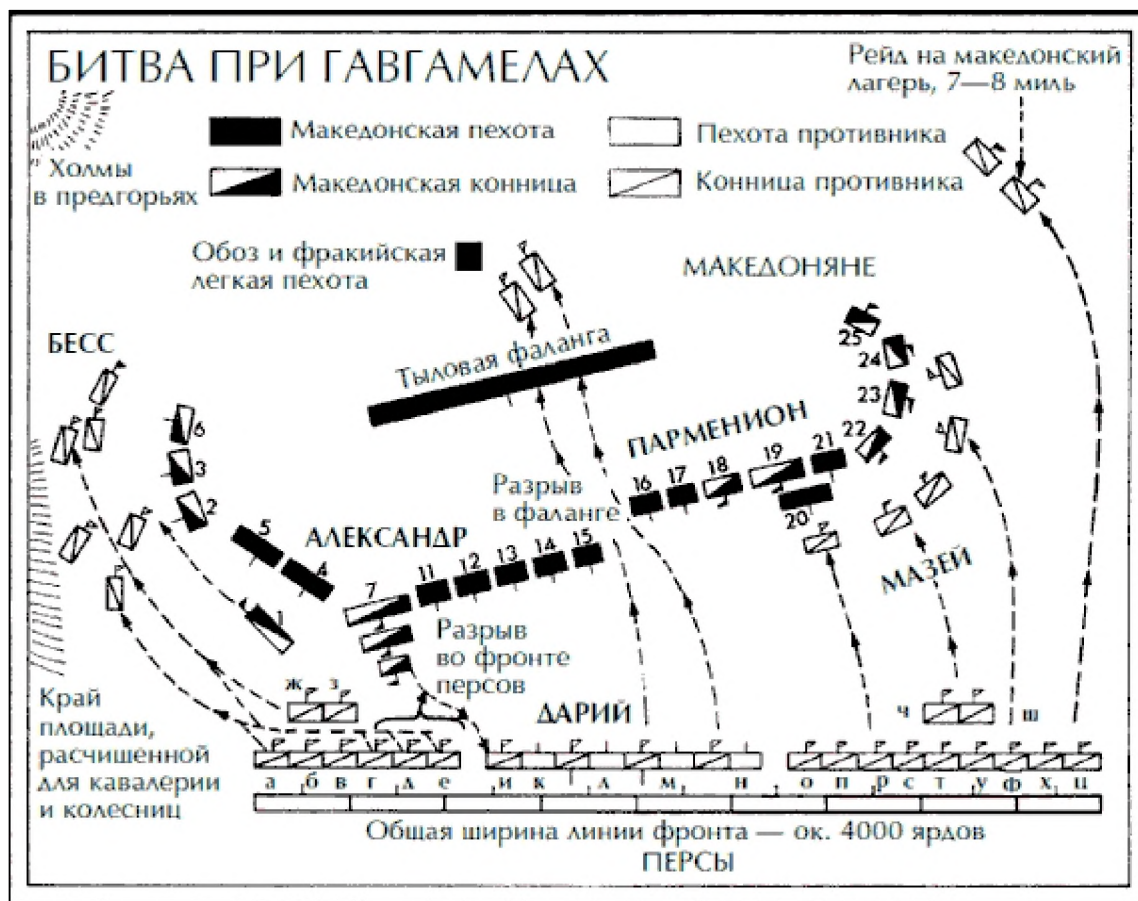
быстрее. Самый дальний от Вавилона брод (422 мили) был самым ближним к Тапсаку (308 миль). Похоже, что Дарий полностью сосредоточился на Мосульском броде. Имея многочисленное, маломобильное войско, он мог надеяться достичь только этого места прежде Александра, и то при благоприятном стечении обстоятельств. Все зависело от координации действий между Мазеем и верховным командованием. Надо было, чтобы имперская армия в срок достигла Арбелы, и Александр бы ничего не узнал об этом маневре.

Достигнув Арбелы, персидский царь стал готовиться к маршу на Мосул. Между тем Александру посчастливилось захватить разведчиков Дария. Во время допросов они не только открыли военные планы персов, но и сообщили ценные подробности о величине и составе персидской армии. Другой вопрос – как от неся Александр к этой информации, насколько ей поверил. Если прежде македоняне и направлялись к Мосульскому броду, то теперь они изменили направление и двинулись к Абу-Ваджнаму, примерно в сорока милях к северу.

Македоняне достигли своей цели к 18 сентября, не встречая сопротивления. Несколько напуганных разведчиков принесли эту новость персидскому царю, и ему снова пришлось менять план. Его армию и армию Александра больше не разделял Тигр. Их разделяли всего пятьдесят с лишним миль. Надо было найти еще одну равнину, удобную для использования кавалерии и колесниц, чтобы начать битву. Разведчики нашли подходящее место у селения Гавгамелы. Осмотрев равнину, Дарий приказал расчистить ее от деревьев, камней и прочего, чтобы выровнять местность. Что он забыл сделать (и это ему дорого обошлось), так это занять холмы в трех милях к северо-западу. С этих высот потом разведка Александра наблюдала перемещения и расположение персов.

Вскоре после переправы у македонян произошла стычка с конным отрядом Мазея, причем конники-пэоны обратили персов в бегство, а начальник пэонов Аристон убил и обезглавил персидского военачальника и «поверг его голову к стопам царя». Македоняне получили сорокавосемичасовую передышку. А 24 сентября снова появилась конница Мазея, что могло означать и прибытие всей персидской армии. Конный рейд во главе с царем увенчался захватом двух пленников. Они сообщили, что Дарий в Гавгамелах, а расчистка территории означает, что он не собирается оттуда уходить далеко.

Македоняне:

правый фланг: 1 – конница наемников, Меридас; 2 – копейщики, Арет; 3 – конница пэонов, Аристон; 4 – половина агриан, Аттал; 5 – половина македонских лучников, Брисон; 6 – ветераны-наемники, Клеандр; 7 – конная гвардия, Филот; 8 – метальщики дротиков, Балакр; 9 – вторая половина македонских лучников; 10 – вторая половина агриан; 11 – щитоносцы, Никанор; 12 – фаланга, Кен; 13 – фаланга, Пердикка; 14 – фаланга, Мелеагр; 15 – фаланга, Полипехрон;

левый фланг: 16 – фаланга, Симмис; 17 – фаланга, Кратер; 18 – кавалерия союзников, Эригий; 19 – фессалийская конница, Филипп; 20 – критские лучники, Клеарх; 21 – ахейская наемная пехота; 22 – греческая наемная конница, Андромах; 23 – фракийская конница, Ситалк; 24 – конница союзников, Керан; 25 – одрисийская конница, Агафон.

Персы:

левый фланг: а – бактрийская кавалерия; б – дакская конница; в – арахозийская конница; г – персидская кавалерия; д – сузская конница; е – кадусийская конница; ж – бактрийская кавалерия; з –

скифская конница;

центр: *и* – карианская конница; *к* – греческие наемники; *л* – персидская пехотная гвардия; *м* – индийская кавалерия; *н* – мардийские лучники;

правый фланг: *о* – сирийская конница; *п* – месопотамская кавалерия; *р* – мидийская конница; *с* – парфянская конница; *т* – сакская конница; *у* – тапурская конница; *ф* – гирканская конница; *х* – албанская конница; *ц* – саксинийская конница; *ч* – каппадокийская конница; *ш* – армянская конница.

Поэтому Александр резонно дал своим войскам еще четыре дня отдыха, по 28 сентября. В то время стояла страшная жара, и люди должны были хорошо отдохнуть перед битвой. В это время были захвачены и обезврежены шпионы Дария, пытавшиеся предложить македонянам большое вознаграждение в случае, если они убьют или предадут Александра. Кроме того, македоняне укрепили свой лагерь.

И в третий, последний раз Дарий пошел на переговоры с Александром. На этот раз он предлагал много больше – все земли к западу от Евфрата, 30 000 талантов выкупа за свою семью, женитьбу на одной из своих дочерей и еще – оставить своего сына Оха постоянным заложником. Александр вынес эти предложения на военный совет, хотя в его решении никто не сомневался.

«Если бы я был Александром, я бы принял эти предложения», – заявил Парменион.

«И я бы их принял, – ответил Александр, – если бы был Парменионом».

Александр еще сам не видел нового войска Дария и относился, очевидно, скептически к тому, что слышал о нем. Он считал, что оно не многочисленнее и не эффективнее той армии, которую он сокрушил в битве при Иссе. Его собственная армия насчитывала около 47 000 человек.

На рассвете 29 сентября Александр, обогнув холмы перед Гавгамелами, впервые увидел расположение сил противника и был поражен увиденным. Войско Дария состояло из кавалерии, притом тяжеловооруженной, и этих сил у персов было раз в пять больше, чем у македонян. Очевидно, персидский царь, не надеясь иметь хорошую пехоту, предпочел сделать конницу единственной ударной силой. Изменилось также, по сравнению с прежним временем, и расположение войск. Дарий решил не дать македонянам возможность повторить победоносную тактику времен Исса и Граника. Слева были расположены значительные силы бактрийско-скифской кавалерии и половина боевых колесниц.

Большую часть дня 29 сентября Александр посвятил внимательному изучению будущего поля битвы и расположения персидских частей. Затем он, подобно своему любимому герою Ахиллу (хотя и по другим причинам), удалился в свой шатер. Пока воины ели и спали, Александр сидел несколько часов и продумывал, отвергая один за другим, разные тактические решения. Выработав окончательный план, царь заснул глубоким сном.

На рассвете Александр еще не проснулся. Старшие командиры по собственной инициативе объявили подъем и завтрак, но Александр продолжал спать, пока его не разбудил Парменион. Пора было готовиться к битве, и только царь знал, какие отдавать приказы.

Когда Парменион выразил удивление по поводу столь долгого сна Александра, тот ответил, что он тревожился, пока Дарий выжигал землю, стирал с лица земли деревни, уничтожал продовольствие. Теперь же персидский царь готовится к решающей битве, а это именно то, чего и хотел Александр.

Между тем у Дария было 34 000 конников против семи с лишним тысяч у Александра. Его войско вполне можно было обойти с флангов, и он знал это. Здесь не было ни моря, ни гор, как во время предыдущих сражений. Сохранив прежний план в целом, Александр позаботился об укреплении флангов и тыла, а также о том, чтобы его боевое построение выглядело слабее, чем это было в действительности. На

правом фланге он расположил значительные силы наемников, замаскировав их конными частями. Оба фланга он расположил под углом 45° по отношению к основной линии. Кроме того, он использовал для прикрытия тыла пехоту союзников и остальных греческих наемников.

Поистине Александр превратил нужду в добродетель. Благодаря своей гениальной интуиции он создал план тактики, которая много веков спустя была использована лордом Мальборо при Бленхейме и Наполеоном при Аустерлице, но никем до македонского царя. Чтобы уменьшить значение численного превосходства противника и создать брешь для своего решающего удара, Александр решил отвлечь из центра побольше персидской кавалерии, спровоцировав столкновение на флангах, чтобы потом нанести удар по ослабленному центру противника.

Итак, утром 30 сентября 331 г. до н. э. персидская и македонская армии стали медленно сближаться, чтобы начать сражение, которое, как выяснилось, дало Александру возможность «получить всю персидскую территорию от Евфрата до Гиндукуша», став шедевром его военного искусства. Македонское войско двигалось вперед, растянув левый фланг, чтобы вовлечь в преждевременное столкновение на правом фланге персидские части Мазея. Между тем войска персов на левом фланге, под командованием Бесса, сатрапа Бактрии, обошли Александра с фланга, так что он сам и его конная гвардия гетайров оказались почти напротив командного пункта Дария в центре.

Ни одной из сторон не хотелось первой затеять бой. Но кто-то должен был начать, и это сделал Дарий. Обеспокоенный опасным смещением своего войска к неочищенной пересеченной местности, он приказал Бессу начать фланговую атаку против продвигавшегося вперед правого крыла македонян. Александр ожидал этого и продолжал свою наступательную операцию. Чтобы противостоять ему, Бесс вовлек в столкновение новые силы, надеясь, очевидно, окружить Александра и, видимо, ничего не зная про 6700 наемников, находившихся в резерве позади македонской конницы. Наступил момент, когда конница Александра, около 1100 человек, сдерживала десятикратно превосходящую персидскую кавалерию.

Между тем Дарий, чтобы поддержать своих, начал атаку боевых колесниц, к осям которых были приделаны длинные серпы. Однако они оказались практически бесполезными. Легковооруженные воины Александра вызвали панику, убивая лошадей дротиками и обстреливая возничих из луков. Фаланга расступилась, пропустив колесницы, которые, вместе с уцелевшими людьми, были захвачены конюхами Александра.

Теперь почти вся персидская кавалерия была вовлечена в сражение. Парменион ожесточенно оборонялся от конницы Мазея, а сам Александр бросил в бой последние конные резервы. В этот критический момент Александр заметил, что ряды противника поредели и образовался разрыв с левой стороны персидского центра. Начинать следовало теперь или никогда. Построив имеющиеся у него силы огромным клином, Александр пошел в атаку. За две-три минуты изменился характер боя. Бесс, все еще занятый правым флангом македонян, вдруг обнаружил, что, в результате контрнаступления Александра и его гвардии, он сам оказался отрезанным от Дария и потерял с ним связь. Боясь, что македоняне могут ударить в тыл, Бесс приказал своим людям отступать.

Тем временем Дарий, теснимый конницей и пехотой Александра, боясь, что попадет в окружение, обратился в бегство так же, как во время Исской битвы. В этот раз он едва успел ускользнуть и понесся по равнине по направлению к Арбеле. Увидев это, Мазей тут же прекратил изнурительную борьбу с Парменионом. Бессу и его людям удалось отступить в относительном порядке. Персидский фронт быстро распался.

Однако и на этот раз Александру не удалось ни убить, ни пленить Дария. Пока Парменион захватывал персидский обоз со слонами и верблюдами, македонский царь попытался догнать Дария и его людей. С

наступлением темноты Александр дал своим людям и лошадям передышку, возобновив погоню в полночь. Македонский отряд, проскакав более семидесяти миль, достиг Арбелы на рассвете, но Дария там уже не было. Он снова покинул свою колесницу, бросив свой лук и оставив около 4000 талантов. Эта добыча была прекрасным утешением. К тому же Дарий сам нанес такой сокрушительный удар своему престижу, что его личное спасение имело не такое уж большое значение. Ахеменидская империя была разъята на две части, авторитет ее правителя разбит вдребезги. Если бы Александр теперь провозгласил себя царем персов, кто мог бы отрицать его право на это?

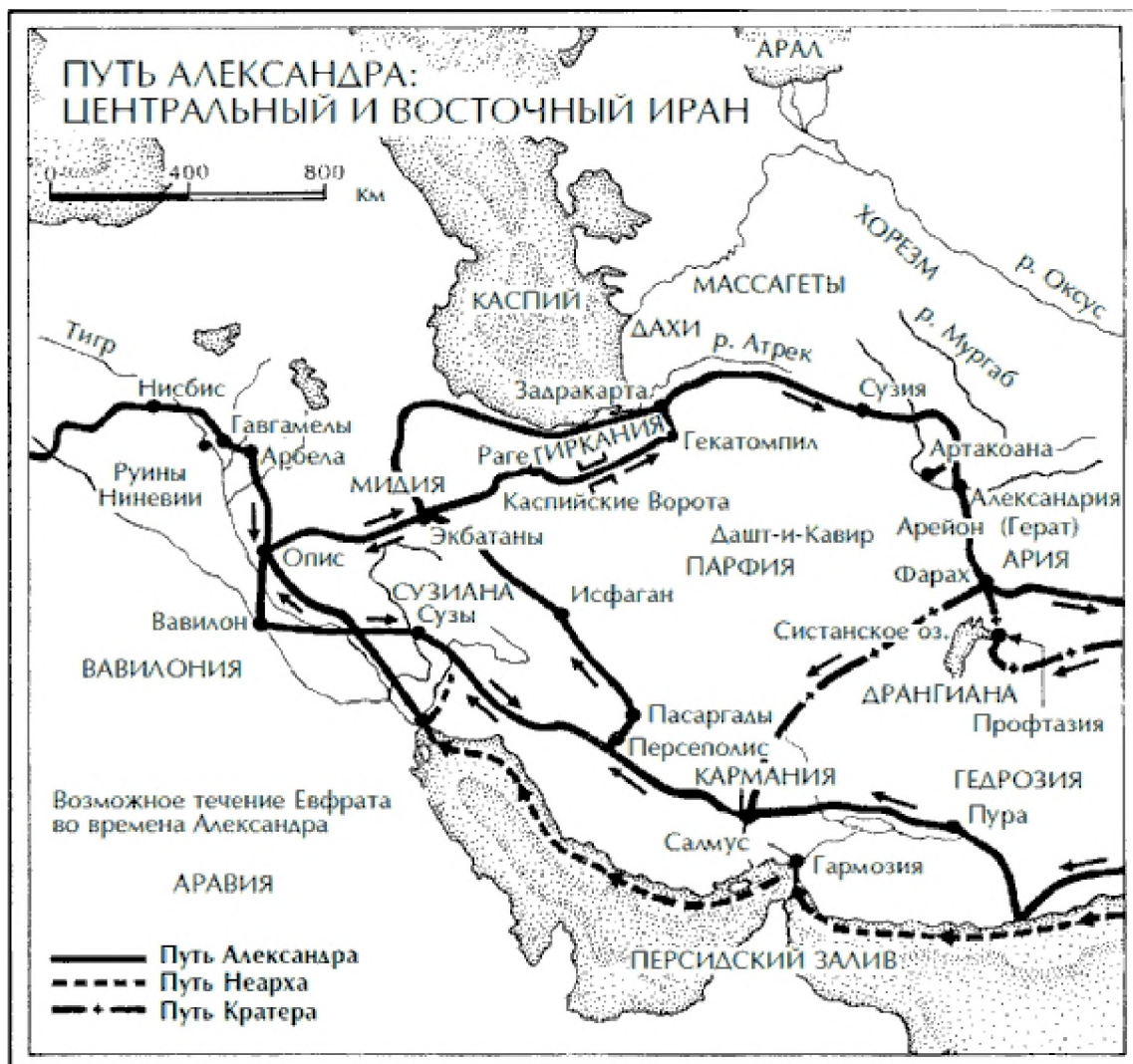
Македонская разведка вскоре восстановила картину бегства Дария. Он бежал в Арбелу, где к его людям присоединились Бесс и бактрийская конница. В полночь эти остатки разбитой великой персидской армии бежали из Арбелы на восток, в горы, чтобы с севера войти в Экбатаны. Там Дарий задержался, пытаясь реорганизовать и перевооружить остатки войска. Он отправлял грозные послания восточным сатрапам и военачальникам, требуя от них верности. Однако поражение при Гавгамелах сломило Дария навсегда.

Глава 8

Владыка Азии

Битва при Гавгамелах знаменовала для Александра поворотный пункт в его деятельности. Греки всегда считали его амбициозным тираном, а сейчас он словно бы твердо решил подтвердить это. Но для македонской армии этот поворот имел неприятные последствия. Отношения между Александром и его войском стали ухудшаться, вызывая иногда, как увидим, беспорядки и кровавые инциденты. Подражание Александра восточным царям произвело неблагоприятное впечатление на его старую гвардию, которая считала войну законченной и хотела скорейшего возвращения домой. Но для Александра открылись новые горизонты завоеваний, и сама Македония теперь казалась ему далекой и маленькой.

До сих пор Александр мог представлять себя освободителем, но, направляясь в Сузы и Персеполис, он должен был как-то изменить свою линию: едва ли он мог называть себя освободителем персов от них же самих. В письмах Александра домой с этого времени больше говорится о мести, а не об освободительной миссии. То же самое он, конечно, говорил и своим воинам. Вместе с тем, не желая волнений у себя в тылу и желая к тому же стать преемником Дария, царь Македонии должен был как-то умиротворить персидскую знать, а это не прибавляло ему популярности среди соплеменников. Едва ли можно было претендовать на персидский трон, не соблюдая персидского этикета.

«Великие цари» Персии всегда были отделены от подданных системой табу и окружены религиозным ритуалом, что контрастировало со сравнительной простотой взаимоотношений македонских царей и знати. Совместить то и другое было практически невозможно, рано или поздно Александру пришлось бы выбирать.

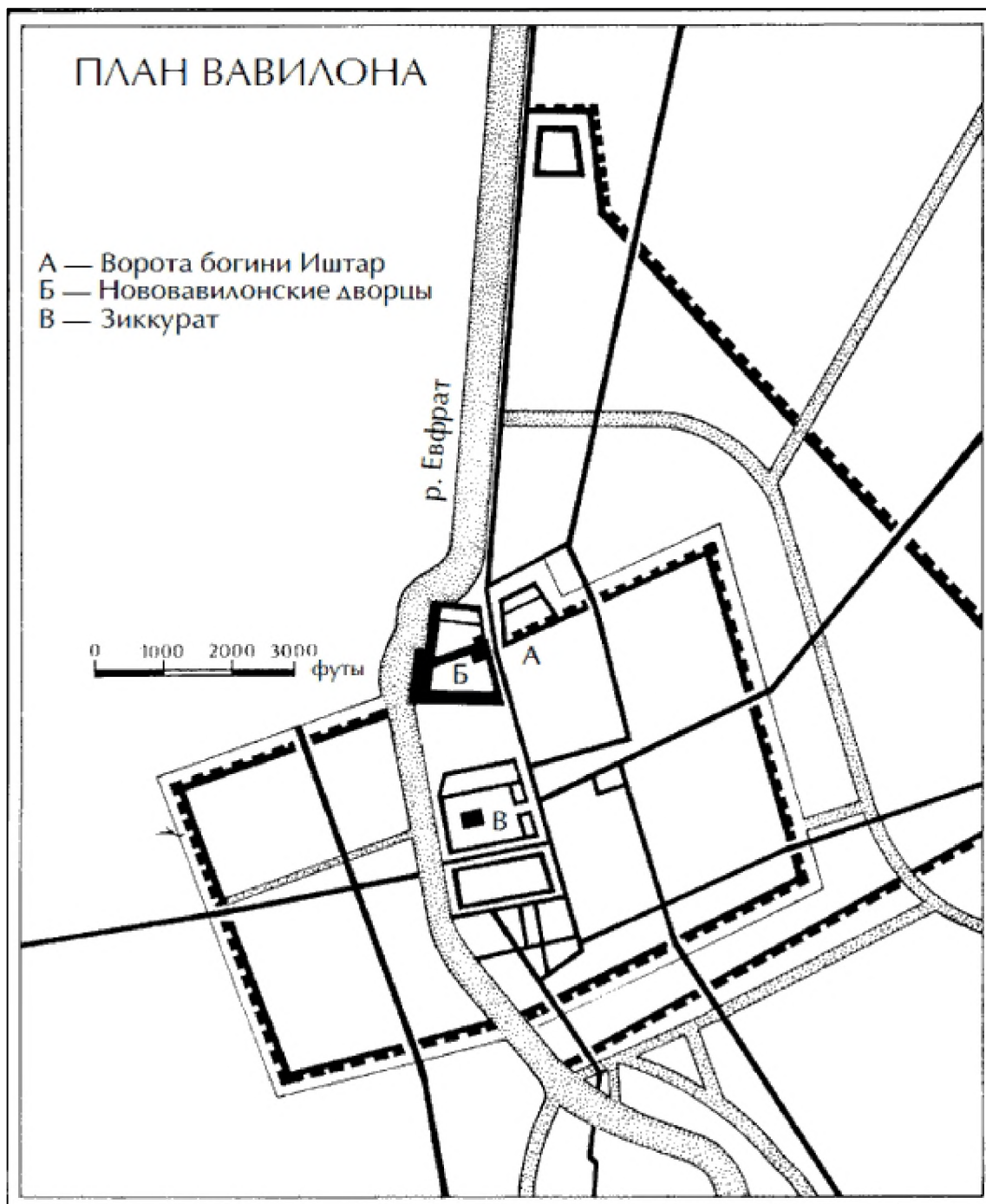

После битвы при Гавгамелах

В Арбеле Александр задержался дня на два. Он велел похоронить павших македонских воинов, но убитые персы захоронены не были. Военная экспедиция во главе с Филоксеном была отправлена по прямому пути в Сузы, чтобы принять капитуляцию этого города и казну. Сам же Александр с войском перешел Тигр и направился в Вавилон. Во время этого похода совершилась сделка между Александром и Мазеем, вернувшимся после Гавгамел к обязанностям вавилонского сатрапа. Александр был заинтересован в бескровной сдаче города, а Мазей – в сохранении своего положения при новом режиме. Несмотря на эту сделку, Александр отнюдь не доверял недавнему противнику и, вступая в Вавилон, был готов к любому вероломству.

Утомленным после трудного перехода вдоль Евфрата македонянам город Вавилон с его величественными стенами и башнями, белыми высокими террасами, роскошными садами должен был, очевидно, показаться чем-то вроде сказочного миража. Его внешние крепостные кирпичные стены были столь широки, что на них могли бы поместиться рядом две колесницы, запряженные четверкой лошадей. Не менее впечатляющей была, очевидно, и торжественная процессия с трубами и ударными инструментами, вышедшая из города приветствовать Александра и его войско.

Впереди ехал перебежчик-сатрап Мазей, торжественно вручивший македонскому царю власть над городом, цитаделью и вавилонской казной. Александр уселся на колесницу, выстроил свое войско в несколько колонн (он все еще подозревал возможность ловушки) и торжественно въехал в город. Улица была украшена цветами и гирляндами, на серебряных алтарях возжигали благовония в честь победителя. Когда Александр проезжал под великолепными воротами богини Иштар, украшенными геральдическими быками и драконами, толпа народа на террасе восторженно приветствовала его и осыпала розами.

Радостный прием, оказанный Александру, был во многом связан с его обещанием (которое, конечно, передал Мазей) почитать вавилонских богов и, в особенности, восстановить эсагилский храм Мардука, разрушенный при Ксерксе в 482 г. до н. э. Снова, теперь уже в последний раз, Александр мог предстать в роли избавителя от персидского ига, и благодарные вавилоняне были более чем радушными хозяевами. Солдаты и командиры были размещены в роскошных частных домах, и никто из них не знал нужды в пище, вине или женщинах. Помимо куртизанок, пришельцы пользовались расположением многих местных жительниц, включая женщин и девушек из лучших семей. Гостям показывали все местные достопримечательности, включая «висячие сады», созданные ассирийским царем, чья жена тосковала по горным лесам родного Ирана.

Пока войско наслаждалось отдыхом, а Каллисфен старательно переписывал труды вавилонских

жрецов по астрономии, царь занимался проблемами управления. Прежде всего он утвердил Мазея сатрапом Вавилона с традиционным правом чеканки серебряной монеты. Выбор этого вельможи был связан также с тем, что он женат был на вавилонянке и имел в городе большие родственные связи. Разумеется, Александр не был так безрассуден, чтобы предоставить ему полную свободу. Начальник гарнизона и ответственный за сбор податей были македонянами. Финансами ведал помощник Александра казначея Гарпала, который в свое время таинственно исчез и вернулся снова – после возвращения армии в Тир.

Судя по огромному жалованью, которое Александр выплачивал в это время, ему было нелегко уговорить своих воинов покинуть вавилонские «котлы с мясом». Кавалеристы получали по 600 драхм каждый (почти годовое жалованье), а остальные – пропорциональные количества, согласно рангам. Всего было истрачено около 2000 талантов, но вавилонская казна окупала расходы.

На Сузы

Сузы, вторая столица персидских царей, находилась примерно в 375 милях к юго-востоку от Вавилона. Равнина, на которой стоял этот город, была чрезвычайно плодородной, но, так как ее окружали горы, там стояла страшная жара девять месяцев в году. В середине ноября, во время похода Александра, начались сезонные дожди. Здесь с армией соединились новые пополнения из Эллады, приведенные Аминтой: 1500 конников и 13 500 пехотинцев, из которых примерно треть была из Македонии. Их прибытие заставило Александра сделать остановку дня на два и внести изменения в структуру войска. В пехоте сохранился территориальный принцип формирования, и был создан новый, седьмой отряд фаланги. В кавалерии же территориальные подразделения были расформированы и созданы два корпуса, в которые включали пополнения на нерегиональной основе. В дальнейшем назначение на должность командиров не было связано с происхождением или старшинством, что давало царю больше власти над командным составом. Такие перемены, вместе со щедрой платой в Вавилоне, говорили о том, что Александр уже столкнулся с, мягко говоря, недостатком энтузиазма в рядах своего войска. Перестройка должна была служить усилению как боеспособности, так и верности армии. Еще по пути в Сузы к Александру прибыл гонец от Филоксена с сообщением о капитуляции этого города. Снова македонская армия была принята по-царски. Самого Александра по прибытии провели в царский дворец, в сокровищницу. Там сатрап Абулит вручил царю около пятидесяти тысяч талантов золотых монет Дария. Кроме того, в сокровищнице находилось до ста тонн гермионских пурпурных тканей, окраска которых не потускнела почти за двести лет. Здесь хранилась вся добыча, вывезенная еще Ксерксом из Греции, кувшины с нильской и дунайской водой, присланные вассалами в знак верности, украшения из золота и драгоценных камней. Если бы Дарий надеялся таким образом соблазнить Александра сказочными сокровищами, чтобы тем временем подготовиться к новой войне, то едва ли мог бы придумать лучшую ловушку.

Но притязания Александра шли куда дальше захвата добычи, которая сама по себе никогда не была для него особо привлекательной. После посещения сокровищницы Александр (и это, очевидно, был продуманный жест) демонстративно сел на трон Дария. Царь Македонии не мог не знать, что это означало смерть для всякого, кроме законного монарха. Старый Демарат из Коринфа пролил слезы радости, увидев это. Однако этот символический жест оказался неожиданно сопряженным с забавным происшествием. Дарий был очень высоким, Александр же несколько ниже среднего роста; поэтому, когда последний уселся на трон, его конечности повисли, не достигнув царской подставки для ног. Один из царских слуг тактично отодвинул подставку и придвинул вместо нее столик. При этом евнух-перс, стоявший тут же, начал плакать. Александр спросил его, что случилось, а тот объяснил, что за этим столиком его прежний господин Дарий обычно ел. Александр, не желавший нарушать ахеменидских религиозных табу, хотел отодвинуть стол обратно. Однако Филота заметил, что это действие царя, совершенное по неведению, следует расценивать как особый знак. Александр, в библейском стиле, превратил стол врага в подставку для ног. Стол был оставлен на месте.

Зимняя кампания

В январе в горах был сильный мороз. Дарий рассчитывал, что македоняне останутся на зимних квартирах в Сузах, а с наступлением зимы снова отправятся в поход, на северо-восток, в Экбатаны, где и находился персидский царь, либо на юго-восток, в Персеполис. Но Александр, умевший воевать зимой, хотел извлечь все выгоды из победы при Гавгамелах и не собирался подарить Дарию целых три месяца, чтобы тот мог собраться с силами.

В середине января македонское войско отправилось из Суз на юго-восток. Единственным персом, разгадавшим намерения Александра, был сатрап Ариобарзан, сумевший после Гавгамел собрать 23 000 пехотинцев и 700 конников. Рассчитав время похода Александра, сатрап занял горное ущелье под названием Сузанские Ворота и соорудил там оборонительную стену. По расчетам перса, если Александр с войском пойдет этой дорогой, то вынужден будет отступить с большими потерями. Если же Александр пойдет в обход по более легкому южному пути, то у персидских властей будет время организовать эвакуацию Персеполиса, а главное – золотого запаса. План Ариобарзана был всем хорош, но имел два недостатка: он считал свои позиции в ущелье неприступными и не учитывал, что Александр может разделить армию.

Пармениона с обозом и тяжеловооруженными подразделениями Александр отправил по главной южной дороге, а сам с мобильным войском отправился в путь по горным дорогам навстречу Ариобарзану. Через пять дней македоняне достигли Сузанских Ворот. Попытка прямого штурма не удалась. У Ариобарзана на стене были метательные машины, а его воины сбрасывали на македонян большие камни и осыпали их стрелами и дротиками. Александр отступил, понеся немалые потери, но захватил пленных, среди которых оказался местный пастух. Он вызвался провести Александра и его людей через труднопроходимый перевал, чтобы они могли выйти в тыл персам.

Хотя предстояло пройти около двенадцати миль, македоняне преодолели это расстояние за день и две ночи. Они достигли своей цели перед рассветом третьего дня. Два сторожевых поста противника были бесшумно уничтожены. После этого затрубили трубы, и Кратер со своими людьми снова начал атаку на стену. В это же самое время Александр со своим отрядом напал на персидский лагерь. После упорной борьбы проход через ущелье был открыт.

И после этой победы путь македонян был нелегким; мешали идти трещины, реки, снежные лавины. Вскоре, однако, до Александра добрался посланец Тиридата, командовавшего персеполисским гарнизоном, он предлагал капитуляцию, но просил, чтобы македоняне прибыли в город поскорее, иначе население может разграбить царскую казну.

Александр велел пехоте двигаться с предельно возможной скоростью, а сам, во главе конницы, совершил ночной кавалерийский бросок и на рассвете достиг реки Аракс. Моста не было, люди царя соорудили его очень быстро из дерева и камней, разрушив дома ближайшей деревни. После этого войско продолжило путь.

Александр вошел в Персеполис 31 января 330 г. до н. э. Для персов это был священный город, сравнимый с Меккой или Иерусалимом. Если бы Александр надеялся занять трон Ахеменидов по местным законам и обычаям, при поддержке персидской знати и жрецов-магов, ему следовало бы здесь, как нигде, проявлять осторожность и уважительность, чтобы не сделать своими врагами тех, в чьем сотрудничестве он нуждался. Однако к этому времени, насколько можно судить, царь уже оставил надежды добиться поддержки своих притязаний персидской элитой. Будучи прагматиком, Александр закрывал глаза на обычные религиозные или идеологические разногласия. Многие персидские вельможи были готовы

сотрудничать с ним. Но совсем другое дело – признать его единственным Избранником Ахурамазды.[\[9\]](#)

Может быть, поэтому Александр, несмотря на формальную капитуляцию, предоставил своим войскам свободу грабить Персеполис (исключая дворцы и цитадель, где хранились сокровища Дария). Царь произнес перед воинами зажигательную речь о преступлениях, совершенных некогда персами против эллинов, и назвал Персеполис «самым ненавистным городом Азии». Македонянам этого было достаточно, тем более что последний раз возможностью грабежа они воспользовались в Газе. С тех пор, особенно в Вавилоне и Сузах, политика умиротворения, проводимая царем, накладывала на них жесткие дисциплинарные ограничения. Теперь же руки у них были развязаны.

Между тем сам Александр занялся царской сокровищницей, где хранилось не менее 120 000 талантов, накопленных еще со времен Кира Великого. Только в царской спальне содержалось 8000 талантов золотом, не считая золотого виноградного куста, который, как было известно Александру, символизировал «древо жизни» династии Ахеменидов. Эти сказочные богатства должно было использовать для оплаты дальнейших восточных авантур македонского царя. Если принять за основу фунт стерлингов 1913 г., то Александр получил в Персеполисе примерно 44 000 000 фунтов стерлингов, примерный национальный доход Эллинского союза почти за триста лет.

Теперь господство Александра было обеспечено. Пройдя через заснеженные горы, он оказался в самом сердце империи Дария. Падение Персеполиса открывало дорогу на Экбатаны. С точки зрения здравого смысла Александр, казалось, должен был теперь совершить бросок на север, любой ценой захватить Дария и таким образом завершить затянувшуюся Персидскую войну. Однако поведение Александра снова оказалось непредсказуемым – он оставался в Персеполисе до конца мая – начала июня. Для этого могла быть только одна реальная причина – празднование персидского Нового года. Дав солдатам свободу рук в персидской столице, царь показал своим персидским подданным, что с ним шутить не следует. Однако произвол войск вовсе не был бесконтрольным. Дворцы, храмы, большая палата аудиенций, весь городской комплекс духовных зданий оставались неприкосновенными, и празднование Нового года все равно можно было провести. Александр, очевидно, надеялся, что хоть теперь победит здравый смысл, и его торжественно провозгласят посланцем Ахурамазды на земле.

Но Александр столкнулся с людьми, которые очень всерьез принимали свою религию, в том числе – божественность своих царей. Прошел март, наступил апрель, и стало ясно, что в Персеполисе в этом году не будет торжественного церемониала возобновления царской власти.

Во второй половине мая Александр наконец принял решение: город должен быть разрушен. Он символизировал многовековое господство Ахеменидов и как в религиозном, так и в политическом смысле мог бы стать центром притяжения националистического сопротивления при дальнейшем продвижении Александра на восток. «По-моему, – замечает по этому поводу Арриан, – это было дурное решение». Разрушение Персеполиса лишило царя возможности законным путем стать преемником Ахеменидов. Оно также спровоцировало ожесточенное сопротивление в восточных провинциях.

Поэтому у многих возникло искушение объяснить поджог инцидентом во время пьяной оргии, о котором сами исполнители вскоре пожалели.

Такая версия (или легенда) прочно вошла в историю, изменить ее с помощью каких-либо аргументов трудно. Сюжет таков. Александр во время пира выпил много вина. Таис Афинская, любовница Птолемея, заявила, что будет замечательно, если они сожгут дворец Ксеркса (это снимает первоначальную ответственность с самого Александра). Принесли факелы, и процессия пировавших отправилась во дворец. У его дверей они некоторое время колебались. Тут кто-то закричал, что это было бы деяние, достойное одного Александра. Царь в порыве пьяного энтузиазма и, может быть, желая еще раз почувствовать себя мстителем за Элладу, первым поджег здание. Охранники, прибежавшие с ведрами воды, вместо того,

чтобы гасить огонь, наблюдали за происходящим как за потехой. Вскоре вся терраса была охвачена пламенем.

Перед сожжением дворец был основательно разграблен, македоняне вытащили из него почти все монеты, золото, ювелирные украшения. Они нарочно разбивали красивые каменные вазы, сбивали головы статуй и калечили лица рельефных изображений. «Крестовый поход» эллинов против «азиатского варварства» достиг своего триумфального завершения. На сегодня нам остались только красноречивые следы пожара и то, что уцелело после него. Пламя обожгло сотни глиняных табличек (иначе они бы давно рассыпались в прах), а также глазурь рельефов с изображением процессий времен царя Ксеркса. Покидая дымящиеся развалины, Александр едва ли мог знать, что своим поджогом он обессмертит Персеполис.

Александр с войском вышел из Персеполиса на север в начале июня, оставив необычно большой гарнизон из 3000 македонян. В трех днях пути от Экбатан появился персидский перебежчик с вестью, что Дарий покинул город. Подкрепления, которых он ожидал, так и не пришли, и царь пять дней назад отправился на восток к Каспийским Воротам с бактрийской конницей и 6000 пехотинцев, взяв 7000 талантов из экбатанской сокровищницы.

Македонскому царю приходилось действовать быстро. Перс сообщил, что Дарий намеревается по берегу Каспийского моря добраться до Бактрии, опустошая землю на своем пути. Это могло означать для македонян серьезные трудности в снабжении продовольствием, так как они шли по северному краю большой соленой пустыни. Если бы персам удалось заманить их в безлюдные горы и степи за пределами Гиркании, то там свежая армия сатрапов, знакомая с местными условиями, вполне могла бы нанести им поражение.

В Экбатанах Александр произвел быструю реорганизацию. Сожжение персеполисского дворца ставило точку в эллинском «священном походе» против персов, и, пользуясь этим обстоятельством, царь рассчитался со всеми войсками Эллинского союза. Ему теперь нужна была отборная профессиональная армия, преданная ему одному, готовая следовать за ним куда угодно. Поэтому каждый воин, который пожелал повторно записаться в армию Александра, получал в момент поступления не менее трех талантов. Мало кто мог устоять против такого соблазна. Вся эта затея стоила Александру 12 000—13 000 талантов, и почти столько же было присвоено или растрчено его казначеями, что являлось дурным знаком.

Таким образом, Александр за один день получил наемную армию. Кроме того, ему удалось отстранить Пармениона от военного командования. Старый полководец остался в Экбатанах, как региональный военачальник, перестав отныне возглавлять главный штаб. Александр тактично заверил семидесятилетнего Пармениона, что он вполне заслужил отдых от боевых действий. На Пармениона была возложена задача охранять казну, а также, имея в распоряжении примерно 6000 наемников, держать в повиновении племена Южного Каспия.

При этом внешнее положение Пармениона оставалось высоким и достойным, но его реальная власть (и сам он это понимал) значительно уменьшилась. Его фессалийской конницы больше не было, а наемникам платил теперь деньги главный казначей Гарпал, ведавший чеканкой монеты и назначенный на эту должность Александром. Помощником Пармениона также был царский назначенец Клеандр.

Считается, что с Экбатан начинается трагедия Александра, «трагедия одиночества и недовольства непониманием окружающих». Однако македонские военачальники, включая Пармениона, все хорошо понимали. Всякий единовластный правитель кончает духовной изоляцией, живя в мире собственных представлений об истине, и Александр не был исключением. В дальнейшем немногие друзья, решавшиеся его критиковать в глаза, чаще всего дорого платили за это. Такое положение поощряло льстецов и самообольщение царя. В 330 г. до н. э. этот процесс только начинался, но с тех пор он быстро прогрессировал.

Сделав необходимые распоряжения, Александр, не теряя времени, отправился в погоню за Дарием. Но, когда до Каспийских Ворот оставалось всего миль 50, он узнал, что Дарий уже прошел их и направляется к Гекатомпилу. Дальше идти под палящим солнцем без отдыха было опасно, да и бессмысленно. Сделав передышку на пять дней в ближайшем поселении, Александр затем дошел до Каспийских Ворот. За ними начиналась соленая пустыня, известная ныне как Дашт-и-Кавир.

Когда кавалерия Кена была послана в экспедицию за продовольствием, два вавилонских аристократа (один – сын Мазея) принесли драматическую новость о том, что Дарий низложен и арестован. Переворот совершили бактрийский сатрап Бесс и великий визирь Набарзан.

Не дожидаясь возвращения Кена, Александр взял с собой лучшую кавалерию и отряд гвардейцев и снова отправился в погоню за персами. Их поход продолжался день и две ночи. Когда они достигли лагеря персов, Дарий был взят под стражу, и нашли лишь его грека-переводчика, который и рассказал подробно о случившемся.

Сначала Набарзан предложил царю временно передать свою власть Бессу. Дарий пришел в ярость, схватился за меч и пытался убить Набарзана. Совет, а вслед за ним и все отступавшее войско, раскололись на два лагеря. Бактрийцы и другие восточные части смотрели на Бесса как на своего естественного вождя, а персы и греки-наемники сохранили верность Дарию. Открытое вооруженное столкновение в этих обстоятельствах исключалось. Заговорщики формально поклялись в верности царю, и было объявлено о примирении. Но через два дня они зазвали Дария в бактрийский лагерь и взяли под усиленную охрану. Сторонники царя пытались начать борьбу за него, но еще через два дня большинство персов перешло к Бессу, соблазненное его щедрыми посулами и потому, что «им больше не за кем было следовать».

Бесс провозгласил себя «великим царем», и его с энтузиазмом поддержало большинство войска. На Дария мятежники смотрели как на собственную гарантию. Как считает Арриан, они решили передать его Александру при его приближении и тем самым обеспечить себе благоприятные условия.

Узнав все это, Александр понял, что нельзя терять ни минуты. На следующий день македоняне снова отправились в погоню и достигли деревни, где за день до того находились на постое Дарий и его стражи. Все страшно уставало от зноя и трудного пути. Но Александру хотелось во что бы то ни стало нагнать персов. Он спросил у местных жителей, нет ли короткого пути.

Они ответили, что такая тропа есть, но проходит по безводной пустыне. Несмотря на это, Александр взял местных проводников, заставил спешиться 500 конников, передав их лошадям самым крепким пехотинцам, и снова отправился в погоню. Он и его люди совершили фантастический переход, пройдя за ночь 50 миль.

Они настигли персов на рассвете. Появление македонян застало врагов врасплох, и единственным их желанием было скорее бежать, а тяжелая повозка, в которой держали Дария, замедляла бегство. Бесс и Набарзан стали уговаривать царя сесть на коня, но он отказался. Если он не сохранил власть, то пожелал хотя бы погибнуть достойно. Он сказал, что не станет бежать вместе с предателями. Времени на споры не было. В любой момент персы могли быть окружены. Бесс и Набарзан не хотели, чтобы Дарий попал живым в руки Александра. Они и другие заговорщики пронзили царя копьями и бежали. Набарзан – в Гирканию, Бесс – в свою Бактрию, другие же отправились на юг, в Систан.

Александру оставалось гадать, с каким из отступающих отрядов ушел Дарий. Ответа не было. Между тем македонский воин Полистрат, почувствовав жажду, отправился к ручью на равнине и увидел одинокую повозку без возницы. Потом он услышал стоны умирающего и, движимый любопытством, раздвинул занавески, скрывавшие внутреннюю часть повозки. Там на полу лежал Дарий, в цепях, в окровавленной царской мантии, и около него был только его верный пес. Царь слабым голосом попросил воды, и

Полистрат принес ее в шлеме. Схватив македонянина за руку, Дарий поблагодарил Небо за то, что не умер в полном одиночестве. Это были его последние слова.

Когда Александр увидел труп своего врага, погибшего при таких страшных обстоятельствах, он был искренне и глубоко огорчен. Он укрыл тело собственным плащом, велел отвезти его в Персеполис и похоронить с царскими почестями, рядом с предками. Правда, у рыцарского жеста Александра могли быть и практические мотивы. С гибелью Дария, который не мог теперь отречься в его пользу, Александр оставался узурпатором-чужеземцем в Персии; сверх того, у него появился новый сильный соперник Бесс, провозгласивший себя царем под именем Артаксеркса IV. Получалось, что ему все же придется воевать за восточные провинции, а не получить их в результате капитуляции.

Александр теперь надо было вести себя так, как если бы он был законным преемником Дария, – преследовать Бесса не как соперника, а как мятежника и цареубийцу. Бесс успел уйти далеко, и погоню вскоре пришлось оставить. Александр отвел войско в ближайший город, Гекатомпил. Однако появились слухи, что поход на этом закончился. Однажды утром Александр узнал, что его воины собираются домой.

Так как у царя был уже план долгосрочной восточной кампании, подобные настроения не могли не обеспокоить его. Он созвал старших командиров и «со слезами на глазах сказал, что его хотят отозвать, когда он находится на пути к славе». Они согласились с ним, но посоветовали быть осторожным и тактичным при обращении к войску. Александру удалось добиться большего – запугать людей с помощью персидской угрозы. Он подчеркивал ненадежность их завоеваний и недоброжелательность персов. «Только ваша сила держит их в узде, – говорил он, – а вовсе не их добрая воля. Пока мы здесь, они нас боятся, когда мы уйдем – станут нашими врагами». Александр уверял воинов, что они уже на пороге полной победы, что конец Бесса будет и концом персидского сопротивления, а до его столицы всего дня четыре пути (явная неправда, расстояние составляло 462 мили). Этот поход – ничто по сравнению с теми испытаниями, которые они все вместе уже прошли. Войско восторженно приветствовало вождя. Еще один кризис остался позади.

Через два дня войско отправилось в Гирканию, малонаселенную, гористую, но довольно плодородную местность на Каспийском побережье. По дороге царь получил письмо от великого визиря Набарзана, который пытался оправдаться в связи с убийством Дария и заявлял, что готов сдаться в обмен на собственную безопасность и сносные условия. Александр сразу послал ответ со своими гарантиями. Он был заинтересован в изоляции Бесса. По прибытии в центр области, Задракарту, Александра встретила персидская знать, включая Артабаза, с предложением принять их капитуляцию. Это был очень хороший знак.

После того как царь вернулся из карательного похода против одного местного племени, появился и Набарзан, с множеством подарков, включая «евнуха удивительной красоты» по имени Багоас.

Македонян не могла не беспокоить возрастающая ориентализация Александра, который стал носить персидскую одежду, перенял обряды персов и стал оказывать персидской знати почести наряду с македонской, а также усиливающееся проникновение бывших вражеских воинов в его собственную армию. Александр даже вступил во владение бывшим гаремом Дария из 365 наложниц (по числу ночей в году). Можно спорить, делал ли он все это по желанию или по необходимости, но если он хотел, чтобы персы приняли его династические притязания, то должен был играть роль по всем правилам. Однако все это не могло не породить отчуждения между царем и его македонским окружением. Своеобразным символом этой дилеммы было использование двух печатей – для европейской переписки Александр пользовался македонской печатью, а для внутривосточной – печатью Дария. Своих гетайров он тоже заставлял носить персидские плащи, а недовольных пытался заставить замолчать с помощью щедрых даров.

Однако любой правитель, пытающийся одновременно убить двух зайцев, не может не столкнуться с серьезными трудностями. Несколько друзей Александра, такие как Гефестион, а также кучка придворных льстецов активно поддержали эти его нововведения; профессиональные военачальники были равнодушны ко всему этому, пока дело не касалось их статуса. Однако утомленные войной ветераны Филиппа не принимали новых экспериментов. Война для них кончилась с гибелью Дария, они хотели скорее вернуться на родину, и, очевидно, любой военачальник, стремившийся изменить политику Александра, который бы пообещал им скорое возвращение, мог бы рассчитывать на их поддержку.

Александр пытался разрядить напряженность. Как большинство суровых, волевых лидеров, он презирал людские слабости и считал, что может управлять своими людьми, удовлетворяя их растущие аппетиты. С этого времени роскошные пиры стали характерной чертой лагерной жизни. Лозунг «хлеба и зрелищ» был изобретен еще задолго до римлян.

Однако лучшим лекарством от беспорядков были военные действия. Войско снова отправилось на восток, в Сузию. Здешний сатрап Сатибарзан, один из убийц Дария, капитулировал без боя. Он сообщил, что Бесс получил широкое признание как повелитель Азии. К нему стекались воины не только из Бактрии, но и из диких кочевых племен. Это была угроза, которой следовало противостоять, не теряя времени. Утвердив Сатибарзана сатрапом (о чем вскоре пожалел), Александр выступил в поход на Бактрию.

На реке Марг Александр узнал, что Сатибарзан, перебив македонских воинов, затеял мятеж. Александр сразу приостановил поход и, оставив командовать войском Кратера, с отрядом воинов отправился в Артакоану, резиденцию сатрапа. Сатибарзан, которого нападение застало врасплох, бежал в Бактрию с 2000 воинов. Оставшиеся его люди заняли позиции на соседней лесистой горе. Был август, Александр поджег лес, и многие из них погибли в огне. Сатрапом был назначен другой перс, Арзак. Чтобы предотвратить новые беспорядки, Александр основал крепость Александрополь – первую из многих на востоке. В этих краях городов, в европейском смысле, почти не было, а географические познания македонян об этих землях были довольно скудными. Им предстояло выдержать на землях Средней Азии трехлетнюю партизанскую войну. Здесь Александру и его армии было оказано, пожалуй, самое ожесточенное сопротивление. Бесс и его преемник Спитамен вели националистическую войну с сильным религиозным оттенком, которая доставила, пожалуй, Александру больше неприятностей, чем все сражения с армией Дария.

Покончив с волнениями в обширных восточных районах от Систана до Инда, македонское войско остановилось на отдых в Дрангиане, на берегу Систанского озера. Здесь осенью 330 г. до н. э. при весьма загадочных обстоятельствах Александр получил возможность избавиться от Пармениона и его амбициозного сына Филоты.

Мы уже видели, что Александр исподволь подрывал власть и влияние Пармениона. Однако тот еще пользовался в армии большой популярностью, и прямой удар по нему вполне мог вызвать мятеж. Александр решил нанести удар через сына Пармениона, Филоту, который вовсе не был популярен.

Этого надменного, злоязычного и несдержанного человека очень не любили и солдаты и военачальники. Поэтому Александр последнее время продвигал не его, а Кратера и Пердикку. Но по крайней мере, до Гавгамел Филоту спасало одно качество – он был искусным кавалерийским командиром. Теперь же, когда войско Александра оказалось не на равнине, а в горной местности, вступив в партизанскую войну, Филота был очень удобен. Вскоре Александр нашел возможность избавиться от него на основе надуманных обвинений, которые косвенно задевали и Пармениона.

Александр не собирался уничтожать всех оппозиционных командиров, он преследовал вполне определенную цель. Полидам, один из гетайров, был отправлен в одежде кочевника с кочевниками-проводниками с «посольством смерти» к Пармениону через иранские пустыни. Чтобы попасть в Экбатаны

прежде, чем Парменион как-то узнает о гибели сына, они ехали на быстрых верблюдах, покрыв за 11 дней расстояние, на которое обычно требовалось четыре недели. Полидам, чтобы не вызвать никаких подозрений, вез Пармениону два письма, одно от Александра, а второе – с печатью Филоты (и, может быть, действительно им написанное после пытки и «признания»). Когда старый военачальник начал читать письма, Клеандр нанес ему два удара клинком, а сопровождающие воины последовали его примеру. Удары сыпались на Пармениона, даже когда он уже был мертв.

Александр освободился от помехи. Он поднял армию против Филоты, а теперь смог избавиться от Пармениона, но в целом этот инцидент оставил после себя след подозрительности и вражды. С тех пор царь уже не мог полностью доверять своим войскам; всех, кто критиковал его политику, или, как ему казалось, сочувствовал Пармениону, или выражал недовольство слишком долгой службой, Александр собирал в одно подразделение, которое именовал дисциплинарным отрядом, чтобы они не портили других своим неподобающим поведением. Целью этого мероприятия была (по крайней мере, так считает Юстин) необходимость иметь людей для самых опасных операций или самых отдаленных восточных гарнизонов.

В то же время Александр решил никогда не оставлять без внимания свою конную гвардию. Вместо Филоты он поставил командирами Клита (явно чтобы успокоить своих ветеранов) и своего друга Гефестиона. С этого момента началось его постоянное возвышение, вызванное, впрочем, не только личными мотивами. Гефестион действительно был очень умелым и способным кавалерийским командиром.

Глава 9

Дорога к океану

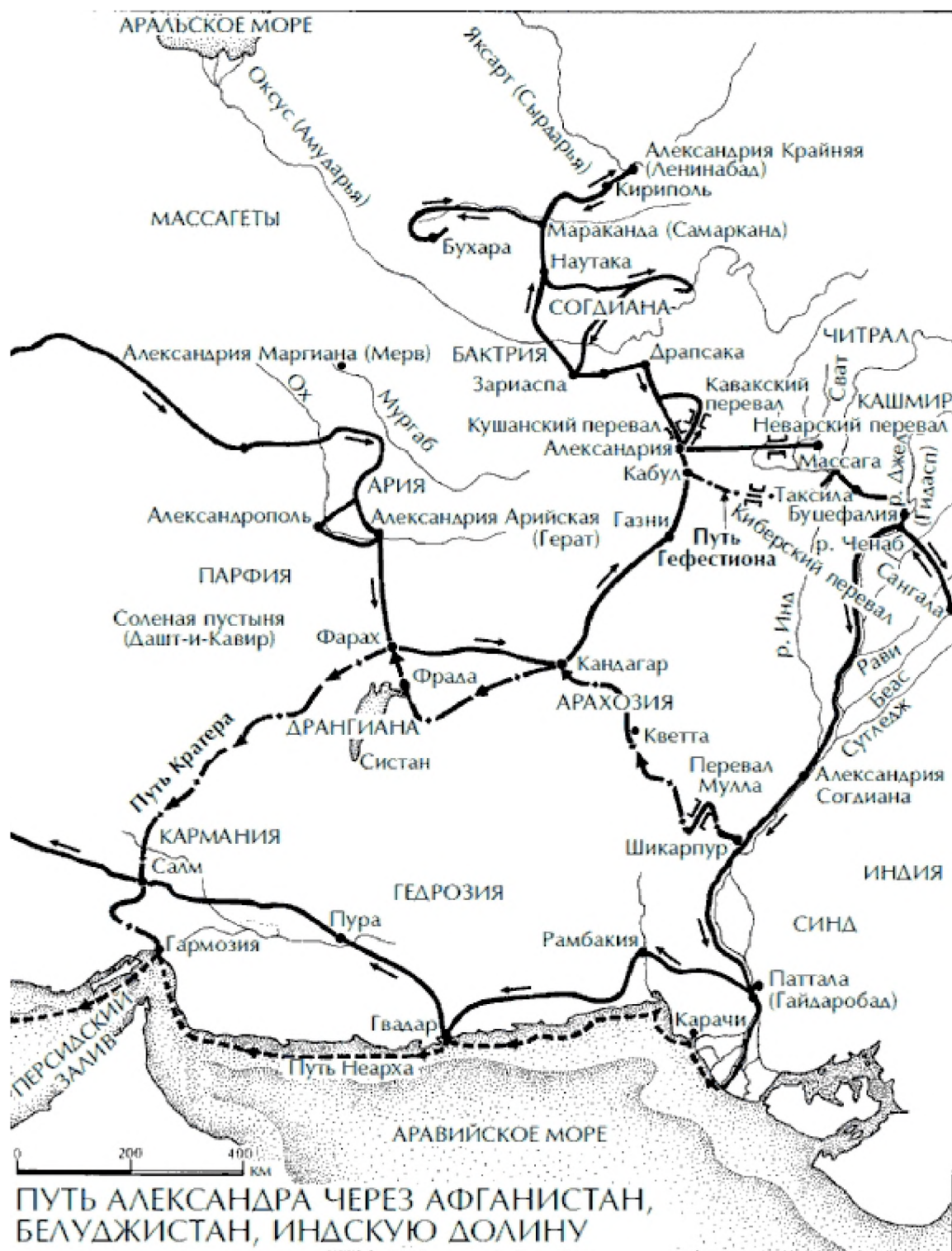
Зимой Александр возобновил поход. Если бы он просто собирался преследовать Бесса, то направился бы снова на север, к реке Мургаб. Однако царь повел войско через Арахозию, что означало намерение перейти через Гиндукуш. Главной причиной подобного длинного и трудного маршрута были, очевидно, волнения в южных сатрапиях, включая саму Арахозию.

В феврале 329 г. до н. э. Александр достиг Кандагара, а в апреле македонское войско перевалило через Гиндукуш. Во время зимнего похода по Восточному Афганистану его войско сильно пострадало от обморожений, снежной слепоты, хронического переутомления (последнее, возможно, из-за кислородного голодания). Где-то в районе нынешнего Кабула царь дал войску долгожданный кратковременный отдых. Затем, основав еще одно военное поселение, провел войско по Кавакскому перевалу (11 600 футов) и отправился на север вдоль реки Сурхаб на Драпсаку. Переход занял семнадцать дней.

Бесс с 7000 бактрийцев и войсками согдианских вассалов, которыми командовали Спитамен и Оксиарт, ожидал Александра в Аорне. Семь перевалов соединяет район Кабула с долиной реки Оксус, и Бесс предполагал, что Александр изберет тот из них, который всего ниже над уровнем моря. Но Александр, как всегда, оказался непредсказуемым. Кавакский перевал был не только самым восточным из всех, за что и был выбран, но и самым высоким. Войско Александра одолело его с удивительной скоростью, и Бесс обнаружил, что его обошли с флангов, после чего отступил из Бактрии за Оксус и приготовился к обороне Согдианы.

После короткой передышки в Драпсаке Александр занял Аорн и Зариаспу (бактрийскую столицу, считавшуюся родиной Зороастра), не встречая реального сопротивления. Затем, оставив Артабаза сатрапом новой провинции, Александр с войском направился к Оксусу. Был уже июнь, сухой сезон, и путь на этот раз лежал по безводной пустыне. Теперь воины страдали не от стужи, а от жары. Вследствие этих испытаний фессалийские добровольцы, и ранее проявлявшие недовольство после убийства Пармениона, взбунтовались. Их поддержала и часть ветеранов Филиппа. Они уже находились в четырех тысячах миль от дома и не хотели идти дальше. Царю ничего не оставалось, кроме как расплатиться с ними всеми и отпустить на родину. Эта неожиданная демобилизация лишила его части лучших воинов, что в данном положении было небезопасно. Что еще хуже, многие из воинов погибли от жажды или слишком обильного питья после перехода по пустыне. Александру пришлось впервые рискнуть и нанять местных «варваров» во вспомогательные части. Риск оправдал себя – другой вопрос, как на это реагировали остальные македоняне.

Реку Оксус преодолеть было не так легко. В Келифе, где Александр решил переправляться, она была шириной три четверти мили – очень глубока, и при этом с быстрым течением. Инженеры Александра неудачно пытались навести мост. Отчасти пришлось повторить опыт переправы через Дунай, хотя на этот раз у царя не было флота. Из кожаных покрытий палаток, набитых сухой соломой, были сделаны своего рода плоты, с помощью которых людей удалось переправить, хотя и за пять дней.

Бесс пришел к заключению, что Александр останется на берегу, пока у него не появятся транспортные суда, точно так же, как ранее он самонадеянно решил, по какому перевалу пройдет македонское войско. Его репутация и так уже пошатнулась после отступления из Бактрии, а когда стало известно о последнем свершении Александра, Бесс и вовсе потерял авторитет. Спитамен и согдийские вельможи решили, что пора сменить вождя. Они схватили Бесса и дали знать Александру, что если отряд македонян явится в определенное место, то им будет передан царевич. Это был весьма разумный ход: новоявленные вожаки не только избавлялись таким образом от Бесса, но и заверяли македонского царя в желании сотрудничать. И все же Александр был осторожен: за этим предложением могла таиться какая-то хитрость.

Деликатная миссия была поручена Птолемею, сыну Лага. В отдаленной деревушке он действительно нашел Бесса под вооруженной охраной и отправил весть Александру, с вопросом, каким образом доставить пленника. Ответ царя был необычным: Бесса следовало привязать к столбу у дороги, по которой должно было пройти македонское войско, надев на него рабский ошейник. Александр решил примерно наказать узурпатора, прежде всего чтобы ублажить персидскую знать.

Когда колесница Александра поравнялась с Бессом, царь сошел с колесницы и спросил Бесса, зачем он заковал в цепи, а потом убил Дария, «своего царя, родича и благодетеля». Тот ответил, что это было совместное решение, «чтобы заслужить милость Александра и спасти свои жизни». Однако все знали, что такую «милость» мог оказать только завоеватель-узурпатор, а Александр вовсе не желал выглядеть таковым. Чтобы показать, как ему отвратительно предательство Бесса, Александр приказал сперва выпороть пленника, а потом отправить в Зариаспу, где Бессу отрезали нос и уши. Затем он был публично казнен в Экбатанах, на глазах толпы персов и мидийцев.

Придя к приятному, но ошибочному заключению, что Спитамен теперь его подданный и союзник, Александр захватил Мараканду (Самарканд) и дошел до Яксарта (Сырдарья), представлявшего собой северо-восточную границу персидской империи. За этой рекой начинались безграничные «скифские» степи и горы, населенные дикими кочевниками – саками, массагетами и другими. Здесь македоняне обнаружили пограничное укрепление и семь фортов, построенные, как считалось, Киром. В них Александр оставил гарнизоны из наемников. Здесь, по его плану, должно было быть заложено новое военное поселение – как для целей дальнейшей экспансии, так и для обороны – Александрия Крайняя.

Тогда и начались настоящие неприятности. Александр вызвал Спитамена и других вельмож в Бактру, но Спитамен не явился, а во всей его области началось восстание. Сам Спитамен осадил Мараканду. Восставшие вновь захватили укрепление Кира и остальные форты и перебили македонские гарнизоны. Царь реагировал на это быстро, но он, видимо, все же недооценивал опасность. Он послал в Мараканду явно недостаточное по численности войско. У командира, лидийца Фарнуха, было всего 60 конных гвардейцев, 800 конников-наемников и 1500 пеших наемников.

Укрепления на реке Александр занял сам. По пути он был ранен случайной стрелой в ногу. За три дня он вновь взял пять из семи фортов, а затем наступила очередь и главного укрепления, Кирополя. После этого, раздраженный проявлениями враждебности заречных кочевников, Александр совершил блестящий с тактической точки зрения рейд на их территорию. Во время этой вылазки Александр неосторожно выпил грязной воды и вернулся обратно за Сырдарью, страдая гастроэнтеритом.

Вслед за этим начались новые, более крупные неприятности. Дождавшись прихода Фарнуха с его небольшим войском, Спитамен отступил от Мараканды и, ловко маневрируя, заманил противника на дикие земли за Зеравшаном, населенные массагетами. Здесь македоняне попали в засаду, были окружены и почти все перебиты. Спаслись только 300 пехотинцев и 40 всадников. Спитамен же вернулся и возобновил осаду Мараканды. Услышав этот грустный рассказ от оставшихся в живых воинов, Александр под страхом смерти запретил им кому-либо об этом рассказывать. Стало ясно, что Спитамен – самый опасный противник Александра со времен наемника Мемнона.

Македоняне перешли Сырдарью, Голодную степь и через Зеравшанскую долину за четыре дня дошли до Мараканды, пройдя около 160 миль. При их появлении Спитамен быстро снял осаду и отступил в пустыню. Сначала Александр хотел было его преследовать, но потом оставил эту бесполезную затею. Он перешел назад через Амударью и отвел войско на зимние квартиры (329—328 гг. до н. э.) в Зариаспе. Той же зимой прибыли с морского побережья долгожданные пополнения, в основном наемники, и с ними такие командиры, как Асандер, брат Пармениона, и Неарх, друг детства Александра. Неарх стал одним из гвардейских командиров; об Асандере в дальнейшем не было сведений.

Прежде чем продолжить поход, Александру предстояло управиться со Спитаменом. Ранней весной 328 г. до н. э. царь взялся за это трудное дело, оставив в Бактрии Кратера с четырьмя отрядами. Когда, при переходе через Оксус, воины готовились установить шатер для Александра, они обнаружили в этом месте два потока, водный и нефтяной. Прорицатель Армстандр истолковал это как знак трудностей на пути к победе. Царь разбил войско на пять мобильных отрядов под собственным началом и под началом Гефестиона, Птолемея, Пердикки и Кена. Они стали прочесывать всю область, гася местные очаги сопротивления и поддерживая связь с укреплениями. Такая же система около этого времени была использована в Западной Бактрии (Маргиане).

Они захватывали существующие укрепления и строили новые в горах, на небольшом расстоянии одно от другого.

Между тем Спитамен находился за пределами досягаемости Александра, среди кочевников-массагетов, где собирал большое конное войско. Для наблюдения за ним царь послал Кена и Артабаза, но Спитамен без труда ускользнул от их разведчиков, вторгся с юга в Бактрию и опустошил область Бактры, рассеяв македонских ветеранов, пытавшихся ему помешать. Узнав об этом, Кратер со своими людьми бросился в погоню за Спитаменом и настиг его отряд на краю пустыни. Произошла схватка, в которой погибли 150 массагетов. Но остальные, включая самого Спитамена, как обычно, исчезли в степи, и Кратер считал нецелесообразным их преследование.

Обстановка при дворе царя накалилась. То, что казалось небольшой кампанией, переросло в затяжную войну. Обострились отношения между ветеранами Филиппа и восточно ориентированными греческими придворными Александра. Во время одного из пиров у людей развязались языки, поговорка «истина – в вине» нашла свое подтверждение.

Александр, подстрекаемый подхалимами, расхвастался своими свершениями. Лъстецы сравнивали подвиги царя с подвигами Геракла. Возможно, это делалось специально, чтобы спровоцировать недовольство старой гвардии. Во всяком случае, Клит, раздраженный и этой лестью, и ориентализмом самого царя, заявил, что подобные речи – кощунство. Александр, услышав это, был уязвлен.

Между тем его лъстецы начали всячески принижать достижения Филиппа, чему сам царь не препятствовал. Клит же стал ревностно защищать Филиппа, «поставив его достижения выше новых побед». Это, как пишет Курций, «привело к спору между старшими и младшими воинами». Но дело было не только в возрасте. Речь шла о серьезных противоречиях – между ориентализмом и национализмом, между простотой и хитростью, между свободой речи и льстивым конформизмом.

Сам Александр подлил масла в огонь, предоставив слово греку-певцу, который выступил с насмешливой песней, задевавшей достоинство некоторых (неназванных) македонских военачальников, недавно потерпевших поражение. Клит, не стерпевший этого, закричал, что постыдно перед лицом врагов и варваров оскорблять македонян, которые гораздо лучше тех, кто над ними смеется, пусть их и постигло несчастье. В ответ царь заметил, что именовать трусость несчастьем довольно странно.

– Эта моя, как ты ее называешь, трусость спасла твою жизнь при Гранике! – закричал Клит. – Это благодаря крови и ранам македонских воинов ты вознесся так высоко, что теперь, забыв о Филиппе, ты называешь своим отцом Амона.

Ответ Александра был показателен:

– Ты ведь всегда обо мне так говоришь, верно? Вот где источник раздоров между македонянами. Не думай, что это пройдет тебе даром.

– Послушай, Александр. – Клит намеренно называл царя просто по имени, как это было принято при Филиппе. – Разве уже сейчас мы не поплатились? Какую награду мы получили за все наши труды? Те, кто

пал в бою, оказались самыми счастливыми – они не дожили до того времени, когда македонян начали сечь мидийскими розгами или они вынуждены идти на поклон к персам, чтобы получить доступ к собственному царю.

При этих словах поднялся страшный шум, а царь, который, может быть, не был так пьян, как притворялся, насмешливо заметил, обращаясь к двум грекам-придворным:

– Не чувствуете ли себя вы, греки, среди македонян, словно полубоги среди зверей?

В общем шуме Клит, вероятно, не расслышал последних слов царя, который, возможно, и хотел его спровоцировать. Старый воин заорал, что Александру следовало бы или высказываться без обиняков, или не приглашать на пир свободных людей, говорящих то, что они думают, а только рабов и варваров, готовых поклоняться его персидскому поясу и белому хитону.

Придя в ярость, Александр швырнул в Клита первый попавшийся предмет (им оказалось яблоко) и стал искать свой меч, который предусмотрительно ото двинул в сторону один из его гвардейцев. Близкие друзья царя, Пердикка, Лизимах, Леоннат, окружили его, чтобы насильно заставить сесть. Александр яростно сопротивлялся и кричал, что это – заговор, что его предали, как и Дария. Клит же, выведенный из зала, но вошедший в другую дверь, успел процитировать стих из «Андромахи» Еврипида: «Какой плохой обычай есть у эллинов...» Александр прекрасно понял, о чем идет речь. Дальше следовали строки:

И разве воинская слава тем досталась,
кто трудами заслужил ее?
О нет, военачальник некий, воин лишь один из тысячи,
Себе присвоил честь и славу воинства.
Подобные кичливые властители превыше всех людей себя поставили.
Но ведь они – ничто.

Александр вскочил, выхватил копье у одного из охранников и поразил Клита, убив его на месте. Движимый внезапным раскаянием, Александр извлек копье из тела старого товарища и попытался пронзить им себя, но его друзьям удалось воспрепятствовать этому. После этого царь заперся в своих покоях и пробыл там три дня, не принимая ни пищи, ни питья. Трудно сказать, когда искреннее горе перешло в этом случае в рассчитанную игру. Известен только результат. Приближенные Александра действительно испугались, что он может умерить себя голодом, оставив их без вождя в дальней варварской стране, и сделали все, чтобы изменить его настрой.

Царь стремился к абсолютной власти, основанной на поддержке своего окружения, и несомненно продвинулся к своей цели. Македоняне, угадав желание Александра, вынесли решение, что Клит был «казнен по справедливости», будто бы за измену. Убийство Клита задним числом получило законное обоснование, а приближенным удалось уговорить Александра принять пищу. Но все же все, присутствовавшие на том роковом пиру, знали: Клит был убит именно за открытое порицание царя.

Между тем Александр провел уже две кампании в Бактрии и Согдиане, а реальных результатов не было. Спитамен оставался неуловимым. Царь принял решение покончить с этим к весне, чтобы больше не откладывать намеченного вторжения в Индию.

Произошли важные административные перемены. Александр сам, вместо Клита, принял командование конной гвардией. Большая часть армии разместилась на зимних квартирах в Наутаке, а Кен, с двумя отрядами фаланги и частью конницы, был послан прикрывать северо-западную границу. Система укреплений, созданная Александром, начала приносить свои плоды. Спитамену все труднее становилось находить продовольствие и коней, не говоря уже о безопасном убежище. Наконец в отчаянии он собрал около 3000 массагетских конников, чтобы совершить прорыв (как и предвидел Александр).

Кен с профессиональным искусством рассеял эту большую, но плохо организованную орду, почти без потерь уничтожив 800 врагов. Спитамен, чей престиж был подорван этим позорным поражением, бежал в пустыню. Массагеты же, узнав, что на них идет сам Александр, убили беглеца, а его голову отослали царю в знак желаяния мира. Их соседи, даи, узнав о случившемся, выдали македонянам ближайшего помощника Спитамена, заслужив прощение царя. После гибели Спитамена прекратилось всякое организованное сопротивление в этом районе. Но на юго-востоке, в горном районе между нынешним Таджикистаном и Бадахшаном, еще продолжалось сопротивление, организованное четырьмя местными вельможами. Поэтому македонское войско выступило в новый поход после всего двухмесячного отдыха на зимних квартирах. В начале января погодные условия были очень тяжелыми. Около 2000 воинов замерзло или умерло от пневмонии. Первая крепость на их пути именовалась Согдианским Утесом. Местный вельможа Оксиарт разместил там до 30 000 человек. Провизии в крепости было запасено на два года. Глубокий снег не только мешал продвижению македонян, но и обеспечивал защитникам обильные запасы воды. Сами они считали свою крепость на скале совершенно неприступной.

Когда Александр предложил им во время переговоров безопасное возвращение по домам в обмен на сдачу крепости, они с грубым смехом отказались, заявив, что Александру придется найти крылатых воинов, а иные солдаты не причинят им беспокойства. Репутация царя должна была заставить их дважды подумать, прежде чем бросать такой вызов. Он сразу же решил отобрать в своем войске опытных людей, умеющих ходить по горам. Таких набралось человек 300. Он предложил добровольцам взбираться по дальней стороне скалы, пообещав щедро наградить первых двенадцать человек, которые поднимутся на самый верх. Достигнув вершины скалы над крепостью, они должны были помахать белыми флагами.

Вооружившись канатами и железными копьями, альпинисты начали свой тяжелый и опасный подъем в ночное время. Но рано утром они уже просигналили с вершины белыми флагами.

Александр послал к защитникам крепости герольда с сообщением, что они, если посмотрят вверх, увидят тех самых «крылатых воинов». На людей Оксиарта этот театральный эффект произвел такое впечатление, что они тут же капитулировали, хотя их было примерно в сто раз больше, чем альпинистов, а главные силы противника еще не могли добраться до вершины. Психологически верный маневр достиг цели. Потом Александр женился на Роксане, дочери Оксиарта, а тесть помог ему подавить сопротивление в остальной Согдиане.

Александр и сам понимал неустойчивость своих успехов. Для укрепления своих позиций он принял ряд мер. Прежде всего то была система пограничных укреплений, «Александрий», ставших потом городами. Включая поселения на месте будущего Мерва, в Термезе и Александрию Крайнюю (Ленинабад). Кроме того, значительные подкрепления (около 16 000 человек в 328 г. до н. э.) позволили размещать усиленные гарнизоны. У Аминты, нового сатрапа Бактрии, было 10 000 одних пехотинцев. Но главный шаг в этом смысле, показывавший, что Александр перенял опыт Филиппа, состоял в том, что царь отобрал 30 000 местных юношей для изучения греческого языка и дальнейшего военного обучения по македонскому образцу. Эти рекруты должны были пополнить ряды воинов и командиров фаланги, а на время намеченного похода на Индию и к океану они были бы прекрасными заложниками. В беседах со старшими офицерами Александр и говорил об этих «преемниках» как о заложниках, но македонское командование явно опасалось конкуренции со стороны этих варваров. Александр стремился всячески уменьшить македонское влияние в своем государственном аппарате. Старые гвардейцы постепенно сходили со сцены, а в царской администрации рос удельный вес персидской знати. Вместе с тем ему приходилось считаться и с офицерским корпусом – ведь македоняне были лучшими воинами и командирами фаланги.

Самым ярким примером раскола в придворных кругах было отношение к проскинесу – земному поклону царю. Для персов это был обычный придворный этикет. Греки же совершали его только в знак

почитания богов; поэтому они рассудили, что великого царя персы признавали, таким образом, божественным. Было бы логично, рассуждали придворные льстецы, если бы и Александр получал такие же сакральные почести.

С персидской точки зрения признание Александром проскинеса означало бы признание законности его собственных царственных прав. С другой стороны, было много случаев, когда македонские военачальники, от которых Александр зависел, презрительно смеялись над этим придворным ритуалом. После многих споров проект введения этого ритуала был пересмотрен, и Александр с близкими друзьями создали новый, в более умеренной форме. Но, как и в первый раз, этому помешало противодействие Аристотелева племянника Каллисфена, отражавшего и настроения македонской знати. На этот раз противостояние Александру стоило Каллисфену жизни.

Земли за Индом

Представления Александра об Индии были не очень определенными. В современной ему Греции считалось, что это полуостров, ограниченный с севера Гиндукушем, а с востока – великим Мировым океаном, который, как полагали греки, начинается недалеко от Синдской пустыни. Об огромном индийском субконтиненте, не говоря уже про Китай и Юго-Восточную Азию, им практически ничего не было известно. Плохое знание географии Индии составляло основу неверных представлений самого Александра, на которых он строил в этом случае свою стратегию. Огромная Гангская равнина самим фактом своего существования смогла нарушить его планы лучше, чем это мог бы сделать противник.

Об Индии кое-что писали Геродот, Сцилак, которого Дарий отправил изучать индийские торговые пути, а также Ктесий, греческий врач при персидском дворе. Но если Александр и был знаком с их писаниями (что вполне возможно), то они не могли особенно пополнить его знания. К IV в. до н. э. Персия уже отказалась от стратегических интересов в Индии, и, даже будучи еще официально частью империи, заиндские земли оставались в значительной мере «терра инкогнита», страной легенд. Стремление Александра завоевать эту таинственную страну чудес основывалось как на чистом любопытстве, так и на стремлении в своем завоевательном походе пройти в буквальном смысле до края земли.

Численность армии Александра, которая весной 327 г. до н. э. снова пересекла Гиндукуш, очень трудно установить. Македонян в этом войске, как считается, было до 15 000, в том числе 2000 конников. Всего кавалерия, по разным данным, насчитывала от 6500 до 15 000 человек. Численность пехоты, по разным оценкам, колеблется еще больше – от 20 000 до 120 000. Эта орда преодолела путь от Кушанского перевала до бактрийской Александрии всего за десять дней. Еще в Бактрии к Александру присоединился один индийский раджа, Сасигупта, перебежчик от Бесса, от которого можно было получить полезные сведения. Царь отправил посольство к радже Таксилы и «индусам, живущим к западу от Инда», с просьбой явиться на соединение с ним в Кабульской долине. Раджа и еще несколько князьков явились к Александру в согласованное время, с дарами и двадцатью пятью слонами. Слоны очень понравились Александру, и индийцев удалось уговорить подарить ему этих зверей. Впрочем, у таксильского раджи были весомые причины для союза с Александром – македоняне могли помочь радже в борьбе с его могущественным соперником Пором, чье царство находилось за рекой Гидасп.

Александр снова разделил свое войско. Гестеион и Пердикка с большей частью конницы, частью пехоты и обозом должны были, как сообщает Арриан, через Киберский перевал выйти к Инду, чтобы самым должным образом подготовиться к переправе. Александр же вместе с Кратером отправился в поход вдоль реки Кунар, чтобы пройти горную область Баджаур и Сват, подавив по пути возможные очаги сопротивления противника. Оба войска должны были вновь соединиться у Инда.

Для Александра и его людей эта кампания оказалась очень трудной. Большая часть крепостей на их пути оказывали македонянам ожесточенное сопротивление. В отместку они, взяв город, истребляли жителей. В Масаге были уничтожены 7000 индийских наемников с женами и детьми. Пройдя с боями Кунар и Баджаур, македоняне повернули на север, войдя в лесистую горную область. Первый же город здесь сдался почти без боя. Он назывался Нисой, что у греков ассоциировалось с именем Диониса. Духу этого божества, по-видимому, отвечала гора, находившаяся неподалеку от этого города, где в изобилии рос не только виноград, но и плющ (на востоке они больше нигде не встречали этого растения). Александр и его воины, взобравшись на вершину, устроили там десятидневное вакхическое празднество. Как сообщает Курций, «близлежащая долина оглашалась криками тысяч людей, взывавших к богу вина».

За этим последовал захват Александром крепости, которую Арриан называет Аорном (может быть, от

санскритского «аварана» – убежище). Эта крепость стояла в горах Пир-Сар, над излучиной Инда, на высоте около 5000 футов над уровнем моря. Крепость располагала большими запасами воды, а путь к ней был крутым и труднопроходимым. Местная легенда рассказывала, что даже один из богов (македоняне отождествляли его с Гераклом) безуспешно пытался взять эту твердыню. Александр, конечно, пожелал сам захватить эту крепость.

Соединившись с Гефестионом у Охинда, в шестнадцати милях за Аттоком, Александр решил приступить к этому Геркулесову деянию. В конце концов ему удалось взять крепость, проявив, по выражению сэра Орела Стейна, «энергию, искусство и храбрость, достойные скорее легендарного героя». Чтобы переправить стенобитные и метательные машины через ущелье, Александру пришлось соорудить деревянный виадук. Когда эта задача была выполнена и машины заработали, началось бегство защитников крепости. Отряду македонян удалось добраться до вершины, и Александр овладел горной крепостью, которая будто бы стала камнем преткновения для Геракла.

Оставив в Аорне Сасигупту с гарнизоном, Александр занялся разведывательными действиями. Его людям было приказано опрашивать местных жителей, причем особенно интересовала Александра информация о боевых слонах.

Большинство индусов бежало за Инд. Люди Александра захватили тринадцать брошенных слонов, и царь присоединил их к уже имеющимся. Построив плоты, македоняне, вместе со слонами, переправились вниз по реке к Охинду. Механики Александра уже соорудили мост, а Гефестиону удалось собрать большое количество лодок и мелких судов. От раджи Таксилы прибыли богатые дары, в сопровождении отряда из 7000 конников. Раджа также обещал сдать македонянам свою столицу Таксилу, самый большой город между Индом и Гидаспом, прежний центр персидской сатрапии.

В марте 326 г. до н. э. Александр дал, наконец, своему войску месячный отдых. Затем его армия переправилась через Инд и двинулась в Таксилу. Раджа торжественно встретил македонян во главе своего войска, в которое входили и боевые слоны. Однако Александр, после превратностей трудной кампании, заподозрил возможную ловушку. Это само по себе говорит о его душевном состоянии в те дни. Раджа с войском находились в пяти милях и шли на виду у македонян, так что устроить какой-то подвох было едва ли возможно. Раджа, заметив волнение, начавшееся среди македонян, и поняв его причину, поскакал вперед галопом, вместе лишь с небольшим отрядом приближенных, чтобы предстать перед Александром и по всей форме заявить, что он признает себя союзником и вассалом царя. Александр тут же утвердил раджу в его суверенных правах в Таксиле.

В Таксиле войско Александра провело два-три месяца, что было с его стороны большой ошибкой. В июне, ко времени возобновления похода, начался сезон муссонных дождей. Лучше всего было использовать это время для попыток дипломатического соглашения с царем Пором и с раджей Кашмира Абисаром. Александр, конечно, представлял себе сложившееся положение, и оно не могло ему нравиться.

РАЙОН ГИДАСПСКОЙ БИТВЫ

В апреле, сразу после прибытия послов из Кашмира, Александр направил собственное посольство к Пору. Царю предлагалось встретиться с Александром у пограничной реки Гидасп и заплатить македонскому правителю дань в знак признания вассальной зависимости. Ответ был таким, какого Александр, конечно, не желал, хотя и предвидел это. Пор готов был встретиться с Александром у Гидаспа, но во главе армии, чтобы воевать за свое царство. По данным разведки, у индийского владыки было до 4000 конницы, около 50 000 пехоты, 200 слонов и 300 боевых колесниц.

Александр начал действовать безотлагательно. Прежде всего ему нужны были средства для переправы. Таксила находилась далеко от судоходных рек, а строительство кораблей было долгим делом. Поэтому Кен получил указание вернуться на Инд, разобрать на части понтонный мост и лодки, привезти все это по земле на повозках, запряженных быками, к Гидаспу, чтобы затем снова собрать мост.

В начале июня пошли дожди, и через несколько дней Александр повел свое войско к югу на битву с Пором, под нескончаемыми ливнями, которые продолжались два с лишним месяца. Пройдя через Нанданский перевал, он повернул на юго-запад и вышел к Гидаспу в районе Гаранпура, пройдя 110 миль от Таксилы. Александр знал от разведчиков, что это одно из мест, где можно рассчитывать перейти реку вброд под проливным дождем.

Понятно, что и Пор думал о том же. Когда Александр достиг Гаранпурского брода, он увидел на противоположном берегу большой неприятельский лагерь. Особую опасность представляли слоны Пора. Восемьдесят пять боевых слонов охраняли противоположный берег. К тому же река от ливней стала бурной и разлилась на полмили в ширину.

Переpravляться через реку при таких условиях казалось смертельно опасным. Все это походило на тупик. К тому же сам Александр стремился создать такое внешнее впечатление, распорядившись подвозить к лагерю на бесчисленных повозках зерно и другое продовольствие на виду у противника. Таким путем он надеялся убедить Пору, что македоняне собираются ждать окончания ливней, когда река станет доступной для переправы. Вместе с тем македоняне продолжали искать возможность немедленного начала боя.

Время, однако, шло, а нападения все не было, и Пор стал обращать все меньше внимания на отвлекающие маневры Александра, на что тот, собственно, и рассчитывал. Между тем македонские

разведчики продолжали выбирать подходящее место для переправы, в частности, в районе Джалапура, где они нашли то, чего Александр и желал, – большой лесистый остров, отделенный от берегов лишь двумя узкими протоками, а на ближайшем берегу – углубление, в котором можно было незаметно разместить часть войска и собрать лодки. Так как царь принял решение форсировать Гидасп под покровом ночи, то в македонском лагере каждую ночь зажигали костры и устраивали шумные маневры. Пор сначала принимал все это всерьез, но постепенно расслабился и перестал обращать на это особое внимание.

Александр тем временем узнал, что Абисар находится милях в пятидесяти, с войском не меньшим, чем у Пора. Дать им возможность соединиться было нельзя, и Александр понял, что надо решать вопрос в ближайшие сорок восемь часов. Суда македонской флотилии были оттранспортированы к Джалапуру и собраны по частям в прибрежном углублении. Царь срочно созвал старших командиров на совет, и был разработан план сражения. Значительная часть армии сначала была оставлена в основном лагере у первого брода под началом Кратера. У берега разместили царский шатер, откуда должен был в нужное время появиться македонский командир, очень похожий на Александра, в его царском плаще, чтобы противник решил, будто в этом лагере присутствует сам Александр.

На деле царь, во главе большого отряда, около 5000 конников и 10 000 пехотинцев, направился к Джалапурскому броду, чтобы к рассвету переправиться через Гидасп и напасть с юга на лагерь Пора. Еще один отряд из воинов фаланги и наемной пехоты и конницы должен был находиться между первым и вторым бродом и пересечь реку только после начала битвы. Кратер же со своими людьми должен был вступить в сражение только в том случае, когда сам Пор двинет главные силы на Александра и у переправы не останется боевых слонов или же если индусы начнут отступать. Таким образом, при любых маневрах Пора его войско оставалось уязвимым для нападения с тыла – или для самого Александра, или для Кратера.

Наступательные силы Александра включали в себя гвардию гетайров, три конных отряда под началом Гефестиона, Пердикки и Деметрия, два отряда фаланги под командой Кена и Клита Белого, отряд лучников, агриан, бактрийскую конницу и другие части, всего около 15 000 человек. Александру предстояло еще при свете дня вывести свой отряд из лагеря незаметно для противника, пройти больше семнадцати миль под проливным дождем и переправить свое войско, включая лошадей, еще до рассвета, в дождливую и ветреную погоду.

На рассвете ветер и дождь стали уже не такими сильными, и македоняне начали переправу, все еще не замеченные разведчиками врага благодаря густому лесу на острове в месте переправы. Но когда они достигли противоположной его стороны, разведчики подняли тревогу и послали гонцов к Пору. Тут Александр сделал серьезную ошибку. Он со всем войском высадился на берегу, но оказалось, что это не берег реки, а еще один большой остров у самого берега. Македонянам удалось найти брод, но переправить такой большой отряд можно было лишь за несколько часов, а Пор, безусловно, воспользовался бы этим в своих интересах.

Пор не мог определить точно, совершает ли Александр очередной маневр или это настоящая атака, но он сразу послал туда своего сына с отрядом в 2000 человек и 120 колесниц, чтобы помешать высадке противника. Конница царевича уступала отборной македонской кавалерии, к тому же македонян было значительно больше. После недолгого боя индусы побежали, потеряв четыре сотни убитыми, в числе которых был и сын Пора. Колесницы увязли в грязи, и их пришлось бросить.

Получив известие о поражении и гибели сына, Пор некоторое время колебался. Кратер со своими людьми всю готовился к переправе, и опять-таки было не вполне понятно, не обманной ли это маневр. Все-таки индийский царь принял верное решение – главное столкновение предстоит именно с отрядом Александра. Оставив часть людей вместе с боевыми слонами у первого брода, против Кратера, Пор с

основным войском направился вверх по реке, чтобы вступить в битву. Теперь (с учетом потерь) у него было примерно 2000 конников, 20 000 пехотинцев, 130 слонов и 180 колесниц.

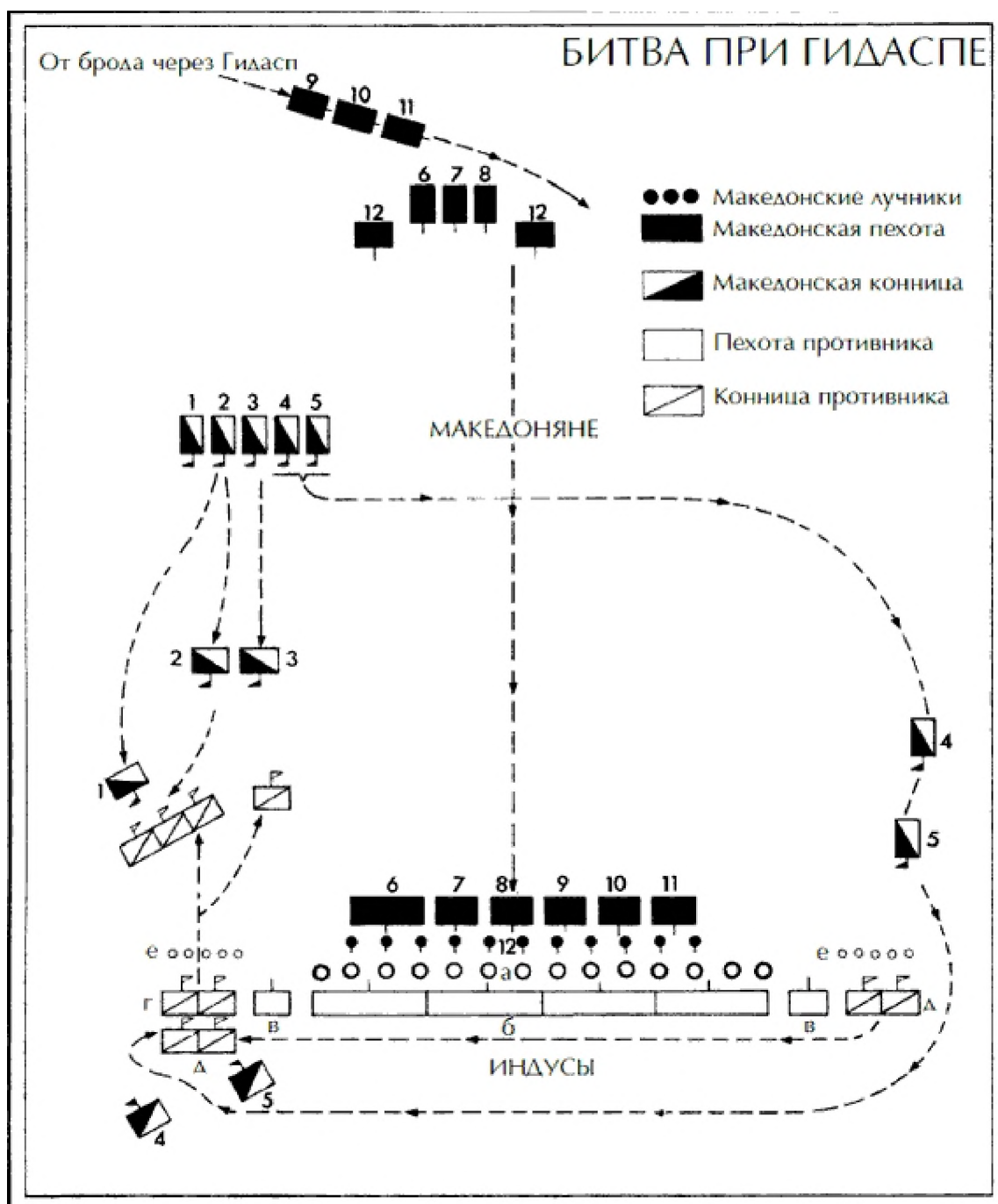
Пор старался выбирать дорогу по песчаной земле, где не было жидкой грязи, чтобы могли пройти конница и боевые слоны. Пехоту он вел широким фронтом, боевые слоны при этом находились на расстоянии ста футов друг от друга. По флангам располагались конница и боевые колесницы. Индийское войско растянулось почти на четыре мили в длину.

Чтобы одержать победу, Александр разработал особую стратегию. Если начать кавалерийскую атаку на левый фланг индусов, где у них будет численное преимущество, то Пор, в надежде победить, перебросит свою конницу с правого фланга на левый. Успех этого маневра зависел от того, удастся ли сделать так, чтобы Пор до нужного времени не заметил два резервных кавалерийских отряда. Кен, который ими командовал, получил задание, когда Пор начнет перебрасывать свою кавалерию, незаметно обойти его справа и ударить в тыл.

Фалангистам и гвардейцам было приказано вступить в бой только тогда, когда индийская конница и пехота уже начнут сражение с македонской кавалерией. Отдав такие распоряжения, Александр начал наступление. Индусов с левого фланга атаковали конные лучники (около тысячи), которым удалось вывести из строя большинство боевых колесниц Пора.

После этого сам царь начал атаку во главе македонской конницы. Раджа поступил так, как и ожидал Александр. С высоты своего боевого слона он быстро оценил силы македонской конницы и произвел переброску своей кавалерии справа на левый фланг. Кен сразу начал свой кавалерийский рейд в тыл противника. Индусы, уже вступившие в бой с Александром, обнаружили, что с тыла их атаковала конница Кена.

Воины фаланги, как они и опасались, столкнулись с ужасной силой, которую представляли собой разъяренные боевые слоны. По указаниям Александра воины окружали боевых слонов, обстреливали их из луков, метали дротики, убивая воинов-вожаков слонов, наносили мечами и топорами удары по хоботам и ногам животных. Слоны давили пехотинцев или, захватив хоботом, швыряли на землю. Когда конницу Пора удалось потеснить, слоны, стесненные на небольшом пространстве, начали давить своих, особенно от них пострадала конница.

Македоняне:

I – конные лучники;

гвардейская кавалерия: 2 – Гефестион; 3 – Пердикка; 4 – Кен; 5 – Деметрий; *б* – гипасписты; *фаланги*: 7 – Антитена; 8 – Клейта; 9 – Мелеагра; 10 – Аттала;

II – Горгия; 12 – агрианы, лучники, копьеносцы.

Индусы:

а – слоны; *б* – пехота; *в* – фланговая пехота; *г* – левофланговая кавалерия; *д* – правофланговая кавалерия; *е* – колесницы.

Пор сам возглавил последнюю атаку боевых слонов, но безуспешно. Македоняне уже знали, как обращаться с этими зверями. Они увертывались от слонов, как от огромных быков, постоянно обстреливая их самих и их седоков. Наконец слоны начали трубить и пятиться. Конница Александра окружала побитое войско Пора, а гвардия и фаланга получили приказ «наступить большой колонной, сомкнув щиты».

Последний этап битвы превратился в бойню, но македоняне после тяжелого сражения не были настроены на милосердие. Потери индусов, по разным оценкам, составили от 12 000 до 23 000 человек, из них до 3000 кавалеристов.

Пор сражался до конца. Увидев, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, он медленно поехал с поля боя на своем слоне, чувствуя слабость от потери крови (он был ранен дротиком в плечо). Александр, желая спасти жизнь «великого и храброго воина», отправил к нему для переговоров раджу Таксилы, что было дипломатическим просчетом: этот посланец был для Пора предателем, и раненый махараджа попытался поразить его копьем. Александр нашел более подходящего посланца. Пор, ослабленный раной и жаждой, на этот раз спустился на землю и вскоре был доставлен к Александру. Когда Александр спросил Пору, как, по его мнению, следует с ним обойтись, достойный воин ответил: «Как с царем». Когда Александр спросил Пору, желает ли тот чего-нибудь еще, махараджа ответил: «В первом пожелании заключено все».

Битва при Гавгамелах была труднее, и от ее исхода зависело гораздо больше. Но в сражении при Гидаспе Александр, как никогда прежде, проявил тактическую изобретательность. Сверх того, его армия воевала в отвратительных погодных условиях и, что еще хуже, – столкнулась с индийскими боевыми слонами. После этой страшной борьбы нервы его людей были истощены, и никакие увещевания царя не могли бы их заставить снова вступить в бой со слонами. Может быть, только те, кто бывал в Индии во время сезона дождей, могут понять, какое влияние оказывает вся обстановка на боевой дух войска. Когда любое металлическое оружие, будь то меч или винтовка, ржавеет через пять-шесть часов после полировки, когда ткань или кожа покрываются плесенью и гниют, когда земля под ногами превращается в болото, а сами воины страдают от того, что у них постоянно промочены ноги, от духоты и москитов, то (будь это во времена Александра или в Новое время) среди воинов зреют недовольство и желание во что бы то ни стало вернуться на родину.

Рыцарское обращение Александра с Пором послужило причиной того, что индусы стали рассматривать его как «дхармавиджи» – «завоевателя по праву». Александр, само собой, искренне восхищался побежденным противником, но видел в нем к тому же важного союзника, который может поставить хороших воинов. Это был и некий «противовес» радже Таксилы. Организовывая торжественное примирение двух правителей, Александр при этом имел в виду, что они станут следить друг за другом.

Около этого времени скончался от ран и от старости Буцефал. Александр с почестями похоронил своего верного боевого коня, сам возглавив процессию. Один из двух городов, основанных на месте битвы, он назвал Буцефалией.

Сделав Пору своим вассалом, Александр надеялся с помощью двух гарнизонов контролировать его деятельность. Он беспокоился напрасно: Пор, человек чести, оплатил Александру за его доверие верностью в течение всей его жизни.

К этому времени Александр, должно быть, уже понял из бесед с обоими раджами и индийскими чиновниками, насколько абсурдны были его прежние представления о расположении Океана. Источники утверждают, что понимание истины пришло к нему, только когда его войско взбунтовалось у реки Гифасис (Беас). Однако это совершенно не похоже на Александра. Скорее всего, он сам уже знал правду, но скрывал ее от своих людей, опасаясь последствий для их и без того понизившегося боевого духа.

Александр старался, чтобы ненужная информация об этом по возможности не просочилась в его армию. Его агитаторы всячески преуменьшали трудности, связанные с предстоящей кампанией. Кроме того, Александр распространил слух, будто Гидасп и соседняя река Ченаб (Кенаб) таинственным образом связаны с водами Нила, поскольку там тоже водятся крокодилы, а по берегам растут египетские бобы.

Александр, конечно, хорошо знал Геродота. После покорения Индии его следующей целью стали бы Аравийский полуостров и Персидский залив. Там были леса, богатые елью, сосной, кедром и другой корабельной древесиной. Кратер получил задание строить большой флот. Но сообщать войску о том, насколько длительный и опасный предстоит поход, Александр считал нежелательным.

Очевидно, только утечка нежелательной информации заставила Александра прекратить эту игру. Он возобновил поход в июле, до окончания сезона дождей, что было психологической ошибкой. Македоняне пересекли реки Ченаб и Рави, покорив местные племена. Город Сангалу они сровняли с землей. Дождь все лил и лил, воздух был туманным и промозглым. Ветераны Александра уже не были теми юными искателями приключений, которые восемь лет назад вышли из Пеллы. Они прошли более 17 000 миль и принимали участие во всех мыслимых битвах и осадах. Редко кто из них не пострадал. Когда воины подошли к разлившемуся от дождей Гифасису, между ними распространились дикие слухи о земле и людях, живущих за рекой. Говорили, что в двенадцати днях пути есть еще одна большая река (вероятно, Сутледж), за которой живут многочисленные свирепые племена, у них есть боевые колесницы и, что самое страшное, боевые слоны.

К тому же было известно, что Гифасис – восточная граница империи Дария. До сих пор Александр, по крайней мере, мог заявлять, что, как преемник Дария, ведет войну за провинции, принадлежащие ему по праву. Но, перейдя через Гифасис, войско его встало бы перед перспективой военного похода, который мог неизвестно когда закончиться. Это был бы буквально поход на край света. Неудивительно, что ветераны взбунтовались, и только харизма их вождя была причиной того, что этого не случилось давно.

Но Александр рассудил по-другому. С помощью политики кнута и пряника он до сих пор поддерживал верность своего войска – почему бы не попробовать это сделать снова? Прервав поход, царь дал всем воинам отдых и разрешение грабить близлежащие селения. Однако он ошибся в своих ожиданиях. Вернувшись с богатой добычей, его воины снова не выразили желания идти в новый поход.

Тогда Александр собрал на секретное совещание старших военачальников. Сложность положения заключалась в том, что теперь царь больше нуждался в своих македонских воинах, чем они в нем, и они, конечно, понимали это. Александр заверил свою скептическую аудиторию, что неизвестное всегда кажется людям более страшным, чем оно есть на самом деле, что реки на Востоке не так широки, а туземцы не так свирепы и многочисленны, как о них говорят. Что касается слонов, то македоняне однажды уже победили их, а значит, победят и снова. Главное же – конец пути уже близок. Очень скоро они достигнут Ганга и Восточного океана. Повернув же назад, они рискуют потерять все, что уже обрели.

Александр ответил молчанием, когда же он несколько раз потребовал ответа, то Кен, уже старый и, видимо, пораженный последней болезнью, храбро попытался сообщить царю правду. Ветераны, сказал он, страшно устали и не могут больше выносить тяготы военных походов. Это выше человеческих сил. Они хотят только вернуться домой, пока еще не поздно. Александр же в Греции может набрать новых, молодых воинов. «Государь, – заметил Кен, – человек, всегда добивающийся успеха, должен прежде всего знать, когда надо остановиться».

Разгневанный царь отослал собравшихся. На другой день он снова созвал их, попробовав еще один ход. Александр сказал, что он сам пойдет дальше, вместе с многими желающими, даже если его слушатели откажутся это сделать. Они же могут, если хотят, вернуться домой и сказать людям, что они оставили своего царя среди врагов. Затем Александр удалился в свой шатер (как после убийства Клита) и два дня

никого не принимал.

На этот раз он не достиг ожидаемого результата. Воины не изменили своего настроения. Они были профессионалами и знали, что заменить их нельзя. На третий день, не видя ожидаемого раскаяния, Александр вышел к войску и объявил, что по-прежнему намерен идти дальше, но хочет совершить жертвоприношение в надежде на благоприятные знамения, касающиеся нового похода. На этот раз, однако, знамения были неблагоприятными, и это было неплохой возможностью сохранить лицо. Одно дело – отступить под давлением, другое – покориться божественной воле. На берегу реки были сооружены алтари в честь всех олимпийских богов, после чего Александр решил повернуть обратно к Гидаспу.

Как только об этом решении стало известно, толпа воинов, смеющихся и плачущих от радости, собралась вокруг палатки царя, призывая на него благословение богов за такое милосердное решение.

Если Александру и хотелось когда-нибудь собственной рукой перебить всех своих военачальников, то, скорее всего, в эту минуту. Он не забыл ни своего отступления у Гифасиса, ни его виновников. Александр, очевидно, решил превратить в ад для всех долгий путь домой, и, судя по всему, добился своего.

Глава 10

Сколько миль до Вавилона?

Обратный путь Александра и его войска начался осенью 326 г. до н. э. Еще во время стоянки при Ченабе прибыло посольство от Абисара с 30 слонами и другими редкостными дарами. И на этот раз раджа Кашмира лично не прибыл, ссылаясь на болезнь (очевидно, это была не просто отговорка, так как через год он скончался). Александр же не только принял извинения раджи, но и утвердил его в качестве правителя провинции. Он вовсе не был расположен обострять сейчас отношения и идти на конфликт. Прекращение продвижения в Северной Индии произошло по обстоятельствам, не зависящим от самого Александра. Чтобы избежать лишних хлопот, лучше всего было всю завоеванную землю до Гифасиса просто объявить частью царства Пора. Как это ни парадоксально, Пор теперь стал даже более могущественным, чем до поражения при Гидаспе.

Ко времени возвращения на Гидасп Кратер уже успел подготовить флотилию для Александра. Она состояла из 80 тридцативесельных кораблей, 200 средних и 800 вспомогательных судов, не считая множества плотов и лодок. Команды были набраны из добровольцев-финикийцев, киприотов, египтян – участников экспедиции. Из Греции, Фракии и Вавилона прибыло также новое пополнение – 30 000 пехотинцев и 6000 всадников. С вавилонским контингентом, отправленным Гарпалом, прибыли также долгожданные медикаменты и 25 000 доспехов, инкрустированных серебром и золотом.

Несмотря на сказочные богатства Индии, Александр не обрел богатой добычи за время восточного похода. Его собственные расходы, не в последнюю очередь – на подкуп и подачки, были очень велики. Только расходы на еду достигали 10 000 драхм в день: он никогда не обедал в обществе менее чем 60–70 соратников. Александр мог позволить себе такой образ жизни: сокровища Дария сделали его богатейшим владыкой в мире. Однако ко времени окончания индийской кампании Александр снова, как некогда в Македонии, ощущал известный недостаток в средствах.

Но персидская казна не поступила в Индию. Между тем, если семь с лишним тысяч людей Гарпала смогли доставить 25 000 доспехов, они с таким же успехом могли доставить и золотые слитки. Вероятно, у самого Гарпала были другие, личные планы насчет золота. До Александра уже доходили тревожные слухи о его казначее. Говорили, что Гарпал, который прежде занимался только разведением экзотических растений, почувствовал вкус золота и открываемые им возможности. Он вызвал к себе из Афин известную куртизанку, на которую щедро тратил золото Александра. Говорили, будто Гарпал – щедрый, любящий покровитель. Его новая пассия, Гликера, жила как принцесса во дворце в Тарсе.

Неизвестно, что стояло за всеми этими разговорами, но в 327–326 гг. до н. э. в Тарсе началась чеканка серебряной монеты без всяких признаков того, что это монета Александра. Независимая чеканка монеты производилась также в Финикии и на Кипре. Распространились слухи, что Гарпал готовит мятеж против своего царя. Если бы Александр не вернулся из восточного похода (именно так полагали многие в Малой Азии), то Гарпал, благодаря огромным денежным ресурсам, оказался бы самым могущественным человеком империи. За пшеницу, отправляемую в Афины даром во время голода 330–326 гг. до н. э., Гарпал был удостоен почетного гражданства Афин. При поддержке греков он мог бы выступить против Антипатра. А если бы Александр возвратился с победой, Гарпалу также не помешала бы поддержка многочисленных друзей. В любом случае это почетное гражданство вовсе не было для него лишним.

Когда эти слухи впервые дошли до Александра, он заключил в тюрьму тех, кто передавал подобные

сведения. Однако подробный доклад от историка Феопомпа, кажется, убедил царя, что они, по крайней мере отчасти, соответствуют действительности. Даже и после этого Александр мог мало что предпринять по делу Гарпала до своего возвращения в Вавилон.

Перед отплытием флотилии вниз по реке Кен заболел и умер. Случайно или нет, но получалось так, что люди, пошедшие против воли Александра, редко жили долго после того, как вызвали его гнев. В это же время Пор был провозглашен царем всех подчиненных индийских территорий, кроме Таксилы. Но если в Таксиле Александр оставил своего представителя, чтобы следить за раджей, то Пор стал самостоятельным вассальным правителем, подчиненным непосредственно Александру, – степень его доверия к обоим раджам была разной.

Флот отплыл из Джалапура в ноябре 326 г. до н. э. Главным начальником флота был назначен Нearch, имевший под командованием до 1800 судов разных видов. На корабли должно было сесть прежде всего около 8000 воинов, включая гвардию и конницу гетайров. Остальное войско было разделено на три отряда под командованием Кратера, Гефестиона и Филиппа, нового сатрапа Таксилы. Гидасп в этом месте был не менее двух с половиной миль в ширину, что достаточно для прохождения сорока весельных судов в один ряд. Вероятно, это было впечатляющее зрелище.

Флот шел медленно, не более пяти миль в день, с частыми остановками. Кратер двигался вперед вдоль правого берега, а Гефестион – вдоль левого, что было нелишним, учитывая их сложные отношения. Филиппу сначала был вверен обоз, но потом он был отправлен в поход вдоль Ченаба, чтобы прикрывать левый фланг Гефестиона. Быстрое течение и водовороты сильно мешали продвижению флота. Однажды даже судно, на котором находился Александр, едва не затонуло, и царю, не умевшему плавать, удалось спастись только с помощью друзей. И все же флотилия дошла до пункта назначения, и Александр теперь имел основания утверждать, что, как и его герой Ахилл, выдержал бой с рекой.

После того как флот успешно прошел воды Ченаба, все экспедиционные силы воссоединились снова. Если до этих пор войско Александра практически не встречало сопротивления, то теперь поступили сведения, что два могущественных племени, мали (малавы) и оксидраки (вероятно, кшатрийцы), решили остановить дальнейшее продвижение македонской армии. По слухам, у них было до 100 000 воинов и 900 колесниц. Александр послал Нearchа с флотом вперед, для встречи в условленном месте, а сам, разделив войско на три мобильные группы, решил не дать мали соединиться с союзниками.

Тут ветераны Александра, поняв, что им предстоит не безопасное путешествие, а новая тяжелая битва, снова стали роптать. С помощью риторики и откровенной лжи («океан совсем близко, так что скоро они почувствуют запах моря, а племена, живущие здесь, женоподобны») Александру удалось их успокоить. Однако моральный дух воинов был по-прежнему низким. Александр оставался все тем же блестящим тактиком, он снова добился полной победы, пройдя за ночь пятьдесят миль по пустыне, но его люди дошли до критической точки. Как бывает со всеми боящимися боя и отчаявшимися воинами в мире, они начали драться почти со зверской жестокостью. Соответственно сопротивление, вдохновляемое кастой жрецов-браминов, стало более ожесточенным. Все это показало деморализацию прежде непобедимой фаланги Александра.

Два раза люди Александра отказывались карабкаться по осадным лестницам, пока сам царь не показал пример, устыдив их этим. Во втором случае он некоторое время стоял на стене один, как прекрасная мишень для стрелков. Потом он храбро, но совершенно безрассудно прыгнул вниз, прямо в неприятельскую крепость. Там Александр какое-то время стоял спиной к стене, защищенный с одной стороны большим деревом и готовый сразиться с нападающими врагами. Вскоре к нему присоединились еще три македонских командира – Леоннат, Певкест и гвардеец Абрей. Это были только первые – поступок царя произвел должное впечатление. Но вся эта толпа воинов мешала друг другу; они падали с лестниц, и

Александр с товарищами все еще не получил помощи от своих людей. Пока македонские воины снаружи пытались пробиться через боковые ворота, царь с тремя верными помощниками отбивались от множества нападавших. Абрей был убит стрелой, а затем длинная индийская стрела, пробив панцирь, попала Александру в грудь. Упав на одно колено, царь успел поразить мечом очередного врага, после чего потерял сознание. Певкест стоял над Александром, прикрыв его сакральным щитом и отбиваясь от нападающих. Но помощь была уже близко. Македонянам удалось, наконец, взять боковые ворота, и в крепость хлынула толпа разъяренных воинов, убивавших на своем пути всех – и мужчин, и женщин, и детей. Между тем Александра отнесли на щите в царский шатер и распространили слух, что он умирает. Извлечение стрелы было опасной операцией, а когда она была проведена, царь снова потерял сознание от большой потери крови.

Неделю Александр находился между жизнью и смертью. Преждевременные слухи о его гибели вызвали воодушевление среди индусов и уныние в стане македонян, которые не представляли себе иного вождя и опасались, что без него вовсе не смогут вернуться на родину. Никогда так не проявлялась как сила харизмы царя, так и слабости, связанные с ее действием на людей. Все созданное Александром теперь зависело от его физического состояния.

Как только к царю вернулось сознание, он обратился к войскам с письмом, в котором опровергал слухи о его смерти и обещал, что вернется к своим обязанностям, как только сможет продолжить путь. Однако психологическое состояние воинов было таково, что они отказались верить услышанному. Они решили, что это письмо – подделка военачальников, решивших таким образом поднять боевой дух. Узнав об этом, Александр понял, что только его личное появление перед войсками сможет восстановить пошатнувшуюся дисциплину.

Хотя он еще не оправился от раны, нужно было появиться в лагере. Александра на носилках отнесли к реке Рави, где его постель установили на высокой платформе на двух спаренных судах, чтобы она была видна с обоих берегов. Индусы тоже должны были понять, что Александр жив, и оставить свои пустые надежды. Когда это своеобразное судно достигло берега, Александра уже ждали носилки, но он, несмотря на то что был слаб, отказался от них и потребовал привести коня. Трудно себе представить то сверхусилие воли, с помощью которого Александр смог сесть верхом, после чего он шагом поехал в лагерь на виду у армии и при общем ликовании воинов. Неподалеку от своего шатра он сошел с коня и пошел пешком. Ветераны окружили царя и в сугубом ужасе дотрагивались до него руками, словно желая убедиться, что он – не привидение. По дороге его осыпали цветами. Затем Александр скрылся в шатре, где, после своего сверхнапряжения, очевидно, вновь потерял сознание. Даже его огромные физические возможности имели пределы, и есть основания думать, что он так и не изжил последствий своей тяжелой раны.

Друзья царя, обеспокоенные случившимся, говорили ему, что он вовсе не должен рисковать жизнью и геройствовать, ставя под угрозу судьбу экспедиции. На это Александр мог возразить, что его личная храбрость помогла значительно сократить военную кампанию. На людей из племени мали падение их оплота, как и обстоятельства, при которых это произошло, произвели такое впечатление, что они капитулировали, считая бесполезным дальнейшее сопротивление подобному сверхчеловеку. В то же время прибыло посольство и от оксидраков, которые, под впечатлением войны Александра с их соседями, решили признать свое поражение, не открывая военных действий. Теперь армия Александра вполне была убеждена в его удивительных свойствах и в его незаменимости.

Путешествие на юг продолжалось, прерываемое мелкими стычками. К февралю 325 г. до н.э. значительно расширившийся флот Александра вступил в воды Инда. Здесь, на южной границе сатрапии Филиппа, был построен еще один пограничный городок. Чтобы укрепить коммуникации с Восточным Ираном, Александр заменил ненадежного персидского сатрапа Паропамиса своим тестем Оксиартом.

Еще за пять месяцев Александр с войском добрался до дельты Инда. За это время состоялось несколько кровопролитных столкновений между македонянами и независимыми князьками, которые пытались остановить продвижение Александра. Они снова заканчивались резней.

Диодор, очевидно, не преувеличивает, когда пишет, что «Александр навел ужас на всю область». Ожесточенное сопротивление индусов было вызвано пропагандой «священной войны» со стороны жрецов-браминов (брахманов). Как и прежде, встречаясь с непримиримой идеологической оппозицией, Александр отвечал на нее террором. Многие брамины, попавшие в его руки, были повешены по его приказу. Все же царь недооценил своих противников. Впоследствии их сопротивление вспыхнуло с новой силой. Македонский гарнизон в Пятиречье продержался лишь до конца IV в. до н. э.

Примерно в районе современного Шикарпура Александр снова разделил свою армию. Кратер с тремя отрядами фаланги, македонскими ветеранами и боевыми слонами должен был пройти через Карманию. После этого ему предстояло соединиться с остальной армией и флотом в устье Евфрата или в ином ближайшем пункте на берегу Персидского залива. Путь Кратера лежал через перевал Мулла, на Кандагар, затем на юго-запад, мимо озера Систан, через Керманскую пустыню. Снова Александру пришлось разделить Кратера с его соперником Гефестионом.

В этом случае обращает на себя внимание хорошее знание Александром местной географии. Он спланировал заранее весь поход, включая места свиданий. Не следует забывать о большой ценной работе, проделанной разведчиками Александра, как и его учеными, которые чертили карты и планы местности, собирали растения, изучали природные ресурсы и собирали много других полезных сведений. Без их постоянной и разносторонней помощи перед экспедицией встали бы огромные трудности.

Назначив Петона губернатором Нижней Индии, Александр завершил свою индийскую кампанию. Греческие писатели, завороженные этим таинственным и прекрасным краем, преувеличивали значение военной экспедиции. Александр проник не дальше нынешнего Западного Пакистана, и имя его практически не фигурирует в позднейшей индийской литературной традиции. Лишь недолгое время его представители управляли, хотя бы формально, пространством от Кашмира до Карачи. Однако их позиции были ненадежными, а индусы рассматривали их как захватчиков-варваров. Стоило Александру удалиться, как началось разрушение его дела. Сатрап Филипп был убит наемниками. В Пенджабе началось сопротивление под руководством кшатрия Чандрагупты. После смерти Александра к Чандрагупте присоединился, по иронии судьбы, пенджабский раджа, скорее всего – Пор. Они создали империю, о которой Александр мечтал, но не сумел завоевать. Династия Маурьев, основанная Чандрагуптой, владела территорией до Бенгалии и Ганга на восток, а к югу – до Майсура.

Александру было трудно понять, насколько своеобразна, не похожа на все, до сих пор им виденное, индийская культура. Уже в Таксиле он, как и другие гости с Запада, был поражен, встретившись с обнаженными аскетами-джайнистами, которых греки прозвали «нагими мудрецами». Александр и его советники, склонные к синкретическому мышлению, сочли этих аскетов чем-то вроде греческих киников, наподобие Диогена. Александру удалось уговорить одного из них оставить аскетическую жизнь и присоединиться к экспедиции. Этого человека другие мудрецы окрестили «рабом плотских утех» за то, что он согласился служить кому-то, кроме богов. Говорят, он впоследствии сжег себя.

В Паттале, которой Александр достиг в июле, Инд разбивается на два рукава. Оставив Гефестиона укреплять цитадель и строить порты, сам царь отправился на разведку по правому рукаву реки. Из-за юго-восточного муссонного ветра его флотилия сильно пострадала от шторма. Наконец она бросила якорь на одном из островов в устье Инда. Теперь Александр и его люди действительно достигли океана.

Восточная кампания Александра завершилась. Однако он символически решил закрепить власть своей державы на океане. Достигнув еще одного острова в двадцати пяти милях от берега моря, он

распорядился установить алтарь в честь океана, а потом, после небольшого исследовательского круиза вдоль побережья, царь и его спутники вернулись на первоначальную стоянку. Там они совершили жертвоприношения в честь Посейдона, ради успешного возвращения домой, и отплыли назад вверх по реке; хотя левый, восточный рукав делал обратный путь значительно длиннее, Александр надеялся, что здесь ему будет безопаснее. Действительно, этот рукав был защищен от муссонных ветров. Во время своего плавания Александр отправил конницу в трехдневный поход вдоль побережья моря, и отдельным отрядам было поручено искать источники питьевой воды. В гавани у соляного озера был сооружен порт и оставлен гарнизон для охраны.

Вернувшись на базу, царь приступил к тщательной подготовке экспедиции. Если флот должен был через Эритрейское море отплыть в Персидский залив, то он не мог обойтись без источников воды и продовольствия, и лучше было расположить их на определенном расстоянии один от другого. Однако все источники сообщают, что прибрежная область представляла собой бесплодную пустыню (ныне эта область именуется Макран). Александр с большей частью войска и всеми гражданскими лицами намеревался, поскольку это возможно, пройти вдоль побережья, копая колодцы и устраивая склады с продовольствием. Неарх был назначен командующим флотом.

Предпринимая этот опасный поход, Александр руководствовался разными целями. Его действительно интересовало возрождение боеспособного флота. Опасно было бы также оставить без контроля иранско-белуджистанскую область, граничившую с Макраном. Вполне вероятно, Александр также хотел проложить торговый путь от Индии до Евфрата. Но Неарх, которому истина, очевидно, была известна лучше других, писал, что Александр, зная о предстоящих трудностях, тем не менее был снedaем желанием пройти этим путем. Согласно античной традиции, это пытались сделать только царица Семирамида и Кир Великий, причем первая дошла до цели лишь с двадцатью спутниками, а Кир – только с семьей. Александр снова решил превзойти предшественников, по крайней мере, попытаться это сделать.

Неарх с флотом не мог отправиться в путь прежде окончания муссонных ветров, то есть конца сентября. Александр же с войском вышел в поход в конце августа, значительно опередив Неарха. Сначала все шло по плану. В районе нынешнего Карачи был основан город Рамбакия. Аполлофан стал сатрапом всей этой области, а Леоннат – военным губернатором с достаточно широкими полномочиями. Они должны были поддерживать порядок в крае и готовиться к прибытию флота.

Потом Александр со своими людьми пошел по Гедрозии, стараясь держаться поближе к берегу моря. Получить продовольствие от местных жителей было почти невозможно. Здесь ничего не росло, кроме колючих кустарников и случайных пальмовых деревьев. Макран оказался еще менее гостеприимным. Сначала передовые отряды Александра копали колодцы, но потом они дошли до горного хребта, который тянется вдоль всего макранского побережья, и это вынудило их уйти в глубь пустынной области. Здесь начались настоящие испытания, воины постоянно страдали от жажды, и часто им приходилось проходить от двадцати пяти до семидесяти пяти миль от одного источника воды до другого. Когда же они были у цели, воины, обезумевшие от жажды, бросались в водоем, не снимая доспехов. Многие умирали от излишка выпитой после долгой жажды воды и еще многие – от теплового удара. В конце концов Александр вынужден был устраивать привал не менее чем в двух милях от источников воды. Сам он сохранил авторитет, так как разделял все лишения со своими воинами. Под палящим солнцем войско шло по песчаной пустыне, где повозки увязали в песке и в сапоги набивались раскаленные песчинки. Ядовитые змеи жили повсюду среди растений, которые также часто были ядовитыми. Слишком большое количество воды могло быть не менее опасно, чем ее отсутствие.

Однажды вечером обоз, вместе с многими гражданскими лицами, стал лагерем в сухой речной долине, чего македонским командирам допускать не следовало. Внезапно в горах началась гроза, и на

лагерь хлынул мощный поток воды, унося прочь вещи, включая царский шатер, палатки, многих женщин и детей и большое количество оставшихся гужевого животных. Многие воины едва не утонули.

Довершением бед были песчаные вихри, уничтожавшие все ориентиры на местности, так что даже проводники сбивались с пути, выбирая тропы, ведущие все дальше от побережья. Тогда Александр с небольшим конным отрядом отправился на юг и достиг берега моря. Там люди стали рыть колодцы и, к своему великому восторгу, нашли свежую, чистую воду. Неделю войско шло вперед, находя воду повсюду, где начинали рыть колодцы. А потом проводники нашли дорогу на Пуру, центр Гедрозии. Через два месяца после вступления на Макран почерневшие от солнца, изможденные люди достигли, наконец, безопасного места. Там Александр подсчитал потери. Он вышел в поход с 85 000 человек, среди которых было много гражданских лиц. Из них осталось в живых не более 25 000 человек, а гвардия гетайров сократилась с 1700 до 1000. Лошади, мулы, запасы, оборудование – все это пропало.

Александр был нужен козел отпущения. Первой его жертвой стал злосчастный Аполлофан, в чьей сатрапии случилось это несчастье. Царь написал письмо с объявлением сатрапа отрешенным от власти. Но тут пришло донесение от Леонната, который сообщил, что местные племена напали на его отряд и, причинив немалые потери, отступили. В числе убитых был и Аполлофан. Лишенный намеченной жертвы, Александр в пропагандистских целях представил поражение Леонната как победу, в результате которой он будто бы уничтожил 6000 туземцев, потеряв всего десятка два воинов. При низком моральном духе и после всего, что произошло, войско не перенесло бы известия о поражении.

Более обнадеживающими были вести от Кратера; он разгромил двух персидских вельмож, поднявших мятеж, и в цепях отправил их к Александру. Но в целом картина была невеселой. Отовсюду доходили слухи о неверности, некомпетентности, раздорах и неурядицах. До сих пор не было ничего слышно о флоте. Многие сановники, решив, что Александр не вернется из Индии, стали вести себя как независимые царьки. Слухи о поведении Гарпала довершали общую картину. После тяжелых потерь в Гедрозии и репутация самого Александра как «не знавшего поражений» оказалась под вопросом.

После короткой передышки в Пуре Александр снова отправился в поход: время терять было нельзя. Его новой целью был Салм в Кармании. В этот раз Александр предусмотрительно придерживался менее строгой дисциплины. В пределах Кармании его войско приветствовал персидский сатрап Астасп. Об этом человеке Александр уже имел сведения как о заговорщике. Но при встрече царь только приветствовал сатрапа и подтвердил его полномочия. Однако ко времени вступления в Салм Александр получил немало доказательств измены перса. Кроме того, в провинции повсюду чувствовался дух глухой враждебности. Астасп был арестован и казнен. Александр начал чистку сатрапов.

Фактически же она началась раньше – сатрап Паропамиса, замененный тестем царя, также был в дальнейшем казнен за измену. Ясно, что требование Александра к сатрапам явиться к нему в Карманию с запасами провизии и вьючными животными преследовало не одну цель. Как только из Экбатан прибыли Клеандр, Ситалк и два их помощника, они были схвачены и приговорены к смертной казни. Гарпал предусмотрительно скрылся от гнева Александра. Получив вызов, он бежал к морю, захватив 6000 наемников и 5000 талантов серебром. Он отплыл в Афины, где уже имел почетное гражданство. Бегство казначея, последовавшее за казнью Клеандра и Ситалка, устранило угрозу переворота. Александр был, как обычно, точен в своих расчетах. Когда он разослал всем военачальникам и сатрапам Азии приказ немедленно по получении его письма разоружить свои наемные войска, этот приказ был тут же исполнен.

С другой стороны, эта мера диктовалась лишь жесткой политической необходимостью. В Азии и без того уже хватало безработных наемников. Не имея постоянного хозяина, они начинали добывать пропитание грабежом. Вскоре Азия была полна такими бродячими бандами, и, когда в Греции снова оживилось сопротивление, многие из них добрались туда, чтобы принять в нем участие.

В декабре 325 г. до н. э. к Александру благополучно добрался Кратер с войском и боевыми слонами.

Вскоре поступили сведения, что Неарх уже близко и скоро прибудет. Александр не мог поверить в это и даже сначала арестовал правителя провинции за распространение ложных слухов. Даже когда перед царем появился сам Неарх, оборванный и заросший, Александр подумал, что в живых остались лишь сам командующий флотом и пять его спутников. Горе от предполагаемой потери флота значило для него больше, чем радость от спасения командующего. Однако, когда Неарх сообщил, что флот добрался до места и корабли сейчас проходят ремонт в Гормузе, радость Александра не знала границ. Он принес жертвы богам и велел устроить праздничные состязания атлетов и музыкантов в честь возвращения флота и, как утверждает Аристобул, «в честь покорения Индии и спасения армии в Гедрозии» (можно только догадываться, какое впечатление произвела эта благочестивая ложь на воинов).

Прежде чем отправиться в Персеполис, в январе 324 г. до н. э. Александр вручил Гефестиону обоз, боевых слонов и значительную часть армии и отправил их по длинной, удобной дороге вдоль побережья, где легко можно было найти необходимые припасы. Сам же царь вместе с конной гвардией и легкой пехотой отправились в путь через внутренние земли Персии. Есть основания утверждать, что с Александром был и соперник Гефестиона, Кратер. Неарх по его желанию остался с флотом; их новым местом встречи должны были стать Сузы.

После несчастий в Гедрозии в характере Александра произошла перемена к худшему. Он становился все более подозрительным и склонен был верить любым наговорам на своих чиновников. Царь сурово наказывал даже сравнительно небольшие провинности, обосновывая это тем, что чиновники, в них виновные, могут легко совершить и серьезные преступления. Отчасти это было связано с его политикой, но были и другие причины. Сказались ли здесь упоение победами, огромные богатства, абсолютная власть, привычка к пьянству, постоянное напряжение или все это вместе, судить трудно. Но поступки царя теперь определяла не только политическая необходимость, но и его растущая мания величия.

К концу февраля Александр достиг Суз, где он сделал длительную остановку. Царь уже вынашивал планы новых завоеваний, теперь в Западном Средиземноморье. Как возможные цели обычно называют Северную Африку, Карфаген, Италию, Испанию. Появились даже слухи о планах морского путешествия вокруг Африки. Встретившись с Неархом, Александр обсуждал с ним этот замысел. Царь приказал начать строительство не менее чем 700 новых больших кораблей в Тапсаке на Евфрате. Цари Кипра должны были обеспечить для этого флота медь, пеньку и паруса.

В Сузах продолжалась и чистка сатрапов. Сатрап Сузианы и его сын были казнены по обвинениям в злоупотреблениях властью, халатности и срыве снабжения войск в Гедрозии. Всякое организованное сопротивление в Азии было сокрушено, и Александр мог продолжать свою политику ориентализации. Вопреки мнениям некоторых современных исследователей, она не была связана с идеей смешения рас или братства людей. Ее цели были гораздо более конкретными и практическими. Александру нужно было внедрить персидских военачальников в свою командную структуру и создать персо-македонское чиновное сословие. Вполне возможно, он даже стремился к полному замещению своих македонских кадров. После тяжелых потерь в Индии и Гедрозии Александр сократил число частей гвардейской конницы гетайров с восьми до четырех и добавил пятый отряд, созданный на основе личной гвардии. Впервые персы были полностью интегрированы в новую структуру. Их привилегированные представители вошли в царскую личную гвардию и были вооружены по-македонски.

К тому же 30 000 персидских юношей, получивших по распоряжению Александра македонскую военную подготовку, снова появились в Сузах. Александр не жалел для них похвал. Он не только называл их преемниками, что само по себе было плохо, но и дал понять, что они являются своеобразным «противовесом» македонской фаланге.

Неудивительно, что появление этих персов вызвало обеспокоенность и недовольство ветеранов Александра, которые полупрезрительно, полужавистливо именовали пришельцев «военными танцорами». Опасения ветеранов были не столь уж необоснованны. Для царя уже давно центром его империи стал Вавилон, а не Пелла, и о делах Греции он заботился не многим больше, чем о любой своей отдаленной провинции.

Кульминацией его волевых усилий по интеграции на высшем уровне стали знаменитые сузанские свадьбы, когда сто восемьдесят^[10] высших македонских военачальников взяли в жены персиянок и мидиек. Сам Александр женился на двух невестах одновременно: дочери Дария и дочери Артаксеркса Оха. Эти женитьбы должны были укрепить права Александра как преемника Ахеменидов, даже путем появления одновременно трех цариц^[11]. Гефестиона он женил на второй дочери Дария, вероятно, желая, чтобы его дети были и племянниками самого Александра.

Но это вызвало недовольство соперников Гефестиона. Последний недавно принял командование гвардией и считался вторым лицом в империи, наиболее вероятным преемником самого царя. Это не способствовало его популярности среди македонян.

Впрочем, и сами эти свадьбы не привели к ожидаемому для Александра результату. Эти браки были заключены просто по приказу царя, и большинство из них распалось сразу после того, как его не стало. Для македонян они просто были проявлением его восточного деспотизма. Его идея о создании нового правящего класса, свободного от национальных различий, закончилась провалом.

В войсках доверие к царю теперь было подорвано, и ему приходилось их убаюкивать с помощью подкупа. Многие его воины сильно задолжали купцам, маркитантам и барышникам. Александр, вновь получивший доступ к казне, объявил, что сам расплатится с этими долгами. Он потребовал подробные списки должников и долгов, чтобы сделать это сразу же. Эта затея стоила ему 20 000 талантов, но не слишком увеличила его популярность.

Другой, куда более серьезной проблемой, которая была создана политикой самого Александра, особенно после роспуска частных армий сатрапов, были многочисленные безработные греческие наемники. Из просто социальной опасности, что было плохо само по себе, они теперь превратились в серьезную военно-политическую угрозу. Царь пытался разрешить эту проблему, принимая на службу всех, кого мог, и строя военные поселения далеко на Востоке. Но таким образом он не мог устроить всех, а среди них были и такие, которые ненавидели Александра и все его дела и ни за что не хотели служить ему. К тому же во время чистки несколько сатрапов и военачальников бежали с деньгами в Тенар, антимакедонский центр, готовивший воинов в Южной Лаконии.

Афинский военачальник Леосфен решил воспользоваться такой возможностью и, вероятно, с ведома своих правителей решил организовать подпольную переправу наемников из Малой Азии на Пелопоннес.

Сложилась потенциально опасная ситуация: у наемников теперь был центр подготовки и руководители, способные платить деньги, в том числе Гарпал со своими 5000 талантов. Около 3000 мятежных военных колонистов из Бактрии также добрались в это время до Греции.

Александру срочно нужно было принимать превентивные меры. Для начала он обнародовал воззвание к самим греческим изгнанникам, в котором говорилось:

«Царь Александр – к изгнанникам из греческих городов. Не я был причиной вашего изгнания, но я послужу причиной вашего возвращения в родные города, не считая тех из вас, на ком лежит проклятие за убийство или святотатство. Я отправил письмо Антипатру, чтобы, если какие-то города не захотят вас принять обратно, он заставил бы их это сделать».

Таким образом Александр решил разобраться со своими греческими пособниками, которые теперь

едва ли были ему нужны, снять проклятие с изгнанников с помощью Антипатра, который пока еще был нужен, и получить кредит доверия, пересмотрев прежнюю македонскую политику в полисах Греции. В марте воззвание Александра было оглашено перед войсками. Он хотел, чтобы в Греции оно было официально объявлено во время летних Олимпийских игр, и послал со специальной миссией Никанора, своего приемного сына. С ним он отправил и второе послание – с требованием, чтобы в Эллинском союзе официально признали божественность Александра.

Это была чисто политическая и идеологическая акция, так как едва ли Александр мог рассчитывать извлечь отсюда особую практическую выгоду. Это не могло понравиться не только македонянам, но и персам, для которых звучало почти как кощунство. Ученые-греки посмеивались над подобными претензиями. Самый интересный и весьма ироничный ответ на это требование поступил во время дебатов от Даниса из Спарты: «Если Александр хочет считаться богом, пусть считается».

Но что бы ни думали об этом другие, для Александра вопрос о собственном обожествлении был серьезным. С годами росла его изоляция – следствие абсолютной власти, и вместе с ней росла мания величия. Мятеж в Индии и несчастья в Гедрозии только способствовали этому. В иллюзии богоподобия он находил убежище от ненадежности власти. Александр захотел стать богом, когда уже не рассчитывал просто на свои силы как человек-правитель. Обожествление власти было для него защитой от страха неудачи. Царь был еще силен, но силы его уже были на исходе.

Весной 324 г. до н. э. Александр покинул Сузы. Гефестион с большей частью пехоты отправился сухопутной дорогой к реке Тигр, а Александр отплыл вниз по реке Эвлей, затем – вдоль морского побережья до устья Тигра, а далее – вверх по реке, до места, где он снова встретился с Гефестионом.

Отсюда он отправился в город Опис, находившийся примерно в 200 милях от Вавилона. В Описе царь собрал македонские войска и объявил о демобилизации «всех, не способных нести службу по возрасту или увечью». Все ветераны, помимо обычной платы, должны были получить от Александра щедрые пожалования, достаточные для того, чтобы вызвать зависть соплеменников и соблазнить новых рекрутов.

Однако речь царя вызвала возмущение воинов. Те, кого он увольнял, кричали, что для них оскорбление, когда их, потерявших здоровье на службе, выбрасывают, как сор. Ветераны помоложе, у которых истек срок службы, требовали, чтобы их тоже демобилизовали. Все они были напуганы тем, что царь в них больше не нуждается, что оставшиеся станут небольшим меньшинством в войске, состоящем из персов, что Александр «утвердит свой престол в Азии», и они, возможно, уже не вернуться на родину. Воины угрожали царю бунтом.

В слепой ярости Александр спрыгнул с помоста и, сопровождаемый гвардейцами, прошел по рядам, указывая на главных смутьянов. Тринадцать человек были схвачены и уведены на казнь. Воины испуганно молчали. Тогда Александр, умевший во время кризисов принимать психологически верные решения, снова взшел на помост и с холодным презрением начал перечислять все блага и почести, полученные македонской армией еще от его отца Филиппа.

«Однако, – продолжал он, – все это меркнет по сравнению с тем, что сделал для вас я». С этими словами он стал перечислять все, что они от него получили. Царь горько упрекал своих воинов за их неверность и трусость. «Вы все хотите оставить меня? – кричал он. – Так уходите прочь! Я не желаю вас видеть!» Царь удалился в свой шатер, а его воины стояли в молчании, не зная, что им делать.

Как обычно в подобных случаях, Александр решил самоустраниться и выжидать. Толпа ветеранов окружила его шатер, но он не принимал их. На третий день он объявил, что формирует гвардейские части, подобные старым македонским элитным частям, из персидских «преемников». Кроме того, он пригласил представителей высшей персидской военной знати, объявив об их назначении на командные должности,

которые раньше занимали только македоняне. Эти новые назначения означали также (по ахеменидской традиции), что новые военачальники считались «родичами царя».

Когда в войске узнали обо всем этом, воины, не в состоянии вынести подобные действия царя, сдались на его милость. Они всей толпой окружили шатер и заявили о готовности выдать зачинщиков мятежа.

Они отказывались разойтись, пока Александр их не примет.

Добившись психологического перелома, Александр вышел из шатра, готовый теперь проявить великодушие. Увидев слезы на глазах своих ветеранов, он и сам пролил слезы (возможно, это были слезы облегчения). Один оратор, старый кавалерийский командир, сказал царю, что самым большим огорчением для них всех было то, что он сделал персов своими родичами. «Да ведь я вас всех считаю родными!» – воскликнул царь.

Кончилось тем, что все они собрали брошенное оружие и вернулись в лагерь, распевая победную песню, хотя, пожалуй, основания для этого были только у самого Александра.

Македоняне все же оставались лучшими воинами Александра, и он не жалел для них лестных слов. Кроме того, он устроил большой пир, в знак двойного примирения – между самим Александром и его ветеранами и между персами и македонянами. Назвав бывших мятежников царскими родичами, Александр тем самым поднял их статус до уровня персидской знати и во время пира подчеркнул их привилегированное положение, так как они сидели по обе стороны от него.

Когда же празднование кончилось, царь реализовал свой проект демобилизации, но на более широкой основе.

Было отправлено на родину не менее 11 000 ветеранов, а это значит, что демобилизованы были и люди помоложе, у которых вышел срок службы. Они действительно были щедро вознаграждены. За все время дороги домой им было выплачено жалование как за действительную службу, а сверх того каждый воин получил премию в один талант. Александр пообещал, что дети воинов от местных жен получат хорошее македонское воспитание и военную подготовку. Когда же все они вырастут, добавил царь, то все будут возвращены в Македонию. Очевидно, из этих мальчиков (а их было до 10 000), Александр решил создать армию из воинов со смешанной кровью и с постоянным местом жительства.

Начальником демобилизованных ветеранов стал Кратер, а его помощником – Полипехрон. Но это, очевидно, было прелюдией важных перемен. Достигнув Македонии, Кратер должен был обрести власть над Македонией, Фессалией и Фракией и «обеспечить свободу» Греции. Антипатр же должен был передать Кратеру командование в Греции, мобилизовать новых воинов взамен демобилизованных и во главе их явиться в Вавилон.

Антипатр, очевидно, предполагал, что следующий удар может быть направлен против него. Казни Каллисфена, Филоты, Пармениона и его зятя уже показали, куда дует ветер. Александр, видимо, уже решил, что Антипатр, единственный сохранивший могущество представитель старой гвардии, замышляет захватить престол. Возможно также, что Антипатр мог быть сделан козлом отпущения за репрессивное правление Александра в Греции, хотя Антипатр выполнял приказы царя. Его замена Кратером должна была знаменовать начало демократической эпохи, подтверждением чему послужило бы возвращение 40 000 изгнанников-демократов.

Подчинение приказу явиться в Вавилон должно было означать для Антипатра смерть, и он понимал это. В Македонии у него была не только популярность, но и подчиненное ему войско. Решив, что Александр сейчас не пожелает помериться с ним силами, Антипатр остался дома и послал к царю своего сына Кассандра.

Каковы были шансы Антипатра в этой возможной борьбе?

Он был популярен в Македонии, тогда как Александр уже десять лет находился за границей. Его войско было ему преданным и состояло из молодых воинов, а люди Александра растратили силы и здоровье в многочисленных сражениях, и многих из них пришлось заменить уроженцами Востока, что уже не раз вызывало волнения среди ветеранов. Антипатр имел основания для уверенности. В то же время он стал осторожно искать возможных союзников в греческих полисах. Два государства, Афины и Этолия, были очень недовольны указом Александра о возвращении изгнанников, потому что исполнение его для них было чревато территориальными потерями. Антипатр начал секретные переговоры с этолийцами и, конечно, должен был предпринять попытки найти контакт с Афинами, чей большой и мощный флот мог быть очень полезен для возможной обороны Греции.

Как раз в это время, в начале июля 324 г. до н. э., на сцене снова появился Гарпал, старый и самоуверенный политический интриган. Если он и предлагал Антипатру деньги, то последний, скорее всего, отверг это предложение. Гарпал мало подходил для роли зачинщика переворотов, иначе ему бы не пришлось в голову навязывать открытый бунт людям, уповавшим на тайную дипломатию. Когда он появился в Пирейской гавани, наивно ожидая, что его встретят как героя, этот порт оказался закрытым для него.

Однако во второй половине месяца Гарпал объявился снова, на этот раз под скромным предлогом оказания материальной помощи, всего с тремя кораблями, имея с собой 700 талантов.

Проникнув в город, он быстро обрел сторонников в деле подготовки мятежа. В это время, одно за другим, прибыли посольства Антипатра, Александра и Олимпиады с требованием немедленной выдачи Гарпала. В Афинах начались жаркие споры, следует ли выдавать Гарпала, а если следует, то кому именно.

В конце концов Демосфен выработал компромиссную формулу. Гарпал был взят то ли под стражу, то ли под охрану. Его деньги передали особой комиссии (куда входил и сам Демосфен) для сохранения в Акрополе. Этот шаг был неприязненно встречен «партией войны». Гиперейд даже заявил, что, арестовав Гарпала, они отрезали себе путь к цели. Но по крайней мере, Гарпал был жив и не в руках Александра.

Демосфен же отправился в Олимпию, где в начале августа были оглашены указы о возвращении изгнанников и об обожествлении Александра. Как представитель Афин, Демосфен имел право вести переговоры с посланцем Александра Никанором.

Предметом этих переговоров, помимо статуса Самоса, где у афинян были поселенцы, должна была стать и участь Гарпала. Переговоры этих двоих лиц по понятным причинам оставались секретными. Но известно, что Александр, хотя и неохотно, признал право афинян на Самос. Ясно, что имела место какая-то сделка, скорее всего связанная с выдачей Гарпала. Если так, то у Демосфена были основания не афишировать эту сторону своей деятельности. Не успел он вернуться в Афины, как Гарпал ухитрился бежать с помощью неизвестных лиц.

Это, конечно, вызвало большой политический скандал, который еще усилился, когда стало известно, что из 700 талантов лишь половина оказалась в сокровищнице Акрополя.

Все известные люди в Афинах перессорились, выступая с взаимными обвинениями. Была создана комиссия по расследованию происшествия, но через полгода она все еще не обнародовала своих результатов.

Оживленные дебаты вызвал и вопрос о том, следует ли признать Александра тринадцатым божеством.

Демад сделал при этом хитрый ход, чтобы предупредить противников этого мероприятия. Он заявил, что афиняне, слишком занявшись небесами, могут потерять землю (имея в виду Самос). Намек был понят,

и даже Демосфен, убежденный противник обожествления, нехотя согласился: «Пусть Александр именуется сыном Зевса, а если он желает, то еще и Посейдона».

Потеря друга

Чтобы избежать жары на равнинах, Александр со своими людьми отправился в Экбатаны, обычную летнюю резиденцию македонских царей. Здесь, когда были решены неотложные дела, царь устроил роскошное празднество в честь Диониса с соревнованиями атлетов, музыкантов и выступлениями 3000 специально приглашенных греческих артистов.

Вечернее винопитие превратилось в своеобразный ритуал. Во время одного такого застолья Гефестион, чья восприимчивость к алкоголю была, судя по всему, не меньше, чем у Александра, вдруг упал, и его отнесли в постель. У него началась горячка. Врач предписал строгое воздержание, и неделю Гефестион следовал этому указанию. Потом он почувствовал себя лучше и однажды утром, встав с постели, съел вареного цыпленка и выпил полгаллона холодного вина, после этого почувствовал себя очень плохо. Когда Александру дали знать, что его другу стало хуже, царь поспешил к нему со стадиона, где следил за выступлениями атлетов. Когда он появился у постели Гефестиона, тот уже скончался.

Гефестион, второе «я» царя, не был популярен. Высокий, сильный, своенравный, злой, недалекого ума, он хорошо мог командовать тысячей воинов, но не годился для того, чтобы управлять. Основной его характеристикой была неукоснительная личная преданность Александру. Когда говорили, что, например, Кратер предан ему не меньше, Александр отвечал на это: «Кратер любит царя. Гефестион любит меня самого».

Горе царя, как и его последствия для окружающих, превзошло всякие пределы. День и ночь он оплакивал друга, и никто не мог утешить Александра. По всему Востоку был объявлен общий траур. Сам царь остриг волосы в знак печали, как Ахилл в знак траура по Патроклу. Врач Гефестиона был казнен, а храм Асклепия в Экбатанах – разрушен. Набальзамированное тело Гефестиона было отправлено в Вавилон с царским эскортом под командованием Пердикки. Началась подготовка к торжественной похоронной церемонии. Она была совершена ранней весной 323 г. до н. э. на средства всех провинций империи.

После кончины Гефестиона не было никаких новых назначений на вакантную должность командира конной гвардии гетайров, известной как Гефестионов отряд. Мы можем только догадываться, какого рода будущее готовил Александр для фаворита. Известно, что примерно через месяц после его кончины Роксана забеременела, и будущий первенец стал единственным и законным наследником царя.

Между тем Гарпал, после своего удивительного бегства из Афин, снова оказался на Пелопоннесе, собрал свою флотилию и отплыл на Крит, пристанище всех неудачников. Там он вскоре был убит македонским агентом. Похоже, Александр расплатился еще по одному счету.

Демосфен, возможно, фигурировал в досье на Гарпала, собранном Филоксеном, управляющим Киликией. Во всяком случае, в марте 323 г. до н. э. афинский суд присяжных признал великого оратора виновным во взяточничестве и приговорил к штрафу в 50 талантов. Он не мог заплатить и попал в тюрьму, откуда, однако, позднее бежал, подобно Гарпалу, видимо с помощью охраны. После побега Демосфен отправился в Эгину, где и пребывал до тех пор, пока не стало Александра.

Бурная экспедиция

Лучшее лекарство от горя – работа, а для Александра существовала только одна профессия – война. Зимой 324/323 г. до н. э. он начал новую, последнюю свою кампанию – против коссеев, горцев, обитавших к юго-западу от Экбатан. Он опустошил их землю за пять недель, назвав это «жертвой в память Гефестиона».

Царь продолжал вынашивать планы новых завоеваний и авантюр. Прежде чем уйти из Экбатан, он отправил разведывательную экспедицию на Каспий, включив в ее состав плотников и кораблестроителей. Они должны были рубить лес и строить военные корабли в греческом стиле, будто бы для исследовательских целей, на деле же, конечно, для задуманной прежде войны со скифами.

Тем временем войско отправилось в Вавилон. По дороге Александр повстречал халдейских прорицателей, которые предупредили его, что с ним случится большое несчастье, если он войдет в Вавилон. Впрочем, по их словам, Александр вполне мог избежать этой опасности в случае восстановления им храма Мардука. Но он никоим образом не должен входить в город с восточной стороны, то есть лицом к заходящему солнцу. Это было явное вымогательство. Александр распорядился начать работы по восстановлению храма еще семь лет назад, во время первого визита в Вавилон. Расходы, как обычно в таких случаях, должны были оплачиваться из храмовых средств. Но эти средства долгие годы были достоянием жречества. А такое грандиозное строительство означало бы их быстрое истощение. Вот почему почти никаких работ по восстановлению не велось. Теперь жрецы решили, очевидно, вынудить царя оплатить это предприятие из собственной казны. Интересно, однако, что он прислушался к предостережению. Большая часть армии вошла в Вавилон, Александр же устроил свой лагерь на некотором расстоянии от города.

Философы-рационалисты вроде Анаксарха вскоре настроили Александра на более скептический лад, но и тогда он попытался найти дорогу в Вавилон через заболоченную местность к западу от реки. Его путь в город сопровождался неблагоприятными знаменами, и его мнение о греческих философах сильно упало. Однако приходилось думать и о многом другом. Ежедневно к царю прибывали послы со всех концов Средиземноморья. Одни предлагали союзы, другие приходили с жалобами, и все приносили богатые дары, в том числе золотые короны и венки.

Не прибыло посольство только из Аравии. Это уже можно было рассматривать как предлог для конфликта. Даже Арриан замечает в связи с этим, что основным мотивом Александра была «неутолимая жажда расширения своих владений». Морская экспедиция, ранее посланная для обследования аравийского побережья, вернулась со сведениями об обширности и процветании этой земли. Финикийские корабли были разобраны, перевезены на повозках по суше и снова собраны на Евфрате. В районе Вавилона был устроен огромный искусственный водоем, способный вместить до тысячи судов.

Между тем Александр устроил в городе погребальную церемонию в честь Гефестиона. Закончив это благочестивое дело, он покинул город. Царь и его друзья, снарядив флотилию из мелких судов, решили осмотреть болотистый приречный район, прилегающий к Евфрату, а также каналы, дамбы и шлюзы с целью исследовать навигационные возможности реки для прохождения флота, предназначавшегося для аравийской экспедиции.

Побывав в Вавилоне без всяких неприятных последствий, Александр решил было, что пророчество халдеев оказалось пустой угрозой. Но во время путешествия по вонючим малярийным болотам произошел эпизод, доставивший беспокойство и ему, и его спутникам. Когда Александр сидел за рулем своего суденышка, внезапный порыв ветра сорвал с его головы шлем, украшенный сине-белой царской лентой и

предохранявший от солнечных лучей. Лента, сорванная ветром, зацепилась за камыши, росшие у старинной усыпальницы, в которой были похоронены цари древней Ассирии. Это происшествие было неприятным само по себе, но дело невольно ухудшил один моряк, который спас знак царской власти, но при этом поместил его на свою голову, чтобы предохранить от воды. Александр наградил его талантом за его любезность, но приказал выпороть за оскорбление величества.

Когда царь снова появился в Вавилоне, туда уже прибыли Певкест с 20 000 персов, а также Филоксен с войском из Кари и Менандр с войском из Лидии. Началась подготовка к вторжению в Аравию. Александр продолжал свою политику интеграции. С этой целью он реорганизовал также фалангу, где теперь было четыре македонских и двенадцать персидских военачальников.

Во время одного из путешествий по городу Александр оставил на время свой паланкин, чтобы напиться. Пока он отсутствовал, какой-то беглый каторжник взобрался в паланкин, накинул царский плащ, надел диадему и уселся на трон. Когда от него под пыткой требовали ответа, зачем он это сделал, он отвечал только, что это-де было сделано по внушению бога. Александр заподозрил заговор, а так как инцидент напоминал церемонию «потешного коронования» во время вавилонских новогодних празднеств (было как раз это время), то царь, возможно, был не так уж не прав.

Все источники говорят о многих неблагоприятных знамениях, предшествовавших кончине Александра. Этот вопрос заслуживает более пристального рассмотрения. Чаще всего просто считалось, что все эти «знаки» были сфабрикованы задним числом, после того, что произошло. Но в данном случае они вполне могли быть подстроены еще до того, что произошло в действительности, теми, кто был заинтересован в устранении царя. Они хотели бы, чтобы смерть царя объяснялась естественными или «божественными» причинами, а не следствием деятельности людей. Говоря словами Еврипида, лучший пророк – тот, кто знает все заранее.

В это время прибыли новые послы, на этот раз из Греции, и с ними Кассандр, уполномоченный вести переговоры от имени отца. Он начал миссию неудачно, разразившись нервным смехом при виде перса, совершившего проскинес перед царским тронном. При этом Александр в ярости вскочил, схватил Кассандра за волосы и ударил головой о стену.

Много позже, когда Кассандр сам стал македонским царем, он невольно содрогался, даже увидев изображение Александра, ненависть к которому после посещения Вавилона сохранилась на всю жизнь.

Подготовка флота шла вовсю, но, несмотря на это, Александр впал в депрессию и пил столько, что вызвал беспокойство своего врача-грека. Он сам однажды признался, что «не знает, чем ему заниматься всю оставшуюся жизнь».

По этому поводу римский император Август, сам преуспевший в строительстве империи, заметил (и многие историки повторяли его слова), как он был удивлен тем, что «Александр не счел более важной задачей не просто завоевать империю... но устроить порядок на завоеванных землях». Однако для Александра покорение и воинская доблесть были всем. Скучная для него, хотя и важная управленческая работа вовсе его не привлекала. Хаос на Востоке и даже угроза гражданской войны на родине не могли отвлечь его от аравийских грез.

Но на этот раз мечте не было суждено осуществиться. Вечером 29 мая Александр давал пир в честь своего флотоводца Неарха. Как обычно, участники пира много выпили. После обеда Александр собирался удалиться в спальню, но его друг фессалиец Мидий устроил званый ужин и уговорил царя принять участие. Там Александру поднесли чашу неразбавленного вина, которую он осушил, и вдруг «громко вскрикнул, словно пораженный мощным ударом». После этого царя отнесли в спальню, а на другой день у него началась лихорадка. Однако он встал с постели и снова пообедал и выпил вина с Мидием. Следующей

ночью лихорадка усилилась настолько, что Александр спал в бане, чтобы его не знобило.

Следующий день, 31 мая, Александр провел в своей спальне, играя в кости. В ночь на 1 июня он снова перешел в баню, и там на следующее утро обсуждал с Неархом и другими полководцами планы аравийской экспедиции. Лихорадка между тем усиливалась. К вечеру 3 июня стало ясно, что царь серьезно болен. Несмотря на это, Александра, по его требованию, на другой день отнесли к месту совершения ежедневного жертвоприношения, после чего он давал указания своим военачальникам.

5 июня Александр признал, что он тяжело болен, и призвал к себе высших чиновников. К вечеру 6 июня он уже почти не разговаривал и передал свой перстень Пердикке для ведения повседневного управления. Среди воинов разнесся слух, что царь скончался, и македонские воины окружили дворец, угрожая взломать дверь, если их не допустят к царю. Наконец их пустили в царскую спальню с черного хода, и македонские ветераны бесконечной чередой проходили, прощаясь с Александром. Иногда он с трудом приподнимал голову, но в большинстве случаев приветствовал их только взглядом.

В ночь с 9-го на 10-е группа военачальников явилась в храм Сераписа (видимо, Мардука), чтобы спросить бога, не будет ли лучше царю, если внести его в храм. Оракул ответил, что лучше всего ему будет оставаться на месте. После этого друзья Александра, собравшись у его постели, спросили, кому он завещает свое царство. Александр с трудом прошептал: «Сильнейшему».

Последние слова Александра оказались пророческими: «Над моим телом начнется великая рознь». Утром 10 июня 323 г. до н. э. его глаза закрылись навсегда.

Есть много косвенных данных, а также прямых заявлений, что Александр и Гефестион умерли не своей смертью. Все античные источники передают версию, что Александр был отравлен, что яд будто бы приготовил Аристотель, а привез в Вавилон Кассандр, сын Антипатра, что яд царю подал в чаше с неразбавленным вином его виночерпий Иолай, тоже сын Антипатра. Если же царь не был отравлен, то он, скорее всего, скончался от малярии, которой заразился, очевидно, во время путешествия по болотам. К тому же прогрессирующий алкоголизм, вместе с последствиями страшной раны в Индии, сломили силу сопротивления даже его могучего организма.

Не многие искренне оплакивали Александра. Для греков он был тираном, а в Азии на него смотрели как на завоевателя. Он прошел 20 000 миль с помощью крови и насилия, навязывая свою волю. В его тылу вспыхивали мятежи, а его империя после того, как его не стало, распалась, и начался хаос. Сорок лет продолжалась кровавая междоусобная война между его полководцами. Когда Кассандр уничтожил Роксану и ее тринадцатилетнего сына (около 310 г. до н. э.), род Александра пресекся.

Если сам Александр при жизни требовал своего обожествления, то после его кончины он был мифологизирован. Легенды о нем стали развиваться и распространяться с тех пор, как Птолемей увез останки царя в Александрию и установил для обозрения в стеклянном гробу. В эпоху Августа, когда наступила пора новой мировой империи, Александр уже стал чем-то вроде полубога. Средневековый Искандер Двурогий восточного эпоса также оказался не менее странной метаморфозой, чем «волшебник» Вергилий. Этот харизматический миф продолжает жить и в наши дни; иные даже верят, что Александр стремился воплотить идеалы, лежавшие в основе деятельности Лиги Наций.

Я старался, опираясь на источники, по возможности рассеять подобные мифы, открыв читателям исторического Александра, человека из плоти и крови, а это нелегкая задача. Прежде всего его гений был полководческим, и, возможно, второго такого полководца не знала история. Его стихией были война и завоевания. Напрасно было бы, вопреки этой истине, считать, что Александр мечтал каким-то таинственным путем, перейдя реки крови, достичь братства людей. Всю жизнь, со всеми ее легендарными победами, он посвятил достижению личной славы, а эта цель до недавнего времени считалась вполне

достойной похвалы.

«Разве не доблесть царя – с триумфом войти в Персеполис?»

Примечания

1

Согласно другим современным данным, столицу перенес в Пеллу царь Архелай в начале IV в. до н. э. (Здесь и далее примеч. перев.)

2

Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881) – английский политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1868-м и в 1874—1880 гг.; лидер консерваторов; писатель. (Примеч. ред.)

3

В действительности дело обстояло сложнее: Аристотель, при известных оговорках, признавал монархию (в отличие от тирании) допустимой формой правления.

4

Византий – древний город на европейском берегу пролива Босфор. В 324—330 гг. на его месте основан Константинополь (с 1453 г. Стамбул), ставший столицей Византийской империи (другие названия: Византия, Восточная Римская империя). (Примеч. ред.)

5

Честерфилд Филипп Дормер Стенхон (1694—1773) – граф, английский государственный деятель и писатель. «Письма к сыну» (изд. в 1774) – свод норм и правил поведения в духе эпохи Просвещения. (Примеч. ред.)

6

По мнению ряда исследователей, Каллисфен не был автором истории похода.

7

Древнегреческий историк и военачальник V—IV вв. до н. э. Ксенофонт описал в одном из своих сочинений возвращение 10 000 греческих наемников из Азии.

8

«Анабасис» – сочинение Ксенофонта.

9

Ахурамазда – верховное зороастрийское божество.

10

По другим данным – восемьдесят.

11

Включая Роксану.